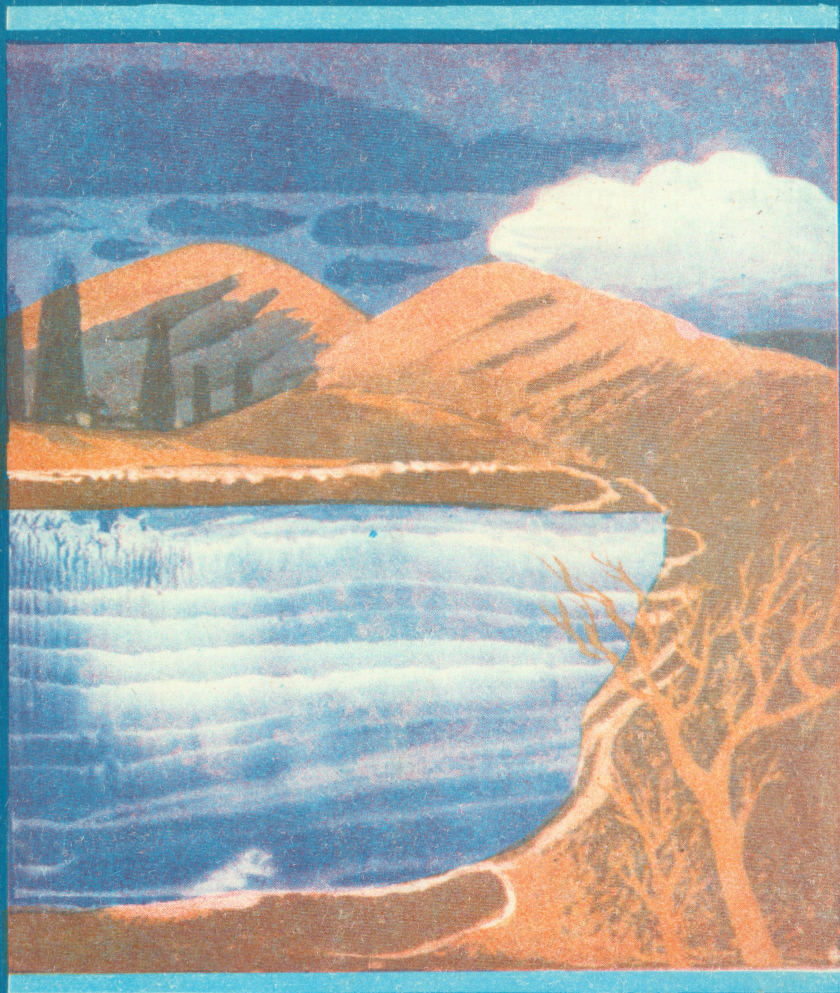

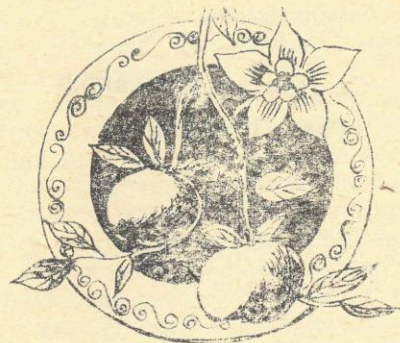
АБДУЛЛА ШАИТ

А32
Ш17

Рассказы

АБДУЛЛА
ШАИГ

Рассказы

февр 2015

Ф. Късали адина
Azərbaycan 181-ci Uşaq
KİTAPXANASI
INV. № 229782

БАКУ
Гянджлик — 1991

229782

Составитель и редактор
Рена Пашабекова

М — 4803060107 167-88
М 653 (12)—90

ISBN 5-8020-0168-2

Аз I

© «Азернешр», 1959

© «Азернешр», 1966

© «Гянджлик», 1984

© «Гянджлик», 1990

КОЧЕВЬЕ

Забрезжил рассвет, обещавший прекрасное майское утро, когда мать разбудила меня.

— Вставай, сынок, — и она, обхватив мою голову руками, повторила, — вставай, сынок. Все, кроме тебя, поднялись. И арба наша у ворот.

Я тотчас вскочил и быстро оделся. Наскоро проглотив чашку чаю, перескакивая через ступеньки, спустился по лестнице. Запряженная быками арба стоит у наших ворот. Аробщик Салман-киши, не спеша, степенно, по всем правилам, укладывал наши вещи в арбу. Сейчас мы тронемся в путь — какая радость. Вся наша семья уже собралась у арбы. Мы берем с собой и мою кошку Мэрмар, и мою большую пеструю курочку-хохлатку, вместе с цыплятами, спрятанными в корзину. Как же мне не радоваться? Все мы поднялись на арбу, и Салман-киши сел на козлы. Арба тронулась.

Отец мой ехал верхом рядом с арбой. Мы проезжали по большим, широким улицам города. Мимо проплывали знакомые высокие дома, широкие окна, блестящие витрины магазинов...

Когда мы выехали из города, на востоке разгоралось золотисто-багряное пламя, окрашивавшее облака, громоздившиеся на горизонте, подобно горной гряде.

Мы оставляли позади душные пыльные улицы города. Арба наша ехала по дороге, с обеих сторон усаженной высокими деревьями, за ними разбросаны были огороды и пашни.

Азербайджан... До чего же красива моя земля! От дуновения утреннего ветерка шелестит листва, волнуются молодые всходы и травка на полях и лугах, изумрудным ковром покрывающая холмы и долины. Звонко щебечут укрывшиеся в зеленой листве птички. Кругом, насколько хватает глаз — зеленющие холмы, долины, овраги. За каждым поворотом — новый пейзаж, один прекраснее другого. По мере того, как мы поднимаемся по ущелью, обрывистые склоны которого поросли терновником, воздух становится свежее и чище — дышится легче и привольней.

Запах горной мяты и чебреца опьяняюще действовал на нас.

Горам впереди не было конца и края. Словно обнявшись, они стоят, тесно прильнув друг к другу. Мы переваливаем через высоченный хребет, а навстречу нам встает другой, еще более высокий. Одолев и его, мы выехали на равнину — настоящее царство цветов, — обрамленную густым лесом, дикими скалами и обрывистыми ущельями. Вдали у подножья высокой горы выднелось кочевье — десяток алачыгов.

Наконец-то мы приехали! Я не мог усидеть на месте. Выскочила огромная овчарка и злобно залаяла на нас.

ВСТРЕЧА

Когда мы подъезжали к алачыгам, нас окружили дети и несколько пожилых женщин и мужчин. Старик, подошедший первым, приветствовал нас. Его толстые отвисшие губы расплылись в улыбке, вокруг маленьких глаз лучились морщины. Опираясь на свою сукчоватую палку, он сказал:

— Добро пожаловать! Мы вас ждали еще вчера.

— Спасибо, Керим-баба! Не вчера так сегодня, — ответил отец.

Подошли женщины и поздоровались с матерью.

Отец, любивший пошутить со стариками, смеясь, сказал Керим-бабе:

— Ну, что, Керим-баба, как ладишь с Айрым-кызы?

Керим-баба ответил:

— Да как! Недаром сам называешь ее Айрым-кызы. Ладим, как кошка с собакой!

Тучная женщина низкого роста, лет пятидесяти, подошла к отцу. Рот и подбородок ее были закрыты платком.

Ответив на ее приветствие, отец мой шутливо заметил:

— Посмотри-ка, Айрым-кызы, не успели мы приехать, а Керим-баба жалуется на тебя.

— А пусть его жалуется, сколько хочет. Испокон веку мужчины жалуются на женщин, мы привыкли к этому. Мужчины никак не могут примириться с нами! — отвечала Айрым-кызы, улыбаясь узкими карими глазами.

НАШ АЛАЧЫГ

Арба наша остановилась у войлочного алачыга. Мы вошли в него. Мгновенно женщины и дети окружили нас.

Расцеловав мать, женщины завязали с ней оживленный разговор.

Дети, сверкая белыми, как жемчуг, зубами, всячески старались дать понять, что хотят поиграть и порезвиться со мной.

Я был застенчив и робок и стоял, прильнув к матери. Отец, сидя неподалеку от алачыга, на разостланном паласе, говорил о чем-то с Керим-бабой.

День был знойный. В алачыге было полно народу, можно было задохнуться от тяжелого запаха войлока, вызывающего головную боль. К счастью, это длилось не долго. Снаружи послышался суровый окрик Керим-бабы:

— Не мучайте и не томите гостей, дайте им отдохнуть с дороги.

Пришедшие начали постепенно расходиться. Немного погодя для нас приготовили завтрак. Усевшись на паласе вокруг узорчатой скатерти, мы досыта поели свежего хлеба с маслом, каймаком и кислым молоком.

Поев, отец окликнул Керим-бабу:

— Послушай, Керим, заготовил ли ты колья для алачыга?

— Не понимаю, — ответил хладнокровно Керим-баба, — почему все ученые люди так нетерпеливы?

— Время идет. К вечеру алачыг обязательно должен быть готов, — ответил отец.

— Тебе какое дело? Ты к вечеру требуй от меня готовый алачыг. Да разве это работа для меня? Колья готовы еще со вчерашнего дня.

— Ну, ну, ты не очень-то хвастайся! Насилу уговорила вчера тебя наломать веток, а не то ты, верно, и до сих пор не двинулся бы с места, — осадил его Айрым-кызы.

Все вокруг рассмеялись. Отец с Керим-бабой отправились ставить алачыг. Он должен был стоять немного поодаль от кочевья, на облюбованном заранее, живописном месте. Вскоре алачыг был готов. Через час мы перебрались к себе.

МОИ ИГРЫ И ЗАБАВЫ

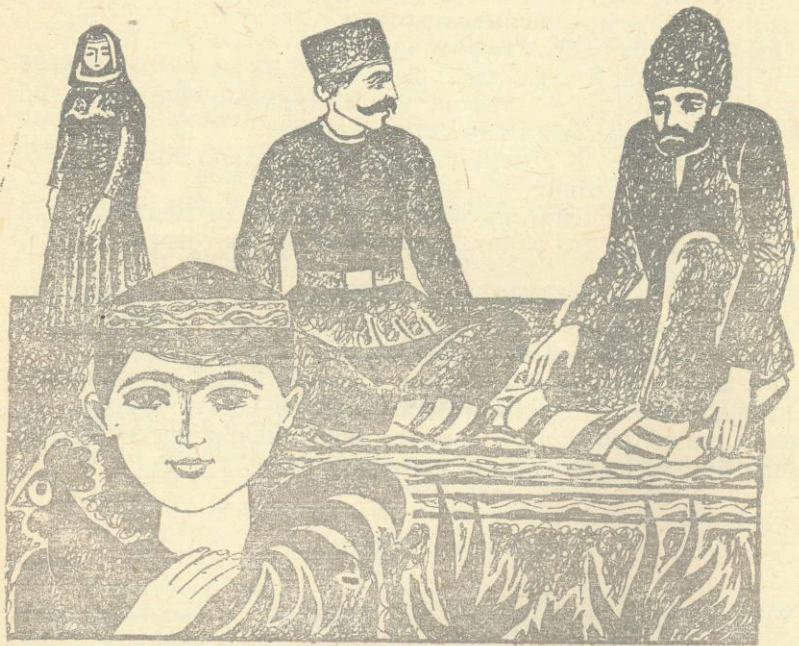
Мало-помалу я подружился с жившими на кочевье ребятами. Каждое утро, едва допив свой чай с молоком, я выбегал из алачыга и вместе с ними шел ловить соловьев, собирать грибы, землянику или удить рыбу.

Среди камней в ущелье бурлил мощный источник, образуя кипящий водоем. Из-под каждого камня, из-под каждого дерева сочилась вода. Мы расширяли отверстие, огораживали образовавшуюся яму булыжниками и получался маленький родничок.

Каждый назвал устроенный им родник своим именем. Бывало, я целые дни проводил один в этом сказочном ущелье, не уставая любоваться чудесными цветами, источниками, зеленью...

Иногда мы отправлялись в лес искать птичьи гнезда. Не могу найти слов, чтобы передать, как я любил маленьких птенчиков, эти беспомощные, крохотные комочки.

Находя птенчиков, я бывал вне себя от радости. И как и сколько ни убеждали меня отец и мать: «Пожалей бедняжек, сынок, не держи ты их в неволе» — настойчивыми просьбами, я, наконец, добился, что мне разрешили держать их в клетке, сплетенной из прутьев орешника. Привезенные из города цыплята оперились и подросли, теперь уж можно отличить петушков от курочек.

Алачыг наш стоял на открытой лужайке, окаймленной густым кустарником, цыплята копошились, высккивая червячков и кузнечиков или отдыхали под кустами.

Надо было видеть их, когда я, взяв пригоршню зерен подзывал цыплят: цып-цып-цып. Словно солдаты на штурм, они бросались ко мне. Я прятал руки за спину, а они склонив набок головки, заглядывали мне в лицо.

Меня бесконечно трогали эти робко-выжидательные взгляды. Я рассыпал наземь зажатые в кулачок зерна, и цыплята, толкаясь и ударяя друг друга клювами, наперебой спешили подобрать их.

Неподалеку от нашего алачыга я соорудил для них небольшой курятник. Из опасения, как бы лисицы или шакалы не утащили их ночью, я закрывал на ночь вход в курятник большим камнем.

МОИ ДНИ И ВЕЧЕРА

Дни и вечера на кочевье были полны для меня несказанной прелести. По вечерам, когда стада овец и баранов поворачивали к кочевью, от блеяния и крика звон стоял в ушах. А эти вечера, приносящие живительную прохладу, аромат горных цветов и свежескошенной травы!

Запах утренней сырости, гул водопадов в ущельях, птичий гомон, блеяние овец, мычание коров, ржание коней, лай собак — все это придавало кочевью неповторимое своеобразие.

Безмолвная природа, только что казавшаяся мертвой, оживала, и тогда все вокруг преображалось. Захватив палку для защиты от собак, я шел к кочевью.

Чтобы не подпустить ягнят к маткам, которых еще не успели подоить, их не выпускали из загона. Я забирался туда и вдоволь играл и возился с маленькими резвыми ягнятами.

Когда дойка кончалась, загон открывали, и овцы бежали навстречу своим малышам. Найдя своих матерей, ягнята, расставив ножки и тряся курдючками, жадно принимались сосать. И снова вокруг наставала тишина, изредка прерываемая голосами чабанов, ворчанием собак и плачем детей.

Мне нравились чабаны, и немало времени я проводил с ними. Меня привлекала их простая вольная жизнь. Нередко я задавал себе вопрос: «Так ли уж плохо быть чабаном среди этих зеленых холмов и синих гор?»

Нередко, взяв с собой посошок, я отправлялся вместе с чабанами. Овцы паслись по склонам холмов, а мы усаживались на пригорке.

Чабаны играли на свирелях, пели и вели долгие задушевные беседы. Один из них, по имени Орудж, особенно искусно играл на свирели. Казалось, под его игру овцы более охотно шипали траву, а порой, наострив уши, прислушивались к переливчатому звукам.

Даже большой серый лохматый волкодав Демир начинал вертеть пушистым хвостом. Положив голову на ноги Оруджа и не сводя глаз со свирели, он то и дело повизгивал.

И я видел, какое удовольствие доставляет животным хорошее пение и музыка.

Восточнее кочевья находился родник, под названием Новгалы. В полдень чабаны пригоняли сюда свои отары.

Однажды, когда стадо гнали на водопой, Орудж с вершины холма окликнул товарища:

— Ильяс! Ай, Ильяс, хочешь, вот этой дудкой я поверну стадо обратно?

— Не сумеешь! — отозвался Ильяс.

Орудж начал играть. И будто повинуюсь таинственной силе, приказавшей им остановиться, отара стала. Потом овцы сразу повернули и с громким блеянием принялись взбираться вверх по склону.

— Ну что? Теперь убедился? — гордо улыбаясь, спросил Орудж и погнал стадо к роднику.

КЕРИМ-БАБА

Много времени я проводил с Керим-бабой. Это был старик лет шестидесяти, широкоплечий, коренастый, низенького роста. Его маленькие глаза все еще хранили молодой блеск. Когда Керим-баба разговаривал, они разгорались, толстые губы всегда неизменно улыбались. В его взгляде можно было прочесть историю счастливо прошедшей жизни.

Несмотря на свой преклонный возраст, человек этот выросший среди гор и лугов и никогда не покидавший их, был юношески крепок и румян. И сейчас еще можно было угадать, что в молодости это был горячий, вспыльчивый, отчаянный парень.

Да и теперь все его мысли вертелись вокруг всевозможных затей — прогулок, охоты, рыбалки.

У Керим-бабы было старинное ружье, доставшееся ему от отца. Дуло ружья было величиной с жерло маленькой пушки. Керим-баба ни на миг не расставался с ружьем, ежедневно чистил и вытирал его. Порой, спустившись в ущелье, постреливал и, если удачно, то радовался, как дитя.

Айрым-кызы, не выносившая грохота ружья, стрелявшего, как пушка, насмешливо говорила Керим-бабе:

— Да укроет земля твой стыд и совесть, не отказывайся никогда от своих дурачеств. Хорошо, что покойный отец твой оставил тебе это негодное ружьишко со сломанным курком.

Керим-баба неизменно отвечал с достоинством:

— От хорошего отца отважному сыну достаются конь и ружье, и отец оставил мне то и другое.

Керим-баба занимался пасти овец. У него самого были две коровы и несколько овец. Целые дни он слонялся по чужим дворам, бездельничая и пустословя. И иногда он сам ходил присмотреть за стадом, или посылал своего младшего сына

Вели. Если детвора приходила собирать малину, землянику, орешки, кизил, Керим-баба был тут как тут.

Крестьянам не нравилось, что Керим-баба бросает коров без присмотра. Но старик не обращал внимания на их недовольство, ничуть не смущаясь и не лишая себя из-за этого развлечения.

Играл он на свирели, делал свистульки, а песни не сходили с его уст.

АЙРЫМ-КЫЗЫ

Айрым-кызы была невысокой, тучной женщиной, с круглым, как луна, лицом и узкими карими глазами.

Лицо этой трудолюбивой женщины было несколько грубовато, мужеподобно. И голос у нее был низкий и раскатистый.

Днем она успевала управиться и у нас и у себя в алачыге. Доила овец и коров, разводила огонь, пекла чуреки, сбивала масло.

Айрым-кызы была неустойчива, никто никогда не слышал, чтобы она жаловалась на усталость.

Настоящее ее имя было Фатхи, но так как отец ее был айрымцем, то все называли ее Айрым-кызы.

Керим-баба и Айрым-кызы не сходились характерами. Выведенная из себя невозмутимым спокойствием и ребяческими выходками Керим-бабы, а также выслушивая упреки недовольных крестьян, Айрым-кызы каждый раз отчитывала мужа, но Керим-баба не слушал ее упреков и увещаний, оставался глух ко всем наставлениям и продолжал жить в свое удовольствие.

Как-то раз женщины и дети отправились собирать землянику и малину. Мог ли Керим-баба удержаться и упустить такой случай? Узнав о том, что Керим-баба пошел с детьми, бросив коров на произвол, Айрым-кызы решила дать мужу суровый урок и, взяв сучковатую дубинку, пошла на пастбище.

В сумерки, когда с окриками и хваткой заправского чабана она погнала стадо к кочевью, все с веселым смехом высыпали поглядеть на это невиданное зрелище.

Даже сам Керим-баба прибежал полюбоваться своей женой, и, стоя в стороне, спокойно глядел на все происходящее. Айрым-кызы, нисколько не смущаясь, подгоняла дубинкой отстававших животных.

Один из крестьян, смеясь, сказал Керим-бабе:

— Ай, Керим, ай, Керим! Недаром ее зовут Айрым-кызы. Вот как она умеет отомстить мужчине! Право же, эта женщина-богатырь стоит любого мужчины!

Однако эти слова подействовали на Керим-бабу не больше комариного писка.

— Оно вполне понятно: у такого мужчины, как я, и жена должна быть под стать, — отвечал он зычным голосом.

ДВА ПЕХЛЕВАНА

Солнце медленно склонялось к вершинам гор, покрытых лесами. Темнели воды.

Сидя на паласе, разостланном около алачыга, мы пили чай. Керим-баба и Айрым-кызы, примостившись рядом, рассказывали о своих былых подвигах. Они безбожно хвастались, перебивая друг друга.

Чтобы раззадорить мужа, Айрым-кызы хлопнула его по плечу.

— Посмотрите-ка на этого непутевого. Месяцами я его в глаза не видела, а чем он был занят? Пустозвонил, шатался без толку по чужим дворам. А возвращаясь домой, нагонял на всех страх. Хоть бы удалцом был. А то даже вязанки дров из лесу не принес. А уж если, и отправится за дровами, так положит несколько веток на плечо и еще издали кричит: «Айрым-кызы, ай, Айрым-кызы! Куда прикажешь сбросить эту вязанку?». Как будто притащил мне гору. А взгляните на эту вязанку, что принесла я из лесу. Вот если он сумеет принести такую, тогда скажу, что он — мужчина! Но где ему! — захлебывалась от самодовольства Айрым-кызы.

И потом вдруг спросила мужа своим грубоватым голосом:

— А помнишь, как мы сбивали масло, когда жили у Рагим-аги?

Керим-баба в ответ молча кивнул головой. Айрым-кызы предвкушая торжество, выпрямилась и с сияющим лицом продолжала рассказывать:

— Оба мы тогда были молоды. Он служил чабаном у Рагим-аги, а я доила хозяйских коров, сбивала масло, варила сыр. Кроме него у Рагим-аги было еще пять-шесть чабанов, все молодые, здоровые, усатые детины. Как-то раз я с чабанами сбивала масло. Жена Рагим-бека Захра-ханум, стоя у входа в алачыг, следила за нашей работой. Клянусь вашей жизнью, я перешеголяла всех чабанов.

Вот и его самого я так уморила, что он, как свалился, так долго еще не мог подняться. Захра-ханум хохотала, глядя на нас, и хлопала в ладоши: «Ну, Керим, не очень-то бахвалясь теперь. Айрым-кызы оказалась сильнее пяти-шести мужчин!...»

Пока Айрым-кызы рассказывала все это, Керим-баба, сиротливо опустив голову, молча слушал.

Рассказы Айрым-кызы и понурый вид Керим-бабы вызвали всеобщий смех.

Тогда Керим-баба встrepенулся и, выпятив грудь воскликнул:

— Эх, когда состаришься, нередко приходится выслушивать такие речи. Если бы я умел писать, то записал бы по порядку все подвиги моей молодости. Получилась бы большая-пребольшая книга. Но что толку похваляться? Да и можно ли говорить о храбрости женщины? Ого-го! Подоила пять-шесть овец, сбивала масло, приготовила сыр и уж от гордости ее распирает так, что язык не помещается во рту. А вот теперь я расскажу, послушайте.

ОХОТА НА ТИГРА

— Всем вам отлично известно, что в наших борчалинских лесах тигры не водятся. Однако в старину водились. Лет сорок тому назад, в окрестностях нашего села появился тигр. Оясь его, никто не решался ходить в лес. Я услышал, что недалеко от нашего села он задрал трех коров. Тут я больше не мог совладеть с собой и, взяв ружье, пошел хотя стрелять в тигра и в орла не люблю: оба они храбры.

Тигр находился на расстоянии одного агаджа от нашего села.

Пройдя через ущелье, я стал подниматься по крутому скалистуму склону, что тянулся через всю лесную чащу. Смеркалось. Чтоб не прозевать тигра, я шел, внимательно оглядываясь по сторонам. И что же я увидел? Вдали словно два факела, пылала пара глаз. Смотрю — тигр. И он заметил меня и стал злобно царапать землю лапами. Враг был передо мной, но сердце мое билось спокойно. Я двинулся на него, и вдруг он с диким ревом стал приближаться ко мне. Спрятавшись за уступом скалы, я поднял ружье. У тигра нрав благородный. Нападая, он всегда делает три прыжка и, если промахнется, то уходит, будто обиженный. На этот раз он уже дважды бросался на меня, а в третий, наверняка, должен был подмять под себя. Я поднял свое ружье и прицелился ему в грудь. Увидя это, тигр взревел так, что дрогнули леса и горы. У меня потемнело в глазах, волосы стали дыбом. Мне почудилось, что камни, деревья и все вокруг, словно лютые тигры, бросились на меня. Я выстрелил. Зверь растянулся в нескольких шагах от меня у колючего кустарника.

Через две минуты тигр испустил дух. Я подошел к нему с чувством огромной вины. Сердце мое сжалось, глаза залились

слезами. Отбросив ружье, я опустился возле него на колени и, взяв голову в руки, поцеловал его в глаза.

Когда я, сняв с хищника шкуру, вернулся домой, все соседи окружили меня.

Был на борчалинской земле один удалец, но и его с этого дня не стало, — сказал я им.

С того дня борчалинские леса больше не знали героев. И впрямь, перевелись в наших лесах и тигры и удалцы. Где былые смельчаки, храбрецы? — спросил Керим-баба, закончив свой рассказ.

ОТЕЦ КЕРИМ-БАБЫ

Керим-баба снова выпрямился.

— Отец мой тоже был заядлый охотник, — начал он. — Вот что рассказывал он мне: «Однажды отправился я охотиться на оленя. В ущелье мне удалось подстрелить самку. Я зажарил кусок мяса, поел, и, растянувшись на земле у родника, заснул... Проснулся. И что же вижу? Меня окружил такой густой, непроницаемый туман, что и на шаг ничего не было видно.

Я отчаялся вернуться в этот день домой и не мог определить, который час. Кто знает, сколько времени проспал я! Я не знал, что мне делать. Думал, думал, наконец, решил переночевать где-нибудь под скалой и стал подниматься в гору. Я поднимался по такому крутому склону, что выскользнул у меня из-под ног один камень, я полетел бы в пропасть и разбился бы насмерть. К тому же мрак, ни зги не видно. Тут я набрел на пещеру. Недолго думая, я вошел в нее, лег и тотчас заснул. Разбудил меня громкий храп. — «Что это? — подумал я. — Неужели тут еще есть что-нибудь?» Я присел и, шаря в темноте, нащупал хвост какого-то животного. То был тигр. Я уже не сомневался, что благородный зверь бодрствовал, когда я заглянул в его пещеру, и принял меня как гостя. Я, конечно, взволновался, но не струсил. Мне хорошо был известен благородный нрав грозного хищника.

Ночь я провел с тигром. Наутро, едва начало светать, я вышел из пещеры, вернулся к тому месту, где вчера подстрелил оленюху и, отрезав ляжку, тихонько бросил ее у пещеры. В то утро я опять поел шашлык из оленины и пошел к деревне. Шел я по тропинке мимо пещеры. Заглянул туда и застыл на месте. Недалеко от пещеры лежал тигр, а около него вертелся волк, помахивая хвостом, как лиса. Сгорая от любопытства, я присел в сторонке и стал наблюдать за ними. Волк то прохаживался по ущелью, то, поджав хвост, осторожно облизывал тигра. А тигр, сохраняя величавое спокой-

ствие, лишь окидывал волка острым, пронзительным взглядом. Я предвидел, — продолжал рассказ отец — что эта подлая тварь своим коварством погубит тигра. Я было прицелился в него, но потом опустил ружье. Волк покругил по ущелью и снова начал облизывать морду и грудь тигра. Вдруг он изо всей силы вцепился в горло тигра и начал душить его. Несчастный зверь заревел так, что содрогнулись леса и горы. Пометавшись минут пять, этот прекрасный зверь, обессилив, затих. Удивительнее всего было то, что волк не только не выпускал горло тигра, но и сам лежал неподвижно.

В том, что тигр был мертв, я не сомневался, однако неподвижность волка смущала меня. Взяв ружье, я пошел к пещере. И в самом деле, тигр лежал бездыханный. Как я ни бил прикладом волка, он не шевельнулся. Наверно, и он был мертв. Только тогда я догадался, что волк неожиданно встретился с тигром, когда тот отдыхал в ущелье, и поняв, что ему не миновать когтей тигра, пустился на хитрость, чтобы спастись. Но в этой схватке сердце его не выдержало, разорвалось, он околел. Как я ни старался, но не мог разжать челюсти волка, сомкнутые в мертвой хватке.

Не видя другого выхода, я вынул свой кинжал и перебил волку зубы. Мне было досадно, что такой смелый зверь стал жертвой хитрости и коварства этого подлого трусливого животного. Но что поделаешь? Проявление коварства и измены не были каким-то новым явлением в жизни, они совершались и будут совершаться без конца.

Чтобы сохранить память об этом предательском поступке, я снял с тигра шкуру и принес ее домой».

Так говорил мой отец. Теперь шкура эта у меня, она досталась мне в наследство от отца.

СОБАКА КЫЗЫЛ

У Керим-бабы была собака, звали ее Кызыл. Ни днем, ни ночью не отходила она от нашего алачыга. Я не любил собак кочевья, так как из страха перед ними и шага не мог ступить спокойно. Еще издали завидя меня, они с громким лаем бросались навстречу. Надеюсь приучить Кызыл к себе, я усердно кормил ее хлебом, и все-таки стоило ей заметить, что я выбегаю из алачыга, как она начинала хрипло лаять, омрачая мне всякое удовольствие. За это я прямо-таки возненавидел Кызыл. Однажды, когда я выходил из алачыга, Кызыл с лаем бросилась на меня. Я палкой отогнал ее. Керим-баба не раз замечал, как я дубасил Кызыл и, хотя ничего мне не говорил, но я чувствовал, что это ему не по душе. Но на сей раз, когда я ударом палки погнал собаку, он подошел ко мне.

— Не бей ее, сынок! — сказал он. — Это мой верный друг. Он сделал мне больше добра, чем иной брат. Ты видишь, она уже стара, а было время, когда из страха перед ней и птицы боялись пролететь над нашей кровлей. Мне давали за нее пятьсот рублей, но я не отдал. Каждого ее щенка я продавал за тридцать—сорок рублей. Если бы ты только знал, какая это храбрая и умная собака, ты не тронул бы ее!

Керим-баба погладил собаку и потом, повернувшись ко мне, продолжал:

— Как-то осенней лунной ночью овцы паслись на холме, а я лежал, растянувшись на камне. Кругом было тихо, овцы мирно щипали траву, и я незаметно заснул. Проснулся я в кромешной тьме. Густой туман окружил меня. Схватив дубинку, я начал метаться во все стороны — искать стадо, но его и след простыл. Я окликнул Кызыл, но и она не отозвалась. Всю ночь я проплутал, сам не свой от страха и тревоги. Только мысль о Кызыл подбадривала меня. Я знал, что она ни за что не бросит стадо. Уже рассвело, когда я продолжая свои поиски, поднялся на вершину высокой горы и стал внимательно вглядываться вниз. Все кругом было подернуто туманом.

— Кызыл! Кызыл! — крикнул я и услышал в ущелье хриплое рычание. Я бросился вниз. Согнав стало в расщелину скалы и стоя у дороги, Кызыл громким лаем звала меня. Я кинулся к ней. Собака, подбежав, радостно лизала мне руки. Я сразу увидел, что в ущелье валялись три мертвых волка. Это Кызыл, спасая овец от нападения загрызла их. Я крепко обнял собаку, осыпал поцелуями ее морду и глаза. Потом я зарезал самого жирного барана и, отрезав курдюк, бросил его Кызыл. — Теперь ты понял, что это за собака? Это не собака, а лев, — заключил Керим-баба, лаская Кызыл.

После этого я всячески старался завоевать симпатию Кызыл, и вскоре мы стали закадычными друзьями.

СВИСТУЛЬКА

Мы с Керим-бабой сидели под грушей. Я играл камешками, собранными в ущелье, а Керим-баба, тихо посвистывая, строгал зеленую ветвь в несколько вершков длиной. Я догадался, что Керим-баба решил смастерить какую-нибудь вещичку. Я начал приставать к нему, и он, усмехнувшись в пушистые, седые усы, сказал: — Свистульку для тебя делаю!

— А что такое свистулька? — спросил я.

— Свистулька поет, как птичка. С нею ловят соколят.

Придвинувшись к нему ближе, я не сводил глаз с его рук. В середине палочки он вырезал круг и в отверстие поло-

жил свежую травку, прикрыв ее куском коры.

— Смотри, вот свистулька! — проговорил он, радуясь точно ребенок, приложил ее к своим толстым губам и заиграл. Глаза его заблестели от удовольствия.

Когда я вырвал у него свистульку, он сказал:

— Вот такими звуками приманивают соколят...

Теперь играть начал я, а Керим-баба учил меня и, довольный своими познаниями, бросал на меня горделивые взгляды.

— А как же ловят соколят? — спросил я.

И Керим-баба рассказал мне:

— Соколы вьют гнезда на макушках высоких деревьев, у воды. Едва успевают птенцы вылупиться, как их родители, напившись крови убитых ими птиц, прилетают в гнездо и поят ею своих птенцов. Когда птенцы немного подрастут, сокол выщипывает у убитой птицы перья и, прополоскав ее в воде, разрывает на куски и кормит птенцов, а когда они, оперясь, начинают летать, сокол у самого гнезда выпускает вдруг из когтей схваченную добычу. Только та, почувствовав себя на свободе, собирается взлететь, как соколята набрасываются на нее и разрывают на части. Вот как приучают детей к охоте. В это время они опасны даже для матери. Она остерегается подлетать к гнезду: птенцы могут напасть и на нее. Прилетев с добычей, мать садится на ближнее дерево и кличет детей. Потом выпускает жертву, а сама улетает прочь.

В это время охотники и ловят соколят. Расставив неподлеку от соколиного гнезда сеть, они сажают в нее курицу, куропатку или какую-нибудь другую птицу.

Спрятавшись в шалаше из ветвей кустарника, и держа в руках веревочку от сети, птицелов начинает наигрывать на свистульке. Соколята думают, что это мать принесла им добычу, бросаются на птицу в сети. Тогда охотник быстро дергает за веревку, силок захлопывается — соколята пойманы. В эту пору они очень злы. Увидев себя в неволе, они или тут же умирают, или, оставшись в живых, с трудом дают себя приручить. Поэтому приходится зашивать им веки. Поморив их дня два-три голодом, начинают понемногу кормить их мясом. Когда же соколенок привыкает, ему разрезают нитки на веках.

Со временем злобность соколят проходит, и в конце концов они привязываются к своим хозяевам. А охотятся с ними так: берут соколов, гончих, легавых и выезжают на охоту. Собаки, забравшись в кусты, поднимают дичь, а соколы нападают на вспугнутых птиц.

КАК КУРОПАТКА СПАСЛАСЬ ОТ СОКОЛА

Был жаркий сентябрьский день. Стадо, пастухи и собаки укрылись в тенистом лесу. Мы лежали в алачыге. Пестрая хохлатка, собрав вокруг себя цыплят, возилась в тени грушевого дерева. Внезапно она тревожно закудаhtала. Цыплята с писком разбежались по кустам.

Какая-то птица, камнем упав сверху, спряталась в алачыге под сложенные горкой постели.

Над алачыгом зашумели крылья. Мы в недоумении выбежали. Хищная птица, широко раскрыв крылья и низко паря, окидывала нас злобыным взглядом горящих глаз.

То был сокол.

— Как бы он не уташил цыплят! — крикнула мать, и схватив длинную палку, с криком принялась гнать сокола.

Мы бросились к птице, спрятавшейся в алачыге. Мой старший брат, опередив нас, вытащил ее из-под одеяла. Он радостно прыгал и кричал:

— Поймал, поймал! Это — куропатка...

— Дай, дай посмотреть, — приставали мы, обступив брата.

В алачыг вошла мать. Увидав куропатку, она сказала:

— Бедняжка! Спасаясь от смерти, она влетела в алачыг. Несчастное создание. Только что избежав когтей хищника, бедная птица попала к нам в руки.

Куропатка судорожно вырывалась и клевала нам пальцы.

— Я свяжу ей крылья, — заявил брат.

— Нет, сынок, — остановила его мать. — Это птица. Ее сердечко готово разорваться от страха.

Мы почувствовали глубокое сострадание к птице. Решив выпустить ее на волю, мы вышли во двор. Паривший в небе сокол все еще был виден. Устремив вверх маленькие глазки, наша пленница как-будто хотела убедиться, что ее врага нет.

— Ну, лети, — крикнул брат и выпустил птицу. Выпорхнув из его рук, она стрелой метнулась ввысь и скрылась в лесной чаще. Мы долго глядели ей вслед.

МОЙ ДРУГ РЗА

Из всех дней недели больше всего я люблю четверг, потому что по четвергам приезжал из города отец. Усевшись на вершине холма, я с нетерпением ждал его.

Наступал вечер. Я бродил по кочевью. В этот день один сельчан, ходивший в город продавать молоко, вернулся отсюда раньше обычного. Завидя его издали, я бросился к нему и стал расспрашивать об отце. Держа трубку в зубах и

попыхивая дымом, он с лукавой усмешкой посмотрел на меня.

— Отец твой сегодня не придет, он занят.

Эти слова огорчили меня. Опечаленный, я повернул обратно.

— Эй ты, послушай, я пошутил, он придет. Я выехал раньше его! — крикнул мне вдогонку крестьянин.

Не обернувшись и ничего не сказав, я продолжал идти.

Собирая свои золотые волосы, рассыпанные по долам и лесам, солнце медленно скрывалось за горами. Тени от деревьев начали удлиняться. Стада с громким блеянием спускались с холмов к кочевью. Присев на пригорок, я любовался всем, что окружало меня и прислушивался к вечерним звукам. У нашего алачыга слышалось конское ржанье. Обернувшись, я увидел отца.

Я помчался, не помня себя от радости, и повис на шее отца. Я обрадовался еще больше, когда увидел, что он привез с собой моего друга Рзу. Да и как мне было не радоваться? Ведь теперь у меня был товарищ, которому я мог показать своих цыплят, свои роднички.

Наскоро выпив чай, мы побежали осматривать мои владения. Начав с курятника, мы обошли роднички и терновые кусты.

Потом пошли на кочевье, забрались в стадо и стали играть с ягнятами.

Было уже совсем темно. Редкий туман, спускаясь с гор, стал завлакивать ущелье и лес. Небосвод был чист, несколько тучек на севере казались островками в море. Взявшись за руки, мы побежали домой.

СЕНОКОС

Играя ранним утром у алачыга, я увидел детей, с мисками и чашками в руках бегущих к ущелью.

— Намаз, Намаз, куда это вы? — крикнул им вслед мой брат.

— За земляникой! — бросил на ходу Намаз.

Мы пустились вдогонку за ними и скоро настигли их.

Миновали ущелье. По узенькой тропинке векарабкал^ь наверх. Не успели мы пройти двухсот шагов, как улов^и лязг и стук кос. Мы помчались еще быстрее и скоро^и на лугу. Стоя в ряд, косари косили сочную траву, доходя^ю до пояса. Женщины складывали сено в стога.

Вплотную к лугу подходил густой лес. Как тут было удержаться? Мы устроились в тени деревьев и поели земляники. А потом со смехом и шутками бросились в стог свежескошенной травы.

Один из косарей, взмахнув косой, задел большой куст бурьяна. Из него выскочили крошечные птенчики и с писком, хлопая крылышками, скрылись в густой траве. Мы кинулись за ними. Косарь нагнулся и, подняв маленькую птичку, протянул мне. Я взял ее с восторгом. Когда я разжал пальцы, то увидел, что она в крови.

— Ой, что это? — вскричал я и бросил птичку.

Обе лапки бедняжки были срезаны косой. Я смотрел то на свои окровавленные пальцы, то на бедную птичку, трещащую в траве.

— Несчастливая, — произнес я, переполненный жалостью.

Все смотрели на пищавшую птичку, ползавшую по колючей, скошенной траве.

Я уже не мог успокоиться, радость моя была омрачена. Через час мы вернулись в кочевье.

С тех пор прошло много лет. Но я до сих пор помню этот случай, потрясший мое детское воображение.

ЛИВЕНЬ

Сидя недалеко от алачыга, под грушевым деревом, отец беседовал с Керим-бабой. Взглянув на небо, Керим-баба вдруг сказал:

— Да сохранит и помилует нас аллах!

Все мы были озадачены.

Указывая своей морщинистой рукой на небольшую тонкую, как змейка, тучку на севере, он пояснил:

— Вот видите ту черную тучку. Она злая. Быть беде!

— Но эта туча так далеко, что вряд ли может причинить нам вред, — недоверчиво заметил отец.

Покачав головой в мохнатой папахе, Керим-баба принялся внимательно вглядываться в тучу.

— Эту тучку называют шалуньей, она носится повсюду, но нигде не задерживается надолго. А уж если прольется дождем, то оглянуться не успеете, как смоее все вокруг. Эта туча пугает меня. На всякий случай надо быть наготове. Пойду прочищу рвы и канавы вокруг алачыга.

Мы с отцом вошли в алачыг, сели ужинать и, так как сильно устали за день, легли спать пораньше.

Я помню, как отец поднял меня сонного на руки и начал укладывать на ворох сложенной постели. Я раскрыл глаза,

разбуженный страшным шумом, огляделся. Отец и мать стояли посреди алачыга. Отец держал в руках люльку с моим маленьким братцем Асадуллой, а мать — младшую сестренку. Дождевые потоки неслись, грозя смыть наше непрочное убежище. Над нашими головами ливень хлестал по войлоку. Вот все, что я запомнил из событий этой страшной ночи. Сон снова сомкнул мои отяжелевшие веки. Когда я проснулся, сияло солнце. Я выбежал из алачыга. Воздух был так чист и свеж, так прозрачен, что казалось все вокруг приветливо улыбается человеку.

Дождевые капельки, свисавшие с лепестков цветов как алмазы сверкали в золотистых лучах солнца.

Сидя на омытых дождем зеленых ветвях и расправляя крылышки, птицы грелись под утренним солнцем, наполняя все вокруг веселым, звонким щебетом.

Мать с помощью Айрым-кызы вытаскивала из алачыга промокшие насквозь вещи.

— Бог с ним, с таким эйлагом, — ворчала она. — Как будто не нашлось другого места. Что это за жизнь? Все до последней нитки промокло. Я не спала всю ночь.

Она долго не могла успокоиться.

— Глупенькая, — пробовал урезонить ее отец, — на то и эйлаги в горах. Не печалься. В этом тоже своя прелесть.

— Ах, не надо мне такой прелести. Вам это, конечно, ничем, вы с детства привыкли к такой жизни.

Рассерженная мать намекала на крестьянское происхождение отца.

Вспомнив про своих цыплят, я кинулся к курятнику. Я отодвинул камень и увидел — курятник был полон воды.

— Утонули мои цыплята! — заорал я во весь голос.

Меня окружили.

— Мы-то ночью не вспомнили про них!

— Я, правда, вспомнила, но разве до того было? — призналась мать, — самим надо было епасаться.

Протянув руку в курятник, я вытаскивал своих утонувших цыплят.

— Ох, да пронзит стрела дурной глаз, — воскликнула мать. — Бывало, кто ни увидит их, сейчас же спросит: — «Чем это вы их кормите? Они прямо лопаются от жира». Вот и слгзали. Я знала, что рано или поздно это плохо кончится. Но не горюй, сынок, они унесли с собой все твои беды и недуги.

К востоку от нашего кочевья тянулась гряда крутых скал, за ней вверх по склону темнел лес. Ущелье было завалено грудой острых камней, там было много страшных мест.

Сельчане уверяли нас, будто там водятся медведи, и поэтому мы боялись ходить туда.

Был полдень. Внезапно по кочевью пронесся крик:

— На Дурсуна напал медведь!

— Медведь напал на Дурсуна!

Схватив колья, ружья, топоры и ножи, и кликнув собак, все крестьяне побежали к ущелью. Мог ли я усидеть на месте? Я побежал вслед за ними. Керим-баба тоже был там, чего же мне было бояться? Мы неслись, словно на приступ. Минув ущелье, мы стали подниматься к тому месту, где по слухам, водились медведи. Собаки с лаем бросились наверх. Все стали торопливо карабкаться на гору. И вдруг навстречу нам с ружьем в руке спокойно вышел сам Дурсун.

— Я уложил его наповал, попал прямо в грудь! Каналья! Он чуть не разорвал меня, — сказал он.

Все наперебой стали расспрашивать его. Оказалось, что отважный мальчик, бродя с ружьем по ущелью, нечаянно подошел к берлоге, возле которой медведица играла со своими медвежатами. Завидев Дурсуна, медведица бросилась на него. Дурсун побежал. Медведица за ним. Наконец, почувствовав, что бежать вниз по скалам будет очень опасно, мальчик овладел собой, обернулся, прицелился медведице в грудь и выстрелил. Медведица свалилась наземь.

Не успели мы дойти, как собаки кинулись на медведицу.

Раненый зверь хватал собак и так сжимал лапами, что у них хрустели кости, и они неистово визжали. С большими трудом крестьянам удалось отогнать собак от медведицы.

Медведица выбилась из сил. Один сельчанин метким выстрелом прикончил ее. Тогда все хлынули к берлоге. Это была маленькая пещера. Два медвежонка прижавшись друг к другу, испуганно смотрели на людей. Внутри пещера была устлана мхом и мягкой древесной корой. Видно было, что медведица хлопотала, не щадя своих сил, и устала пещеру словно ковром.

Наконец она не пожалела и жизни ради своих детенышей. Бедных сирот вытащили из берлоги и понесли в кочевье.

И сколько еще сохранилось в душе воспоминаний о привольной жизни среди щедрой природы!

Бы морозный зимний день. Резкий холод обжигал лицо. Словно облекшись в траур, небо закуталось в плотную чадру, а горы и долины затянуло белесым саваном. На улицах по снежным сугробам, боязливо озираясь, прыгали вороны. Тепло одетые, хорошо обутые люди, выйдя из уютных жарко натопленных домов, беспечно ездили в санях или шли пешком. И ничего кроме удовольствия не могли им доставить эта леденящая стужа и жестокий мороз.

Неужели все несчастья и горести жизни выпадают только на долю немудрых?

Курбан сидел в конце Шайтан-базара, около своего земляка, уличного писца муллы Фарзали, писавшего письма и прошения. Курбан совсем ооченел от холода. Придерживая одной рукой открытый ворот ветхой рубахи, а другой — отдирая чужак, примерзший к ноге, он говорил:

— Напиши для меня письмецо, мулла. Ведь сам знаешь, какой я тебе доход приношу. Не прошло и года, как я приехал сюда из родных мест, а уже считая с этим, заказываю тебе пятое письмо.

Муллы Фарзали потер ооченевшие от холода пальцы. Достал клочок бумаги, положил его на колени и, позевывая, спросил:

— Говори, земляк, что писать?

Курбан еще ближе подсел к мулле, и, словно собираясь поведать ему какую-то тайну, зашептал:

— Во-первых, мулла, напиши от меня привет матери моих детей. Напиши, чтоб она поцеловала за меня в глазенки Анаханум и Мемиша, берегла их и лелеяла. Потом, напиши, что и я, слава аллаху, жив и здоров. Через Гулама-Рзу посылаю вам пятнадцать рублей, вышлю еще; пусть ребятишки не терпят нужды ни в чем, а сам я приеду в конце весны.

Окунув перо в чернильницу, мулла принялся было строчить письмо, но чернила так загустели, что писать было нельзя. Мулла Фарзали осторожно плюнул в чернильницу, размешал и принялся писать снова.

Курбан еще плотнее запахнулся ветхим архалуком, прикрыв торчащие иглами волосы на груди, и, весь съезжившись от пронизывающего холода, сокрушенно сказал:

— Эх, мулла-ами, к плохому человеку попал я на работу. Колодец прорыт уже больше чем на тридцать сажен. Мы просим, умоляем хозяина: «Ага, прибавь нам плату, — спустать»

ся так глубоко нам не под силу, задыхаемся от газа». Но злодей, сын злодея, упрямится: «Будете, говорит, рыть как прежде условились, а то не заплачу ни копейки». Трудно, мулла, зарабатывать здесь деньги. Вот у тебя завидное ремесло: напишешь за день десяток писем, прошений, пару молитв — вот и сыт. Да ниспошлет тебе аллах свою милость, что еще хочешь?

Мулла Фарзали спрятал ручку и, захватив кончиками пальцев щепотку песка из выемки в стене, посыпал бумагу.

— Эх, земляк! — отвечал он. — Со стороны драка кажется забавой. Не такая уж приятная у меня работа, как это тебе кажется. Зимой и летом сиди на перекрестке и жди, когда придет заказчик. Иной раз уже в глазах начинает темнеть. А бывают дни, когда ни один человек не подходит. Так и сидишь, потирая пустое брюхо.

Мулла поплотнее закутался в свою абу и принялся громко читать написанное.

Курбан весь обратился в слух, сидя с разинутым ртом, словно собирался проглотить выходящие из уст муллы слова, и потом с заблестевшими от радости глазами, сказал:

— Мулла, напиши еще поклон Гулам-Гусейну и напиши,

чтоб до моего возвращения он присматривал за ребяташками. Пусть он напишет мне, что стало с нашей золотистой коровой, и продали ли слепую кобылу. И еще напиши, что когда приеду, привезу Анаханум и Мемису по красненькому узорчатому платочку.

Дописав письмо, мулла Фарзали аккуратно сложил его, положил в конверт и, обращаясь к Курбану, спросил:

— Земляк, на чье имя послать письмо?

Курбан смущенно почесал затылок:

— Напиши, мулла, чтоб вручили матери детей Курбана.

Написав это, мулла протянул конверт Курбану.

Дрожащими от радости руками Курбан взял письмо, внимательно оглядел его и хотел было спрятать на груди, но письмо выскользнуло из его продрогших рук, и упало на землю. Быстро нагнувшись, Курбан схватил его и, осторожно очистив от мерзлой земли, бережно спрятал за пазуху.

Потом он достал из кармана кисет, вынул гривенник и вложил в руку муллы.

— Возьми, земляк. К байраму я опять приду заказать новое письмо, тебе немало еще перепадет от меня.

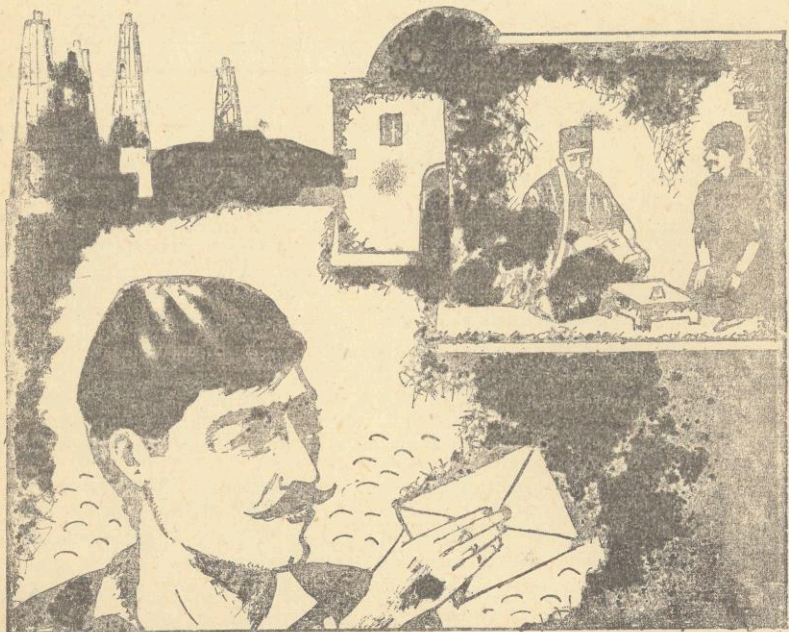
Он зашагал, крепко прижимая к груди письмо.

Ему хотелось поскорее добраться до жилища своего земляка Гулам-Рзы, вручить ему это письмо и передать кое-что на словах.

«Счастливец этот Гулам-Рза, — думал дорогой Курбан. — Сколотил немного денег и теперь поедет повидаться со своими детьми. Как чудесно будет там через месяц! Леса, горы и холмы покроются зеленью, расцветут цветы, деревья оденутся зеленой листвой, вернутся из теплых краев ласточки, первые вестницы весны. Скворцы, жаворонки и журавли начнут вить гнезда. Всюду на полях и огородах закипит работа. Рыбаки пойдут рыбачить на реки и озера. Эх, нужда, нужда, что ты сделала со мной? Бросила на чужбину, оторвала от жены и детей».

Слезы подступили к самому горлу Курбана. На мгновение сердце его замерло, колени задрожали, и, теряя последние силы, он упал на хрустящий снег. Разбитый, изнеможенный, с трудом придя в себя, Курбан приподнял голову. Перед глазами его замелькали рассекавшие шумную толпу нарядные сани, довольные оживленные лица тепло одетых пешеходов. Курбан окинул эту сытую, самодовольную радость взглядом, полным горечи и ненависти, и с его бескровных губ сорвался тяжелый вздох. Овладев собой, он медленно поднялся. Пешешно сунул руку за пазуху, убедился, что письмо там, и, еще сильнее прижав его к груди, зашагал к дому своего земляка.

Дверь была заперта. Грустный и опечаленный Курбан по-

вернул обратно. Бродя, как помешанный, в густой толпе рабочих, он заметил вдруг другого своего земляка — Сафтара. Курбан подошел к нему, поздоровался и узнал, что Гулам-Рза ушел в город.

— Как придет Гулам-Рза, — попросил Курбан Сафтара, — передай ему, что я заходил. Он должен непременно повидаться со мной перед отъездом. Я хочу послать с ним письмо и деньги семье и передать кое-что на словах.

Курбан пошел домой.

II

— Подлецы, негодяи! Пока колодец был неглубокий, головой был я, а хвостом они. Куда поворачивал я, туда они и шли. А теперь, когда колодец углублен, они хотят стать головой. Каждый день мне новый ультиматум. Что ни день, то новые требования. Колодец, видите ли, глубок, там пахнет смертью... и всякий тому подобный вздор. И еще не знаю, что там. Тьфу! Плевать я хотел на таких бесстыжих, бессовестных людей! Плеть, плеть, вот что вам нужно, — кричал и бсновался хозяин колодца Гаджи-Кули.

Сафтар и Тариверди опорожнили поднятые из колодца ведра с песком и прежде чем снова спуститься, Тариверди сказал хозяину:

— Ай ага. Мы по-прежнему были и остаемся только хвостами, ты сам посуди, сейчас опаснее всего работать в колодце. Ведь совесть тоже хорошая вещь.

— Взгляни, — перебил Сафтар товарища, указывая рукой в сторону нефтяных промыслов, — под каждой пядью, под каждой горстью этой земли, всюду куда ни ударишь заступом, наткнешься на кости рабочих. Отовсюду слышатся их стоны. А тем, кто живет в этих роскошных высоких домах...

— Ну и подышайте себе, — прерывая Сафтара закричал Гаджи-Кули, топнув ногой. — Вы думаете, деньги наживаются легко? Вы рискуете жизнью, а мы — золотом.

— Сафтар, ай Сафтар, — дергал Курбан канат из скважины.

Сафтар и Тариверди бросились к колодцу. Свесившись, они заглянули в глубь колодца, но вдруг оглушительный грохот взорвавшегося газа заставил их в ужасе отпрянуть.

— Да простит нас аллах. И Курбан тоже погиб, — взволнованно прошептали они.

Гаджи-Кули, точно не слыша этих слов, опасливо подошел к колодцу и осторожно склонился над ним. Глаза его загорелись радостью. Счастливая улыбка заиграла на губах.

— Выход нефти открыт, теперь она забьет, — крикнул он в диком восторге.

— Гаджи, а как же тело Курбана? — с напускным равнодушием спросил Тариверди. — Так оно останется в колодце?

Слова эти оторвали Гаджи-Кули от радужных мыслей. Он широко раскрыл глаза. Достав из кошелька две двадцатипятирублевки, он процедил сквозь зубы:

— Тот, кто вытащит труп, получит пятьдесят рублей.

Тариверди подошел к колодцу и, увидев поднимающуюся, клочущую нефть, сказал:

— Бедный Курбан, ты сам своими руками вырыл себе могилу.

Гаджи протянул им ассигнации.

— Возьмите, пусть эти пятьдесят рублей будут вашими, разделите их между собой, но смотрите, — про это никому ни слова.

— Ага, — спросил Сафтар, — а как быть с одеждой?

Гаджи, опустил руку ему на плечо, ответил:

— Заройте ее где-нибудь поблизости.

Когда Сафтар и Тариверди, собрав одежду, встряхнули ее, на землю упал конверт. На конверте было написано: «Вручить матери детей Курбана».

Сафтар и Тариверди сокрушенно разглядывали конверт.

— Бедняга Курбан, письмо не дошло, — вздохнув, горестно прошептали они.

1908

ЧУДОТВОРНОСТЬ СВАТИЛИЩА

Было жаркое июньское утро. По узкой тропе под густыми деревьями мы взбирались на небольшой холмик. Бросив на ходу: «Тут есть интересное место для тебя», — мой друг Агабек еще более ускоренными шагами двинулся вперед.

Мы поднялись наверх. Ступая по устланной нежными травами с редкими деревьями склону холма, я спешил поскорее увидеть, что представляет собой то интересное местечко, которое обещал мне показать друг. Однако томная, навевающая грусть, красота этого холма так отвлекла меня, что я позабыл обо всем. Широкие листья дикого виноградника и ежевичных кустов, обвившие ореховые и кизилловые деревья, что росли вокруг нас, сделали эти места тенистыми и прохладными. Мы жадно вдыхали распространившееся вокруг благоухание от чудного аромата трав и цветов, смешанное с душистым запахом свежескошенных полей. Время от времени

доносились щебетанье и отрывистые крики птиц, приютившихся между ветками различных деревьев.

Мой друг, словно впервые видя эти места, изумленно всплеснул руками:

— Да здесь же царство птиц... Сколько же тут их. Посмотри, видишь ту птичку, похожую на желтенький цветок, что приютилась среди листьев? До чего же яркая и красивая! Она напоминает божество красоты, вобравшее в себя всю нежность и изысканность. Взгляни повнимательней, чего только нет у этого маленького существа, появившегося на свет в самое упитательное время природы? Это поэт и прекрасный композитор. Ах, если бы и мы были так счастливы, как эти птички, расправив крылья, слились бы с тучами на высокогорных вершинах!

— Нет, друг мой, тут для меня приятнее, так как среди этих наполненных сыростью туч не найти таких красок, изящества, блаженства и счастья!.. — сказал я.

Радуюсь от души, он еще раз очарованно оглянулся вокруг:

— И в самом деле, тут совершенно другой мир, — сказал он. Затем, потянув меня за руку: — Иди, иди... мы доходим до места, о котором я говорил, — сказал он, ведя меня за собой.

Мы остановились под старым лоховым деревом. Мой друг молча указал рукой на старую могилу под тонкими и длинными ветвями лохового дерева. На ветвях дерева было завязано множество пестрых ниток, лоскутков, различных цветных материй, мелких камней, и висело несколько люлек. Лоховое дерево приобрело очень странный и таинственный вид.

— Что это? — спросил я.

— Эти нитки были завязаны людьми, давшими обет, люльки же подвесили бесплодные женщины.

Один миг мы оба безмолствовали, глядя на это дерево и старую могилу. Воображение оживило древние обычаи и верования наших предков, живших в первобытное время. «Ну и ну, в какое ж это время мы живем?» — невольно бросил я, изумленно взглянув на друга.

— В каменном веке! — ответил он в том же тоне.

В это время в верхней части могилы я заметил несколько камушек округлой и удлинённой формы. Они мне так понравились, что я взял два-три камня.

Мой друг, удержав меня за руку, воскликнул:

— Что ты делаешь? Их нельзя брать!

— Почему?

— Святые разгневаются, можешь заболеть.

— И ты тоже веришь этим небылицам?

— Нет, дорогой, за кого ты меня принимаешь? Но если невежественные люди увидят в наших руках хоть один из этих камней, поднимут шум, — ответил он, улыбаясь.

Я положил камни на место. Постояв немного под лоховым деревом, я стал размышлять о том, как суеверие отравляет сознание. Я был так разгневан, что потерял дар речи.

Молча мы двинулись дальше.

Мертвую тишину леса нарушали лишь щебет птиц и звуки наших шагов. Мой друг положил руку на мое плечо.

— Я расскажу тебе длинную и очень печальную историю, — сказал он, устремив свои большие голубые глаза мне в лицо.

Пройдя несколько шагов, он сел рядом с новым надгробием. Его брови были нахмурены, лицо затуманилось грустью, глаза потухли. Бросив грустный взгляд на могилу, он промолвил:

— Тут могила самого близкого и искреннего моего друга Ахмеда. Это был юноша чрезвычайно впечатлительный, порядочный. Несмотря на то, что он не имел достаточного образования, он был очень талантлив. В селении Рустов вся канцелярия пристава проходила через его руки. Мы встречались каждый вечер и приятно проводили время. У этого прекрасного человека был только один большой недостаток, — он не имел воли и собственного мнения. Он быстро поддавался под влияние людей с которыми встречался, мгновенно присваивая их мысли и суждения. В конце концов он стал жертвой своей слабыхарактерности. После краткой характеристики друга я расскажу тебе о случившейся с ним трагедии:

— Случилось мне по важному делу поехать в Кубу на десять дней. А оттуда я должен был отправиться в Баку. Моя поездка затянулась намного дольше, чем я предполагал. По возвращении в селение Рустов, где мы живем, я отправился в дом моего друга, чтобы повидать его, но никого не нашел. Двери и окна были заперты. Оттуда я прямо пошел к нему на работу. Кто-то из чиновников сообщил мне, что Ахмед заболел воспалением легких и уехал куда-то на лечение. Известие это расстроило меня. Возвращался домой я сильно опечаленный. Я решил поискать его, но решительно ничего не смог узнать о местонахождении друга. Люди рассказывали всякое. Одни говорили, что он уехал в город на лечение, другие — что он лежит в Хачмасской больнице, а некоторые утверждали о его поездке в святилище, за получением исцеления. Через три дня я узнал о возвращении друга из безрадостной поездки. И тут же отправился к нему. Когда я вошел, Ахмед был в постели. При виде его я изумился..

На этом месте рассказа, лицо Агабека выразило глубокое чувство скорби. Он вспомнил о печальной судьбе дорогого друга. По мере того, как он рассказывал, голос его становился все тише, приобретая печальный тон. Агабек продолжал дальше:

— За короткое время этот физически здоровый человек так осунулся и изменился, так уменьшился, что я не узнал его. С лица сошли свежие краски, свет померк в глазах, резко обозначились скулы, глаза впали, и под ними появились глубокие, темные круги. Я был так подавлен, что несколько минут не мог заговорить. Так и смотрел растерянно ему в лицо.

— Что случилось с тобой? Уезжая, я оставил тебя совершенно здоровым, — спросил я, наконец взяв себя в руки.

— Не спрашивай, брат, не спрашивай, у меня большая беда, — ответил он слабым голосом.

— Что за болезнь у тебя?

— Сперва было воспаление легких.

— А потом?

— Потом глупость...

— Ты показывался врачам в Баку? Что они говорят?

Горько усмехнувшись, он чуть приподнял голову с подуш-ки. Устремив мне в лицо сверкающие тусклым блеском впалые глаза, он изумленно воскликнул:

— В Баку!.. Разве туда едут за лечением? Зачем мне туда!

— Но куда же ты поехал?

Несчастный юноша так застонал, будто изранили его душу. Хотел заговорить, но помешал продолжительный кашель. Отхаркнувшись от мокроты, он продолжал прискорбным голосом:

— По обычаю предков я отправился просить исцеления у «Пиргасана».

Ахмед устремил свой осмысленный взгляд мне в лицо. Откинув с себя одеяло своими исхудавшими руками, от которых остались кожа да кости, он бросил взгляд на свое раставшее как воск тело и продолжал:

— Вот какие чудеса творят святые! Пошел здоровым, а вернулся еле живым, — сказал он, снова кутаясь в одеяло.

— А как ты теперь, выздоровел ли полностью?

Беспощадный кашель не давал вымолвить моему другу ни слова. Чуть успокоившись, он вкратце рассказал мне о том, что с ним случилось:

— Через три дня после последней встречи с тобой я сильно простудился. Лежал в постели ровно пятнадцать дней. Выздоровев, я снова ходил на работу. Однако болезнь совсем ослабила меня. Я чувствовал себя очень усталым и бессиль-

ным. Упал духом, потерял аппетит. Мое состояние сильно тревожило мать. Однажды она сказала: «Сынок, до каких пор ты будешь так мучиться? Послушайся меня, поведем-ка мы тебя в «Пиргасан». Там зарежем жертвенного барана, будем просить исцеления, ты сам увидишь чудотворность святилища. Ты оставишь свою болезнь там и вернешься здоровым». Я категорически отказался. В это время пришла тетя. Она тоже вмешалась в разговор, и две сестры принялись укорять меня, стараясь убедить в чудотворности этого святилища. Ты сам знаешь мою слабохарактерность. Короче, насильно вырвали у меня согласие. Я решил, что «если даже ничего не приобрету, то ничего и не потеряю, хоть попутешествую немного», и на следующий день мы двинулись в путь. Добравшись до «Пиргасана», мы зарезали там жертвенного барана, поклонились святым, попросили исцеления и остались там на ночь. В тот день сюда на паломничество прибыло из окрестностей около пятидесяти человек. В этой толпе, состоящей в основном из женщин и детей, было всего пять мужчин, и одним из этих несчастных был я. Ночь я провел на арбе.

Я поел много шашлыка, вернее, меня заставили поесть «жертвенного мяса», убеждая, что это «исцеление». До самого утра я не сомкнул глаз, беспокойно проведя ночь. И только под утро я заснул на час. Когда открыл глаза, я увидел, что служитель святилища, собрав вокруг себя паломников, рассказывает им длинную историю о благодетельности «Пиргасана», а те слушают его с большим изумлением. Служитель, закончив рассказывать о чудотворствах «Пиргасана», сказал: «Его старший сын также был человеком благодетельным, чудотворцем, и могила находится тут рядом. Раз пришли, так повидайте и его, не то будет недоволен вами».

Люди волей-неволей двинулись в сторону указанного святилища. Служитель шел рядом с ними, рассказывая о творимых им чудесах. Все пятьдесят человек пошли по одной тропе. Тут служитель остановился.

— Вот, идите по этой тропе, — указал он пальцем. — Служители этого святилища встретят вас и скажут, что вам делать. Но в дороге вашим глазам покажутся диковинные вещи, вы услышите странные звуки, не пугайтесь, я не имею права идти дальше, — сказал он, поворачивая назад.

Мы разбрелись по лесу и медленно двинулись вперед. Над нашими головами свешивались, словно играя с нами, большие ветви высоких старых деревьев. Все мы были охвачены страхом и ужасом. неподвижный воздух был наполнен густым туманом. Даже на самых высоких ветвях деревьев не шевелился ни один листок. Кругом было тихо. Эту тишину нарушали

лишь наши шаги, стрекот кузнечиков и кваканье лягушек из ближайших болот.

Мы шли, вглядываясь в густые, дремучие кустарники леса, и словно сумасшедшие вздрагивали от малейшего шороха. Вдруг впереди послышался шум. Из-под густого кустарника выбежала то ли лиса, то ли заяц. В этот момент я увидел, как вдруг небольшая группа паломников, взволнованно крича, повернула и помчалась в нашу сторону. Женщины и дети, заметавшись и схватившись друг за друга, кричали так громко, словно по ним стрелял целый отряд разбойников. От ужаса я обливался холодным потом. Мои ноги невольно задрожали. В толпе было мало мужчин, и поэтому женщины с душевнораздирающим ревом направились в нашу сторону. У меня волосы встали дыбом, потемнело в глазах. Ноги не слушались меня, голова затуманилась. Каждый куст, каждый камень, листок казался в наших глазах хищником, в ушах все громче раздавались чудовищные звуки и грохот. Мы были растеряны и не способны что-то мыслить. Я припоминаю, как тоже в ревом кинулся бежать обратно. Что было потом, не знаю. Очнувшись, я нашел себя не в лесу, а в хачмасской больнице. Какая-то сестра милосердия, стоя над моей головой, вливала мне ложкой в рот лекарство. Я как обезумевший хотел вскочить и побежать. Все казалось мне странным. Ровно неделю я был не в себе. Когда мне стало чуть лучше, меня выписали из больницы. При выходе врач еще раз осмотрел меня. Потом внимательно взглянув на меня, он сказал: «Больной, ты сильно перепуган, поэтому прогрессирует чахотка. Надо предотвратить ее. Ешь, пей, отдыхай!»

Мой друг Агабек, прервав свой рассказ, погрузился в печальные думы, поглаживая рукой надгробный камень.

— А что было потом? От чего умер твой друг Ахмед? — спросил я.

Подняв голову, он уставился на меня покрасневшими глазами:

— Настоящее несчастье произошло потом, — ответил он. — С каждым днем он стал все больше и больше чахнуть и таять как воск. Я приложил много усилий, отвез его в Баку. показал известным врачам. На его же деньги поместил в больницу. Когда я возвращался в село, он сказал:

— Брат мой, ты много потрудился. Ты сделал такое доброе дело, которого не сделал бы родной брат. Но у меня нет надежды отплатить тебе за это добро, так как я не смогу вырваться из рук этой болезни.

Я долго утешал его.

Мой друг снова прервал свой рассказ, устремив глаза на могилу.

— Потом что было? Там же и умер?

— Нет, через месяц я получил из больницы телеграмму: «Ваш больной безнадежен, приезжайте и заберите его». Я поехал и забрал Ахмеда. Он уже превратился в скелет. Я привез его с большими трудностями. Через две недели он умер.

Закончив на этом месте свой рассказ, мой друг еще некоторое время стоял, устремив мокрые глаза на могилу. Потом выразительно посмотрев на меня, Агабек сказал дрожащим голосом:

— Какой прекрасный человек был, какой хороший друг! Меня разлучил с ним «Пиргасан».

— Вот чудотворность святилища! — гневно закричал он.

1912

МИЛЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ

Был теплый летний вечер. Решив подышать на свежем воздухе, мы вышли в городской сад. Мы оба были молоды, оба холостые. Усевшись рядышком на скамейке под большим тенистым деревом, мы оживленно беседовали. Нас радовало и развлекало любое мелкое происшествие. Указывая на двух молодых, сидящих чуть поодаль от нас, мой друг сказал:

— Смотри-ка, как задумались. Кто знает, где витают их мысли. В любом случае, далеко от нашего мира. Приглядишься внимательно, как они сладко беседуют, уединившись... Как естественно все это выглядит... Хотя, кто знает, может эта девушка, улаждающая душу этого юноши, и играющая им как мячиком, вовсе не нравится другому своим лицом и телосложением. По-моему, красота не имеет определенной меры. От наших дедов сохранилась простая поговорка: «Кто приглянется, к тому и сердце тянется».

Подобно тому, как различны среда и взгляды людей, так же различен их внешний вид. Если часть из них любит голубые глаза, светлое лицо, прямые волосы, то другая часть обожает черные глаза, черные вьющиеся волосы, смуглый цвет кожи. Людям с темпераментным характером, как у нас, больше доставляют удовольствия блондины, томный нежный взгляд, распущенные волосы. Чем доказано, что какой-то из известных нам — черный, белый, желтый, красный цвет лучше другого? Если бы это было доказано, то сегодня весь мир был бы окрашен в один цвет.

Если кому-то нравится женщина, одетая ярко, по последней моде, с накрашенным лицом и губами, то меня пленяет естественная красота, без красок и фальши, чистая и простая. Человеку, получившему от простой природы пищу и воздух, одним словом, все необходимое для жизни, в то же время доставляет большое удовольствие попадать в затруднительное положение, связывать себя по рукам и ногам. Вот этого я не могу понять.

В это время перед нами проходила молодая, красивая женщина в ярком наряде, с накрашенным лицом и губами. Мой друг тихонько запел песню. Женщина стремительно пронеслась мимо нас подобно птичке.

— Ее дупование уносит человека. А на походку взгляни! — сказал мой друг. Потом, указывая на огромную шляпу на ее голове, он иронично расхохотался и продолжал:

— Непонятно мне, то ли мы не подходим среде, то ли постепенно портится вкус у людей? Разве могут украсить такие большие котлы эти нежные головки?

— Что ж ей поделывать, эта бедняжка тоже пленница моды, нельзя отставать от жизни, — сказал я. — Чтобы надеть такие большие шляпы, на волосы надо положить парик из искусственных волос, а для укрепления его по бокам шляпы протыкают длинными шпильками.

Три дня назад я сел на конку и поехал на занятия. На конку села также какая-то женщина, немилосердно затянувшая талию корсетом и наложившая на бедра целый батман ваты. Ее губы были ярко накрашены, на лицо она наложила столько краски, что маленькие желтые глаза под большой, похожей на котел, шляпой, напоминали две мышинные головки. Она села на скамейку впереди меня. Вернее, только собиралась сесть. Вдруг у сидевшего рядом с ней бедняги юноши, силлившегося высвободить свою голову из-под ее шляпы, напоминавшей мельничное колесо, со лба заструилась кровь. Юноша вскочил с места и, держась одной рукой за лоб, сорвал другой рукой с головы женщины это мельничное колесо и швырнул на улицу. Парик женщины был весь растрепан и теперь ее голову украшали лишь свои естественные волосы. Шпилька так глубоко проткнула лоб юноши, что никак невозможно было остановить кровь. Раскрасневшиеся от гнева глаза женщины стали влажными. Она с бранью подобрала с земли свой парик и в смешном виде спустилась вниз. Юноша же отправился в ближайшую аптеку, чтобы повязать голову.

Эта женщина стала прекрасной темой для дальнейшей нашей беседы. Слово за словом, так мы поговорили о многих вещах, и даже о женитьбе, являющейся одним из важных вопросов жизни. Наконец, мы договорились найти немодную,

ненакрашенную, простую и естественную, красивую спутницу жизни.

Солнце склонилось уже к закату. Мы вышли к берегу моря подышать свежим воздухом. Лодки, переполненные любителями морского путешествия, плыли туда и обратно, развлекая пассажиров музыкой. Мы молча бросились в самую первую лодку, уже развернувшую паруса. Когда лодка тронулась, мы узнали, что она плывет к Черному городу, где по купленным билетам можно посмотреть спектакль в театре и вернуться обратно. Мы оба были довольны такой неожиданностью. Сотни лодок, скользящие по белой пене у нас перед глазами, милые песни и музыка, услаждающие наш слух, переполняли нас сладостным опьянением и бурной радостью. Незаметно лодка стала двигаться к мосту Черного города. Спустившись вниз, мы вскоре отыскали то здание, где должны были дать представление. Не успели мы сесть, как погас свет и представление началось. Мой друг-поэт воскликнул: «Вот молодцы, какие вежливые, нас ожидали...» Представление шло под названием «Хвостатая любовь». Эта была драма из жизни Италии, в пяти действиях. Пьеса красочно описывала образ жизни одного кутилы из аристократической семьи. В городе Неаполе некий Жак, имеющий высокое положение и влияние, пристрастившись к кутежам, проводит все свое время на балах, вечеринках, пиршествах и торжественных обедах, в кругу картежников и за выпивками; когда зарплат не хватает, он начинает тратить государственные деньги. Во время ревизии Жак кончает жизнь самоубийством. Первое действие в противоположность основной теме, описывало жизнь молодой пастушки — итальянки. На ее тонкое и стройное тело было надето белое платье с богатой шелковой вышивкой на груди и подоле, а на небольшой головке с черными волосами красовалась простая белая шляпка. Овцы и ягнята паслись на зеленом лугу, девушка же сплетала венок из собравшихся цветов, по-ребячьи развивалась, гоняясь за золотокрылыми бабочками, похожими на летающие с ее губ игривые и жизнерадостные улыбки, нежила и ласкала ягнят, взяв их на руки.

Когда, с присущей веселым и игривым детям манерой, она прицепила на голову готовый венок, мой друг толкнул меня за локоть:

— Вот девушка, нарисованная в нашем воображении! Идеальную на наш взгляд красоту можно найти лишь в целомудренных сельских девушках, живущих как вольная птица на открытом воздухе, на таких вот раздольных лужайках, — сказал он.

Находясь под впечатлением живописных картин, до самого окончания первого действия мы обменивались друг с другом выразительными взглядами. Вдруг мой друг изумленно воскликнул:

— Ух, да самая живописная тут рядом, а мы и не знали! Встань-ка, встань, поменяемся местами! — сказал он. Повернувшись направо, я увидел сидевшую рядом со мной молоденькую девушку с распущенными волосами. Она являла собой самый живой образец природной красоты. Мой друг, всматриваясь в нее, сказал:

— Меня огораживает вкус тех, кто предпочитает накрашенных, насквозь пропитанных фальшью женщин с котлообразными колпаками, когда имеются такие целомудренные, естественные лица с невинным взглядом.

Тот вечер мы провели очень весело. По просьбе друга во время последнего действия мы поменялись местами. Когда занавес была спущена, мы оба вернулись в город с одинаковыми мыслями и впечатлениями. Эта драма, показавшая всю подноготную аристократической жизни, ее грязные и отвратительные стороны, еще более усилила в нас любовь и тягу ко всему простому и естественному. Возвращаясь в город в лодке, мой друг наклонился к моему уху и шепнул:

— Если даже напишу сто дастанов о тех волнующих локонах, все равно будет мало. Выше моих сил описать полученное от них впечатление.

— Какие локоны?

— По мере того, как на сцене менялись картины, интересные и живописные пейзажи сменяли друг друга, девушка, сидевшая рядом со мной все ниже склонялась ко мне, и все чаще мы сидели, касаясь головами. В это время ее нежные пряди, отделившись от волос, испускающих девичий аромат, сладостно нежили мое лицо, унося в совершенно иной мир. Не будет преувеличением, если скажу, что ничто в моей жизни не волновало меня так, как очарование этих локонов. Я уверен, что эти локоны живые.

— Дело не только в том, что эти локоны живые; подобное наслаждение мы бы, безусловно, не получили от локонов фальшивых, накрашенных дам. Опять же, простота, искренность, и естественность заставили тебя ощутить живыми обычными локонами, капля за каплей наполнили самыми нежными и тонкими чувствами потаенные уголки твоей поэтической души, доставив тебе столько удовольствия и радостного настроения.

Как бы подтверждая мои мысли, друг добавил:

— Поверь, мой брат, я питаю к ней более душевные и искренние чувства, чем ребенок, привязанный к своей матери.

Мы расстались друг с другом поздно ночью. Пожимая его руку, я сказал:

— Это чудесное воспоминание станет началом романа, который я напишу о тебе; ты постарайся дать мне материал для его завершения.

— Нет, нет, не пиши! — сказал он с искренней улыбкой.

1914

ПРЕД ДЕМОНОМ

Мрак... Волшебный и удушливый мрак... Все устало дремало под чудовищной тяжестью тьмы, все под воздействием немой силы металось в жутких видениях. Все растворилось во мраке, смешалось с темнотой, вбирающей в себя весь свет. Земной шар, казавшийся властителем бездонной пустоты, задумчиво катился в темноте.

Против этой подозрительной тишины, властвующей над всей природой и миром, все было безмолвно и бесчувственно.

В этот миг на вершине обрывистой и отвесной скалы послышался страшный, оглушающий удар крыла, и вслед за ним прогремел грубый и жуткий голос, присущий командующим — «готово!». От свирепости и ужаса, внушаемого этим голосом, наводящим смертельный страх, задрожал весь мир. Как словно бы произошло какое-то важное событие, вдруг со всех сторон страшные черти стали ебегаться в ту сторону, откуда доносился голое, и эту гнетущую тишину нарушали лишь слышные тут и там резкие удары от взмаха крыла и отвратительные звуки, напоминающие крик совы. Черные тени сотрясали середину скалы... Эти жуткие черные черти столпились на вершине скалы вокруг хозяина голоса, принявшего обличье готовящегося напасть на свою жертву орла, и целуя крылья и ноги, говорили:

— Демон!. Демон!. Каждый приказ твой для нас священ.

Демон, окинув гордым взором слетевшихся вокруг него и приветствующих твякующими голосами своих сыновей, не меняя своей прежней позы, заговорил:

— Мои трудолюбивые сыны! Достигнутые нами сегодня большие успехи — это результат вашего прилежания и усердия. День ото дня дела принимают все более желанную форму. Мечты, которые я лелеял с таким волнением, начинают давать плоды. Успехи этого года обнадеживают сверх ожида-

емого. Со дня вступления Адама на жизненную сцену и данного им обещания свернуть человеческий род я еще не добивался такого успеха. Отважные сыны мои! Я от души приветствую вас за проявленные во имя дела трудолюбие, усердие и радение. Этот неустанный, бесконечный труд, несомненно, утомил ваше тело, отнял ваш покой. И поэтому я желаю временно освободить вас от этой утомительной работы и предоставить вам отпуск. Цель сегодняшнего сбсра — узнать ваше мнение об этом.

Сыновья, подавленные тяжестью этого слова, безмолвствовали, размышляя о решительном ответе. Демон, щелкая языком, спросил:

— Отвечайте! Если я дам вам годовой отдых, то не оборвет ли человеческий сын цепи покорности и повиновения?

Дети демона, плотно сидевшие друг над другом от вершины скалы до самого дна пропасти, все в один голос запротестовали:

— О отец-падишах, мы успокаиваемся лишь при виде человека, созданного по нашему образу и подобию. В результате перенесенных нами из века в век тысяч трудностей, подстроенных ловушек, ухищрений, разжигания интриг и козней мы добились подчинения себе человека. Отпускать теперь его на произвол судьбы будет неразумно.

Демон, размышляя, спрятав свою голову с отвратительными и жуткими глазами между крыльями. Ханнас, которому больше всего доверял демон, один из самых коварных политиканов среди его сыновей, рассекая черные тени, выступил вперед и преклонив колени перед демоном, заговорил:

— О наш великий отец! Пусть не очень печалят вас слова моих братьев. Эта мысль — следствие боязни, неглубокого уважения к человеческому духу. По-моему после всего этого им можно дать полную свободу. Посеянные нами семена пустили такие глубокие корни, расставленные сети так связали их руки и ноги, что человек полностью позабыл о чести и достоинстве. Если мы даже целыми веками не будем плутать вокруг них, они не бросят своих привычек, и к тому же, и без нас уже и среди них выросло столько дьяволов, что они вполне могут заменить нас.

Черти запротестовали со своих мест: «Человеческому сыну верить нельзя!»

Ханнас, вторично преклонив колени перед Демоном, сказал:

— О отец-падишах, я прошу у вас позволения для доказательства своих слов.

Демон дал разрешение Ханнасу, питая к нему большое доверие и зная о жесткости его слов. Ханнас, взлетев в небо, в один миг скрылся из глаз...

Была морозная темная зимняя ночь. Ханнас все парил и парил в густых тучах над большим городом... Наконец, застыв в одной точке, через мгновение он с молниеносной скоростью опустился на землю. Теперь уже он находился внутри роскошного здания. Окинув птичьим взором комнаты, он кинулся в спальню, где в теплой постели почивал сном праведника человек, вернувшийся час тому назад с увеселительной вечеринки. Взвалив его на свои крылья, черт взвился в небо и вскоре опустился на землю перед Демоном.

Проснувшись от твяканья чертей, и увидев себя среди толпы, с отвратительными физиономиями, человек задрожал от страха.

— Не бойся, братец, и жизнь, и добро твое в безопасности, — промолвил Демон, глядя его по голове.

После этих слов человек несколько приободрился. Ханнас понял, что наступило время доказать правоту своих слов. Он устремил глаза в пропасть и завилал хвостом, словно занялся важным делом. Поверхность земли мгновенно окуталась пыльным туманом. Вскоре сквозь туман и пыль показалась страшная, кровавая картина. Небо и земля — все пылало и трещало в огне. Толпы людей, вооруженных мечами, подобно варварам, подгоняли перед собой жалких людей, предавая их огню и мечу; беззащитные несчастные люди, в ужасе прижимаясь друг к другу, пытались лишь только укрыть свои головы, защищая себя подобным образом. Дети разбежались и скрылись в степях, лесах, под камнями; все вокруг было охвачено воплями и рыданиями, приводящими в ужас даже хищных зверей. Демон вместе со своими детьми стал смотреть эту кровавую картину. Человек же, посмотрев немного это зрелище, от которого застывала кровь, воскликнул: «Восхитительное представление!». Ханнас, стремясь еще более обнажить и показать отцу души морально развращенных людей, гневно промолвил:

— Человек! Приглядишься внимательней, это все твои братья и сестры!

От этих слов человек скорчился словно от душевной боли, в страхе озираясь вокруг себя. Про себя подумав: «Не Эрдаханская ли это трагедия? Ну и ну, неужели даже черти собирают в их пользу деньги?» — он принял скорбный вид.

Ханнас прекрасно понял, почему человеческий сын принял такой скорбный вид.

— Жалеешь ли хоть ты их? Смотри же, десятки тысяч умирающих, раненых, убегающих, ползущих, оставшихся без крова людей протянули к тебе руку, прося о помощи, — сказал он с горькой усмешкой.

Человека стало трясти, словно его ударило током; он молча бросил подозрительный взгляд сперва на зрелище, а потом вокруг себя.

— Ну-ка, вытаскивай кошелек, раздай деньги этим отверженным, нуждающимся сестрам и братьям! — сказал Ханнас требовательным и решительным голосом.

Демон, тоже осуждающе потрясая пальцем в воздухе, заворчал:

— Правду говорит, надо, братец!

Чувствуя себя в ужасном состоянии, человек поискал трясутыми руками в кармане, после чего нехотя вытащил денежный мешочек. Не раз пересчитав имеющиеся в нем сто-рублевые, пятисотенные, он снова зачихал их обратно и сунул в карман:

— Господин Ханнас, простите, но у меня нет мелочи, — сказал он.

Ханнас многозначительно посмотрел на отца. Демон тут же уловил мысли сына. Громким голосом он обратился к своим детям:

— Сыны мои, у меня не осталось сомнений. Сын Ханнас прекрасно доказал свои слова. Одним из лучших человеческих качеств является щедрость. И мы стараемся очернить душу и совесть людей, обладающих щедростью, сбить их с этого пути. Не стоит беспокоиться об этих человечках, уничтоживших в себе чувство братства и человечности, поклоняющихся бумажным клочкам и кускам металла, ставя их превыше своего собрата. Идите, Вы освобождаетесь от всяческих услуг на несколько лет.

С этими словами Демон взмахнул крыльями и с криком, подобным раскату грома, поднялся в воздух.

1915

НЕ УВЯНЕТ, НЕ ПОМЕРКНЕТ

Джафару Джабарлы.

Ты был хрупким ростком, выросшим в бесконечных как само пространство, засушливых и безводных степях, и не было у тебя ни прохладного тенистого укрытия, под сенью которого ты защищался бы от солнечного зноя, ни хижинки, чтоб приютиться от жизненного холода и беспощадных ура-

ганов. Ты рос без помощи и опоры, подавленный, но сражающийся под тяжкими ударами огненных молний над головой, штормовых бурь, затихающих у самых ног. По мере того, как тяжкие удары жизни истощали твое тело, ты шел вперед, к своей цели, опираясь на свою несокрушимую волю, со всем пылом сознания, силой духа и страстью души. Но цель была далека... О юный путник солнечной дороги, куда путь держишь?

В то время ты продолжал свой путь не зная, не размышляя об этом. Туман в глазах, колеблющиеся шаги, передаваясь по всему существу, препятствовали твоему восхождению. В то время, когда творческий гений поэтической души впервые крикнул тебе «возвысься», ты снова чувствуя себя не в родных просторах, а в чужих краях, засверкал маленькой звездочкой за грозowymi тучами небесного пространства. Сверкать — такое право даровано было тебе самой природой. Но окружающая тебя со всех сторон эта ограниченная и грубая среда, тусклая и фальшивая жизнь не давали тебе возможности погрузиться в самую ее гущу, сорвав туманную пелену со сверкающих молнией глаз, отбросив колебания и сомнения, грызущие душу, печаль и тоску, подавляющие дух. Звуки и песни, срывающиеся из твоей юной, но широкой души, не отдавались эхом вдаль. Ты и сам чувствовал это. Облокотившись на утес, возвышающийся на берегу неподвижного моря и глядя на медленно катящиеся к берегу мелкие волны, ты думал:

— Разве я не одна из этих волн?

В это время от поднявшегося сильного урагана пришли в содрогание земля и небо, со всех сторон загрели гром и молнии, закачалось море. Поднявшиеся из глубин великаны-волны, раскинув свои огромные, гигантские пасти, забушевали и забурили, двигаясь к скалам, и сжирая берега. Ты все еще размышлял, погруженный в думы, когда первая волна, стремительно ударившая по утесу, у которого ты сидел, подхватила тебя между белыми, алмазными зубами, подбросила в бушующее и бурное течение моря. Когда тебя, выбравшегося на поверхность из бездны моря, белые гиганты-чудовища снова швыряли от берега к берегу, поигрывая тобой на своих пенистых руках, ты кричал: «И я тоже стал одной из этих волн, с которыми соединился, и я тоже ураган, приводящий в бешенство селевые потоки».

Наутро, подкатывая к берегу на гребнях волн, рука об руку вместе с солнцем, ты настолько изменился, что я даже не узнал тебя. Ни один ураган не смог бы заставить так засиять твой лоб, покрытый молниями и венками, ни одно солнце не смогло бы развеять туман сомнения и колебания в твоих гла-

зах, сделав их ясными: ни одна сила не смогла бы заставить так счастливо грянуть твоему отрывистому и нежному голо- су, с корнем вырвав из него стоны и стенания. В этот раз, когда твоя безбрежная как море душа приказала: «возвы- ся!», я увидел тебя среди золотых вышек молодой социали- стической родины, излучающих свет на весь мир, среди бес- крайних полей. Ты восседал на троне искусства, вылеп- ленного из живых венков вновь построенного золото- го царства. Ласкающий твой лоб венки искусства, сплетенный из естественных живых цветов родного края, так украшал голову поэта, что ты сиял подобно солнцу, освеща- ющему горизонты во вновь построенном подлинном царстве искусства. На этом венке, олицетворяющем памятник искус- ства, было написано цветами: «О бушующее море, даже тог- да, когда, сбившись с истинного пути, я был погружен в или- стые воды стоячих и мутных болот, я метался, стремясь про- никнуть в твою пылкую душу и самому сделаться морем».

Увидев вечные лучи, заставляющие засиять вечностью мозг творческого солнца, и обширное царство, украшенное цвета- ми, я сказал: «Это солнце не померкнет, эти цветы не увянут!»

Прошли месяцы, миновали годы, и в построенном тобой с несокрушимой волей новом царстве искусства изо дня в день ты распускался как неувядаемый цветок, сиял подобно не- меркнущему солнцу.

— Что, что? — спросил я, вскочив как безумный с места.

Печальное известие о смерти с молниеносной скоростью обошло всех. Я не поверил, но присоединившись к тем, кто шел к тебе, шагал как помешанный. Дошел... Ты обвитый со всех сторон венками на смертном одре, сомкнул глаза... И снова я не поверил. Мне захотелось крикнуть толпе, идущей к тебе нескончаемым потоком: «Нет, он не умер». Но, почувст- вовав, как что-то внутри меня оборвалось и упало, мои руки бессильно опустились. Растерянно стоя у твоего изголовья, я хотел поцеловать тебя в широкий лоб, омочив его слезами и сказать: «Ах, бессердечная и жестокая природа, что ты сдела- ла!» Но, увидев стоящих вокруг тебя и приходящих в смяте- ние, подобно живому морю, молодых товарищей по перу, мой дух укрепился, глаза засверкали большой надеждой. Зама- хав рукой в воздухе, я крикнул: «Он не увянет и не померк- нет! Для тех, кто сливается с вечностью, нет смерти!»

О творческий мастер моей юной социалистической родины! Ты взошел как новое солнце в царстве искусства!

Великое солнце, взошедшее в царстве искусства, не мерк- нет!

Цветы, распустившиеся в садах вечной весны, не вянут! Тот цветок, то солнце — это ты, твое искусство!

1935

МОЕМУ СТОЛУ

О мой старый стол, старый друг! Снова я, облокотившись на тебя, тружусь с пером в руке. На этот раз темой, взятой на перо, являешься ты, и только ты!..

Сорок лет ты наедине со мной вкладывал душу в мое ли- тературное творчество, трудясь вместе со мной.

Как сегодня помню: в нашем доме шли приготовления од- новременно и к свадьбе, и к празднику. В такое радостное, счастливое время, облюбовав среди множества других столов, я притащил тебя из магазина в свою комнату. В то время ты был новым, красивым столом, сделанным рукою искусного устада, прекрасного мастера, я же был юным поэтом, только что окунувшимся в литературную жизнь. С того дня мы под- ружились, стали жить в любви и согласии, оба были искренни- ми друзьями. Все свои печали и радости я поверял тебе, де- лясь с тобой как друг. Ты сокровищница всех моих литера- турных тайн и искренний, верный друг. Дружба наша имеет давнюю историю уроком в сорок лет. Ты прекрасно знаешь с каким большим увлечением, неугасающей любовью трудился я все эти годы с пером в руке наедине с тобою. Любовь к ис- куству придавала силы моей душе, скорость перу, пылкость сознанию. Я без устали трудился над каждым произведением.

О мой старый друг, все свои научные, литературные, об- щественные произведения, являющиеся детищем моего твор- чества, я создал на твоей поверхности. При завершении каж- дого произведения моя бурная радость не могла не отразить- ся на тебе. За то, что создано мной, я благодарен тебе, свое- му перу, — переводчику моей души, ума.

О мой старый друг, раньше я встречался с тобой часто, а теперь, в последнее время, мы встречаемся чуть реже. Не уп- рекай меня словом «изменник»! Потому что это обусловлено другими причинами, вовсе не имеющими отношения к дружбе. Эта причина — в дряхлости, охватившей мое тело за долгие годы, в беспокойствии организма. Если тебе всего сорок лет, то я намного старше тебя. Старость достигла меня. Годы, сле- дующие друг за другом, убавили свет моих глаз, пылкость

души, силу тела. У меня ослабела способность к труду. Вот почему я вынужден реже встречаться с тобой.

Дорогой мой друг, вижу я, что сорокалетняя жизнь со-
старила и тебя, померкла прежняя новизна, красота, свежесть,
на твоей поверхности остался налет многолетней, закоптелой
и заржавелой пыли, время сделало дряхлым и тебя. Но как
бы ты ни состарился, все равно останешься моим любимым
столом, старым другом.

Однажды в нашем доме купили новый стол. Хотели дать
его мне, разлучив меня с тобой. «Нет, я не расстанусь со сво-
им старым другом», — сказал я.

Состарившись телом, душой я остался молод. Поэтическая
душа не стареет! Кто может сегодня отделить стариков от
молодых! В моей душе еще не угасла любовь к искусству. И
самое большое мое желание — это создавать вместе с тобой
новые произведения с любовью и энергией, — полученной от
самой жизни. Сорок лет мы трудимся вместе. Кто знает,
сколько еще вместе мы будем трудиться. В любом случае, я
обещаю написать только на твоей поверхности свое послед-
нее произведение. Ты мой старый друг!..

1946

АНАБАДЖИ

Я возвращался с занятий домой. Шел я по тротуару, пок-
рытому лужицами дождевой воды. Вдруг высохшая шес-
тидесятитлетняя старуха протянула мне свою костлявую руку.
Из-под ветхой залатанной чадры, прикрывавшей темное мор-
щинистое лицо и все ее хилое тело, она подала мне клочок
бумаги.

— Сын мой, — сказала она, — прочти-ка эту бумажку и
скажи, кому подать ее?

Она сказала это так жалобно и беспомощно, что сердце
мое сжалось.

Я взглянул в ее глаза. Они, уже давно потускневшие, го-
ворили о многом: о долгих годах жизни, полной жестоких
испытаний, о скорбных шестидесяти листопадах.

Взяв из ее рук клочок бумаги, выцветший и измятый, как
она сама, я прочел:

«Атабаба Кули-оглы содержит семью, состоящую из шес-
ти душ».

Ничего, кроме этих слов, на бумаге не было.

— Бабушка, а кто такой Атабаба? — спросил я, возвра-
щая ей бумагу.

— Мой сын, — ответила она, подняв на меня глаза.
В голосе ее прозвучала нотка надежды, лицо оживилось,
но мгновенно потускнело.

— Ты прочти, кому ее отдать?

— Об этом тут ничего не написано.

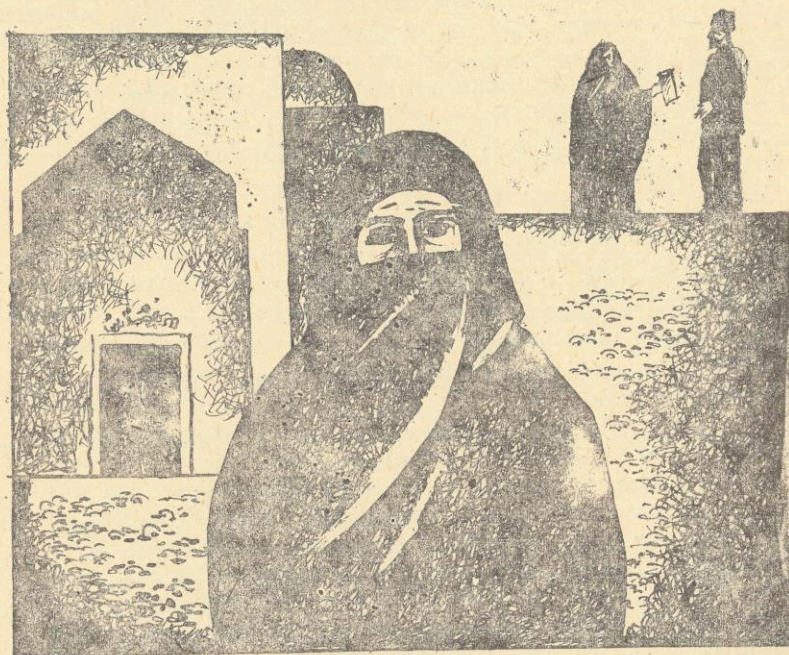
Руки старухи безнадежно опустились.

— Всемогущий аллах. Целую неделю бьюсь с этой бумаж-
кой и никак не могу добиться толку! — воскликнула она, и
лицо ее еще больше потемнело.

Зажав в ладони этот клочок бумаги без смысла и адреса,
старуха растерянно переспросила:

— Так что же мне делать?

Ее горе сильно тронуло меня. Я задумался, продолжая
молча глядеть на нее.

Сколько раз ей, наверно, приходилось повторять эти скорб-
ные слова: «Что же мне делать?»

Сколько раз этот робкий вопрос, не нашедший ответа,
больно ранил ее сердце!

— Что же мне делать?

Сколько раз добивалась она от тупых, бездушных людей ответа на свой мучительный вопрос.

Старуха все еще в нерешительности стояла передо мной, глядя на свою бумагу.

— Бабушка, милая, пойдем ко мне, и я напишу тебе все, что нужно.

Она согласилась и, когда мы дошли до моего дома, она вошла в комнату и села. Она исподлобья окинула всех, кто был в комнате, спросила кого как зовут, поплакалась моей матери о всех бедствиях, как тяжкий молот обрушивавшихся на нее всю жизнь.

Потом, глубоко вздохнув, сказала мне:

— Я буду говорить, а ты пиши. Сын мой служит на вокзале, — и старуха указала рукой куда-то вдаль. — Там есть школа, кажется, он учится там. Напиши, что у моего сына ни откуда нет ни помощи, ни поддержки. Он содержит меня, старуху, двух сестер и двух внучат. Клянусь твоей жизнью, вот уже три месяца, как он болен: его бросает то в жар, то в холод.

— Для чего ты подаешь это заявление, бабушка?

— Чтоб дали работу.

— Кем работает на вокзале твой сын?

— Не знаю.

— А в какой школе учится?

— И этого не знаю.

— А кому надо подать эту бумагу?

— Начальнику.

— Какому начальнику?

— Я неграмотная, это тебе лучше знать. Разве ты не знаешь начальника?

— Бабушка, начальников много. Мы должны знать, какому начальнику подать это прошение.

— Бабушка, — сказал я после долгого молчания. — Вернись-ка лучше и расспроси хорошенько сына, кому надо подать заявление, какую работу просит твой сын и у кого. Завтра приходи ко мне в это время, и я напишу тебе бумагу.

— Что ж, будь по-твоему, — сказала старушка, подняв голову. — Не пойму я только, что за проклятие над этой бумагой. Вот уже десять дней, как ее никак не напишут, чтобы я могла довести дело до конца, — и, указывая на измятый клочок бумаги, зажатый в руке, добавила:

— Целую неделю писал ее там один у нас, а ты говоришь — не годится.

— Кто писал?

— Откуда я знаю, какой-то парень, вроде тебя.

— Так ты, бабушка, пойдй, разузнай все и приходи завтра, тогда я напишу уже как надо.

— Не знаю, да продлятся твои дни. Ты говоришь, прийти завтра? Хорошо. Спасибо. До свидания.

Когда я на следующий день вернулся домой, старуха уже сидела, поджидая меня. Я принялся расспрашивать о ее житье-бытье и нечаянно затронул самое наболевшее в ее душе. Бедняжка вначале сильно взволновалась, а потом, увлекшись воспоминаниями, рассказывала о своей молодости, о вешних днях своей жизни, овеянных любовью и радостью.

Пошутили, посмеялись. Узнал и ее имя — Анабаджи. Наконец, заговорили о заявлении.

— Ну, что, бабушка, сумела ты разузнать у сына то, что было надо?

— Узнала, сынок, — ответила она уверенно. — Напиши начальнику, чтобы он выдал моему сыну бумагу.

— Какую бумагу?

— О том, что он беден, что содержит пять душ и что сейчас лежит больной, в жару.

— Бабушка, такую бумагу выдает не начальник.

— Нет, ты напиши, чтоб начальник дал...

— Какой начальник?

— Не знаю. Ты просто, напиши «начальник».

У меня опустились руки, я обменялся взглядом с матерью и искоса взглянул на Анабаджи, которая умиленно смотрела на меня. Все в комнате громко рассмеялись.

Мать моя сказала:

— Встань и вместе с Анабаджи пойдй к ним. Пусть ее сын объяснит и расскажет тебе.

— Да упокоит аллах душу твоего отца, так-то будет лучше, — обрадовалась она.

Мы вышли, я спросил:

— Где ты живешь, бабушка?

— Вот тут через улицу, — ответила она, указывая рукой куда-то вдаль. — Там мы и живем. Это совсем близко. Я каждый день прохожу здесь.

Мы шли довольно долго и, наконец, пройдя узкий тупик, добрались до дома Анабаджи.

Мы вошли в маленькую, полутемную комнату, все ее убранство состояло из пяти-шести ватных тюфячков. В углу стояла прятка Анабаджи. Прямо против двери лежал ее больной сын Атабаба. Его уже давно трепала лихорадка, и на бескровном, осунувшемся лице юноши резко обозначались

скулы. Глаза его тускло поблескивали из-под густых черных бровей. Не дав мне даже поздороваться с больным, старуха еще с порога закричала дрожащим голосом, как бы спеша оправдаться:

— Клянусь твоей жизнью, Атабаба, я передала ему все, как ты говорил. А этот парень твердит свое: так писать нельзя. Вот я и привела его. Теперь ты сам расскажи ему, пусть он и напишет.

Парень смущенно улыбнулся и указал мне на стул.

— Пожалуйста, присядьте. Вот уже десять дней она ходит с этой бумажкой и никак не может покончить с ней.

Наконец, выяснилось, что он хочет получить от домового комитета удостоверение о болезни и тяжелом материальном положении и вместе с просьбой о пособии подать по месту работы.

В этом-то и заключается вопрос, который Анабаджи не могла разъяснить мне.

Написав справку и заявление, я отдал их Атабабе. Анабаджи, горячо благодаря и осыпая благословениями, проводила меня до самых ворот. Я вложил в руку старухи немного денег, чтобы помочь ее больному сыну. Она ни за что не хотела брать. Почти насильно я вложил их в ее руку.

— Да не видеть тебе горя в жизни. Даст бог, и я в долгу не останусь.

Прошло четыре месяца. Анабаджи я не видел.

Но почему-то с каждым днем во мне росло желание встретиться с ней и поговорить. Шел ли я на занятия, возвращался ли домой, глаза мои непрестанно искали ее на улице.

И вот как-то раз, после обеда, дверь тихо отворилась, и в комнату вошла дряхлая, изможденная женщина.

— Анабаджи, — я бросился ей навстречу, поздоровался, усадил ее. Завязался разговор. Мы долго беседовали о самых различных вещах. Наконец, Анабаджи вынула из-под чадры пару шерстяных носков.

— Возьми, — протянула она мне подарок, — это я связала для тебя.

Я взял носки.

— Спасибо, бабушка, пришла зима, настали холода и ты не забыла меня.

Анабаджи мягко, но с достоинством заметила:

— Это пустяк, я сама связала.

Когда же я, спустя немного, желая помочь этой бедной дряхлой старушке, хотел дать ей немного денег, она подняла на меня глаза, полные упрека, и обиженно сказала:

— Это еще что? Я не продавать принесла их сюда. На то есть базар. Не возьму, клянусь твоей жизнью. Это я принес-

ла тебе в подарок. — И, сжав руки, она спрятала их под чадру.

Я был удивлен этой вспышкой гордости в несчастной разбитой женщине, не знавшей ничего, кроме нищеты.

Я еще раз взглянул на нее. Увидев величавое спокойствие на ее лице, я невольно задумался над тем, откуда у нее эта гордость, это чувство собственного достоинства? Но вот снова раздался низкий, чуть сипловатый голос Анабаджи.

— Мне хотелось, сынок, связать тебе теплую фуфайку, да будет помрачен лик бедности, ниток, шерсти у меня не хватило.

— С меня хватит и этого! — запротестовал я.

— Нет, сынок, нет! — промолвила она. И вдруг будто чья-то безжалостная рука сразу стерла с ее лица выражение просветленного спокойствия.

Эта женщина, поминутно менявшаяся в лице, напомнила мне образы старинных сказаний. Живая представительница полувековой истории — она, как мне казалось, всем своим видом говорила: «Хоть и бедна я, но сердце мое широко, хоть и дряхла я — дух мой высок».

— Скажи, — хотелось мне спросить Анабаджи, — скажи, как могло случиться, что такая ноша шестидесятилетней жизни, согнув твою спину, погасив блеск твоих глаз, не смогла сломить дух твой?

1923

МАСТЕР БАХТИЯР

Однажды жестокий падишах, довольный своей жизнью, сидел в окружении придворных и с гордостью выслушивал восхваления в свой адрес. Заметив безучастное отношение к этим разговорам старого визиря, у падишаха испортилось настроение.

— Визирь, найдется ли в мире человек счастливее меня? — спросил он, желая узнать, что тот думает.

Старый визирь, опасаясь открыто высказать свои мысли, поник головой. Увидев безмолвие визиря, придворные все хором заговорили с мест:

— О падишах, разве найдется в мире кто-то счастливее вас? У кого есть такое богатство, такая роскошь?

Молчание визиря разгневало падишаха.

— Визирь, почему ты не отвечаешь на мой вопрос? — сердито спросил он, нахмурив брови.

Склонив голову, визирь ответил:

— О мой падишах, я боюсь говорить правду. У меня иное мнение о счастье. Его нельзя измерить богатством и роскошью!

Эти слова еще более прогневали падишаха.

— Старик, или ты знаешь человека, счастливее меня?

Старый визирь, склонив голову, молвил:

— Милостивый владыка, будучи визирем такого счастливого падишаха как вы, я тоже счастлив. В нашем городе живет кузнец по имени Ахмед. Этот человек не знает ни горя, ни печали и живет так прекрасно и счастливо, что все зовут его «Бахтияр»*. Если спросить кузнеца Ахмеда, никто не будет знать кто это такой. В этом городе он известен как Уста** Бахтияр.

— В чем состоит его счастье? Куда кузнечное дело, куда счастье? — спросил падишах, усмехнувшись с иронией.

— О, мой падишах, я тоже не поверил, впервые услышав о нем. Отправился я в его кузницу, побывал у него дома и в конце концов убедился, что он очень счастлив.

— Так расскажи и нам, что ты видел.

— Долго рассказывать, это надо видеть самому!

Падишах совсем вышел из терпения, и тут же спустившись с трона, велел:

— Ну что ж, пойдем, покажи его мне, чтоб я увидел, чем лучше меня этот бедный кузнец, постукивающий с утра до ночи молотком.

Визирь поднялся, и оба облачившись в платье дервиша, пустились в путь. Добравшись до базара, визирь указал на кузницу Ахмеда, а сам вернулся обратно. Падишах же в платье дервиша пошел и встал перед кузницей усты Ахмеда; как раз в это время Ахмед о чем-то разговаривал с другими кузнецами. Кто-то из них спросил Ахмеда:

— Уста Бахтияр, мы такие же кузнецы, как и ты. Отчего это железо под твоим молотком тут же превращается в чудесное орудие? Открой нам свой секрет!

— Дело не в молотке, а в том, как им ударить.

— Ну что ж, мы тоже хотим научиться этому. Ты так точно ударяешь молотком по нужному месту, что ни на дюйм не ошибаешься. Почему же я не могу так ударить?

— В твоей душе столько мути, что...

Но другой кузнец прервал Усту Бахтияра:

— Это правда, когда я начинал кузнечное дело, мне было восемнадцать лет. Уста Бахтияр же был точно такой же зрелый мужчина. Вот уже двадцать пять лет, как я занимаюсь кузнечным делом. За эти годы я ни разу не увидел его озабоченным, печальным. Всегда он весел. Я старею, а он изо дня в день все молодеет. Открой же нам хоть этот секрет.

Искорки радости, слетая с лица Усты Бахтияра, с его привычных к улыбке губ, смешались с искорками, отлетающими от вылетающего железа из-под молотка. Он собирався что-то ответить, когда вдруг заметил стоявшего у дверей дервиша.

— Добрый день, господин дервиш, чем могу служить вам? — спросил он, отложив молоток в сторону.

Кто-то из кузнецов, покатываясь со смеху, сказал:

— Уже давно закатилось солнце, наступил вечер, мы собираемся закрыть свои кузницы и уйти домой, а он говорит «добрый день».

— Да он работает с таким азартом, хорошо еще, что не сказал «с добрым утром».

— Человек не знает усталости.

— Кто любит свое ремесло, тот не устанет! — ответил Уста Бахтияр с улыбкой. — Пожалуйста, господим дервиш, что прикажете?

Дервиш, устремив глаза в лицо Усты Бахтияра, попятился назад:

— У меня нет дела к тебе.

Вечером вся семья Бахтияра, усевшись за едой, оживленно беседовала. В это время постучали в дверь. Уста Бахтияр, открыв дверь, тут же узнал дервиша, которого встретил на базаре, и потянув его за руку, пригласил:

— Пожалуйста, господин дервиш, входите, добро пожаловать! — сказал он, и введя его в комнату, указав на место.

Уста Бахтияр увлекательно беседовал с гостем, стараясь занять его. Принесли чай.

— Ах, какая чудесная заварка, даже сам падишах в жизни не пил такого чая, — воскликнул Уста Бахтияр, подняв стакан и полюбовавшись на чай.

Вскоре принесли и поставили на скатерть пити*. Джейран разлила еду в посуду, поставила перед ними. Дервиш, заметив, что мяса маловато, спросил у хозяйки:

— Сколько тут фунтов мяса?

— На каждый день у нас уходит по полфунта мяса. Сегодня из-за гостя я добавила чашечку воды, — ответила Джейран с улыбкой.

* Бахтияр — счастливый.

** Уста — мастер.

* Пити — азербайджанское национальное мясное блюдо.

— Значит, господин дервиш ест свой пай, без всякого одолжения, — сказал Уста Бахтияр с довольным видом.

После этого он с большим аппетитом начал есть. Еда показалась ему настолько вкусной, что не удержавшись, он сказал:

— Господин дервиш, ешь с аппетитом, такое блюдо не ел даже сам падишах.

— Видно, что ты очень доволен своей жизнью. Все, что ставится на скатерть, радует тебя.

— Да, радует, потому что это приготовлено руками нашей Джейран.

— Значит, ты очень любишь Джейран? Хорошо еще не сказал, что такой женщины нет и во дворце падишаха!

— Во дворце есть много девушек, красивее Джейран, но только господин дервиш, не забывай, что в шахском дворце не найти той искренности и привязанности, рожденной свободной любовью, те совсем другое...

Наступило утро. После завтрака Уста Бахтияр попросился и ушел. Во дворе на верхушке тутового дерева соловей приветствовал Усту Бахтияра своим утренним пением, с радостными переливами перелетая с ветки на ветку. Направляясь большими шагами под радостное пение старого друга, Бахтияр добрался до кузнечного базара, открыл кузницу, разжег огонь и, бросив туда кусок железа, стал раздувать мехами. Когда кусок железа раскалился как уголь он, взяв его щипцами, положил на подставку, собираясь ударить молотком. Вдруг глашатай падишаха громко крикнул:

— По приказу падишаха, все кузницы должны быть закрыты. Кузнечное дело запрещается! Кузнечное дело запрещается!..

При этих словах руки Усты Бахтияра бессильно опустились. В его душу, никогда не знавшую ни горя, ни печали, одустила какая-то тяжесть. Когда кто-то из палачей падишаха, закрывавших кузницы, добрался и до кузницы Усты Бахтияра, он закричал резким и надменным голосом:

— Скорее закрывай кузницу!

Уста Бахтияр ничего не ответил. Отбросив в угол кусок железа, он потушил огонь, закрыл кузницу и ушел.

Через два дня падишах, желая узнать состояние Усты Бахтияра, снова облачился в платье дервиша и вышел из дворца. Ступая по улицам города, он неожиданно оказался перед строящимся зданием. Падишах заметил, что кто-то из каменщиков работает с большим азартом. Толпа людей стояла и смотрела на его работу. Каменщик же, стоя на поверхности стены второго этажа, подхватывал на лету подброшен-

ные снизу кирпичи и проворно клал стену. Он так молниеносно работал, что невозможно было разглядеть его руки. Кто-то из зрителей сказал:

— Молодец, вот это уста, невозможно разглядеть его руки. Недаром его зовут мастером своего дела. Нет в мире такого ремесла, которое было бы ему не под силу.

Дервиш, усмехнувшись про себя, сказал:

— Этот тип перешел от кузнечного дела к ремеслу каменщика.

Наступил вечер, были зажжены свечи. Дервиш, желая узнать настроение Усты Бахтияра, подошел к его двери. Из комнаты доносились звуки саза. Кто-то так искусно играл на сазе, что дервиш с удовольствием заслушался. Когда игра прекратилась, со всех сторон донеслись:

— Спасибо, отец, спасибо, отец, браво!

В это время послышался голос Джейран:

— Ахмед, когда ты берешь в руки саз, я вспоминаю нашу молодость.

— Эх, жена мы и теперь вовсе не старые, мы всегда молоды как весна, — ответил Уста Бахтияр беззаботным и веселым голосом.

На следующий день Усту Бахтияра привели к падишаху... Стоя у трона, Уста Бахтияр склонил голову перед падишахом. Падишах спросил:

— Как тебя зовут?

— Дай бог здоровья падишаху, мое имя Ахмед.

— А почему зовут тебя Уста Бахтияром?

— Этим именем назвал меня народ.

— Очень хорошо, Уста Бахтияр. Слышал я, что ты очень способный человек; и поэтому назначаю тебя своим палачом.

При этих словах визирь тихо прошептал: «Да этот человек действительно счастливый. Избавился от молотка, гречи и камня. И хотя тут нет зарплаты, он наработит у бедняков в день по десять-пятнадцать гранов,* этих денег хватит и его семье, и ему одному».

От слов визиря у Усты Бахтияра глаза на лоб полезли. Согнувшись в три погибели, он решил отвергнуть предложение падишаха:

— О милостивый государь, емилуйся надо мной, не назначай меня палачом.

Визирь, склонив голову, молвил:

— Мой падишах, ты сделал хороший выбор, должность палача как раз для него.

* Гран — вранская серебряная монета.

Долго еще молил Уста Бахтияр, приводил тысячу доводов, но все было бесполезно. Падишах упорно стоял на своем, не изменяя своему слову. Вызвали палача. Тот вошел, склонив голову. Падишах велел тому снять платье и передать Усте Бахтияру. Палач волей-неволей, дрожа от страха, стал снимать верхнюю душегрейку, вытащив кинжал, снял с головы и положил на пол папаху, при этом подумав про себя: «И какой же это мерзкий человек, по дороге я не спросил у него взять гранов, отказал, не дал, да вдобавок еще отнял у меня должность палача».

— Возьми, надень эту душегрейку, пристегни кинжал за поясе, а папаху нахлобучь на голову, — велел падишах Усте Бахтияру.

Уста Бахтияр стал отказываться. Тогда падишах крикнул палачу:

— Эй, холоп, отсеки голову этому негодяю.

При этих словах палач, подобно ловчей птице, набросился на Бахтияра. Когда взмахнув кинжалом, он собрался уже нанести удар, Уста Бахтияр, оттолкнул его:

— О падишах, пожалей меня и моих детей, я жить хочу.

— Кому хочется жить, тот не выходит из повиновения падишаху, подчиняется моему приказу!

В конце концов Уста Бахтияр вынужден был принять должность палача.

Наступил вечер. На обратном пути домой у Усты Бахтияра не оказалось денег для покупки продуктов на завтра. Ему не хотелось возвращаться домой с пустыми руками. После долгих размышлений он вынул клинок кинжала и продал его, купив продукты на завтра. Когда он вошел в дом, все были немало изумлены его одеждой палача.

— Что это за одежда?

Уста Бахтияр рассказал им все, как было.

— У меня не оказалось денег для покупки продуктов. Тогда я вытащил клинок кинжала и продал, — сказал он, закончив свой рассказ. После этой истории все в доме были погружены в бездну горя.

Падишах, желая узнать историю до конца, вновь облачился в платье дервиша, и вместе с визирем подошел к дверям Усты Бахтияра. Вместо обычного веселья и оживленности в доме дарили безмолвие и уныние.

— Дай бог здоровья падишаху, ты смог отнять у него счастье, — тихо усмехнувшись, прошептал визирь.

Наступило утро. Уста Бахтияр, одевшись в платье палача, отправился во дворец. Он стоял за дверями и ждал крика падишаха. Через час падишах воссел на трон. Визирь,

векля и придворная знать окружили его, чинно стоя в рабочей готовности.

— Эй, палач! — крикнул падишах.

Уста Бахтияр быстро открыл дверь и вошел. Бросив на него беглый взгляд, падишах приказал:

— Приведи сюда прежнего палача!

Уста Бахтияр привел прежнего палача, который все еще не хотел уходить из дворца. Оба они, взявшись за руки, встали перед падишахом. Прежний палач подумал, что падишах собирается вернуть ему должность палача, и поэтому лицо его сияло радостью. Но падишах неожиданно приказал Бахтияру:

— Палач, отсеки голову этому негодяю!

При этих словах у Усты Бахтияра потемнело в глазах, и он стоял, не зная, как ему быть. Прежний палач прижав к ногам падишаха, стал рыдать и молить о пощаде.

— Холоп, тебе говорят, отсеки ему голову! — крикнул падишах, разгневавшись на Усту Бахтияра.

Уста Бахтияр, который никогда в жизни не убивал человека, не обгалял руки безвинно пролитой кровью, не знал, как ему быть. Он знал, что если еще чуть-чуть прогневит падишаха, ему самому отсекут голову. А клинок кинжала не было. И только острый ум помог ему выйти из положения:

— Да здравствует падишах, у моего кинжала такое свойство: когда человек, которому отсекают голову, не виноват, то клинок пропадает. Вот теперь посмотрим, каким был прежний палач.

С этими словами Бахтияр вытащил кинжал, держа за рукоятку. Рукоятка оказалась без клинка.

— Вот видите, о милостивый государь, видимо, этот человек невиновен, — радостно воскликнул Бахтияр.

По приказу падишаха Бахтияру принесли новый кинжал. Таким образом падишах хотел предупредить хитрость Бахтияра. Но как падишах ни пытался, Бахтияр так и не принял кинжала, отказавшись отсекал голову палачу. Потеряв терпение, в конце концов падишах велел запереть его в конюшню, оставляя голодным. Через три дня, вызвав его к себе, падишах спросил:

— Ну как? Принимаешь должность палача или нет?

— Нет, я хочу заниматься своим ремеслом, — ответил Бахтияр.

Падишах велел снова запереть его в конюшню. Через каждые три дня он вызывал к себе Бахтияра и спрашивал. Ответ Бахтияра был один и тот же.

Поведение Бахтияра все более подтверждало слова визира, сказанные им падишаху еще в первый день. Он действи-

тельно считал себя счастливым человеком. И теперь никакая сила не смогла бы заставить его отказаться от желания вернуться к прежней жизни. Но для визиря этот секрет все еще оставался неразгаданным. Вот почему, он обратился к падишаху со словами:

— О милостивый государь, для этого человека стучать молотком, стоя в поте лица перед пылающим огнем, превыше должности палача. Тут, наверное, таится какой-то глубокий смысл, есть какая-то тайна.

Падишах велел снова привести кузнеца. Он стоял, как обычно, опустив голову.

— Эй, ты, скажи, будешь палачом или нет? — спросил падишах.

Уста Бахтияр двинулся к выходу, не отвечая на вопрос.

— Хлоп, куда ты? — спросил падишах.

Кузнец ответил:

— Да здравствует падишах, снова в конюшню.

Такое поведение кузнеца еще более разгневало падишаха. Подавив свой гнев, он спросил:

— Хлоп, почему же ты не хочешь отказаться от кузнечного дела? Тут наверное есть какая-то тайна. Ты должен раскрыть мне этот секрет.

Призадумавшись кузнец ответил:

— О милостивый государь, тут нет ничего непонятного. Я открою тайну, но при одном условии.

— Какое условие?

— Я скажу, если вы освободите меня и согласитесь, чтоб я работал по своему ремеслу.

Падишах обещал. Уста Бахтияр начал так:

— Мой отец был бедным человеком. Он таскал грязь и на заработанные гроши содержал семью. Кроме меня у отца были еще два сына и одна дочь. А мать сажала чурки в тендер в домах богатей, стирала им белье. Так как семья была большая, мы с трудом сводили концы с концами. Старшим у отца был я. Когда мне исполнилось пятнадцать лет, отец сказал: «Сынок, видишь, я обременен заботами, ты взрослый мальчик, пойдй хоть поработай, зарабатывай и ты, может, как-нибудь проживем». С детства я не любил работать. Я стал отказываться, отец рассердился. Тогда он силой потащил меня и пристроил учеником у плотника за три медные копейки в месяц. Трудиться для меня было хуже всякого наказания. И вот, когда уста сказал: «Встань, принеси те доски», у меня потемнело в глазах. «Уста, у меня болят руки, я не могу нести их», — ответил я. Рассердившись на меня, уста сказал: «Мальчик, а получать в месяц даром три копейки хочешь? Уходи, мне не нужен ленивый ученик». Я вернулся

домой радостный. Мать стирала во дворе белье. Увидев меня, она спросила: «Ай Ахмед, почему вернулся?» Я усеялся на землю и накупившись, сказал: «Уста сказал: уходи, мне не нужен ученик». Мать, качая головой, молвила: «Лучше иметь следующую дочь, чем такого ленивого сына». В тот день и отец долго ругал меня. Утром он силой потащил меня и пристроил учеником каменщика. Каменщик каждую минуту повелевал мне: «Мальчик, не стой, принеси воду, приготовь глину!» Эта работа показалась мне очень тяжелой. Хлопая глазами, я ответил: «Уста, я не умею готовить глину». Посмотрев на меня строго, он сказал: «Мальчик, если ты это не умеешь, то как ты можешь даром есть и спать?! Уходи, мне не нужен ленивый ученик!» Мне стало легко на душе. Словно вырвавшись из пасти смерти, я радостно вернулся домой. И сколько ни били, ни ругали, ни упрекали меня отец и мать, я так и не полюбил труд. Ровно два года к какому бы ремеслу не пристраивал меня бедный отец, я убегал под любым предлогом. Рядом с нами по соседству жил кузнец. У него была дочь по имени Джейран. Она была на три-четыре года младше меня. Каждый день мы игрались с ней во дворе. Видя, как я ленив, она каждый божий день ругала меня. Иногда Джейран говорила: «Хороший ты мальчик, жаль только, что ленивый. Ленивый человек не может стать счастливым, мне жалко тебя». В конце концов я безумно влюбился в эту девушку. Однажды, пользуясь удобным случаем, я открыл ей свое сердце. «Джейран, выйдешь за меня замуж?» — спросил я. Засмеявшись на мои слова, девушка ответила: «Какая девушка выйдет замуж за такого ленивого, бездельника, не имеющего своего ремесла?» Меня словно киятком оббили. Ее слова сильно заделали меня. Придя в себя, я снова спросил: «Джейран, а если я научусь какому-нибудь ремеслу, тогда как?» Она смеясь ответила: «Если бросишь лень, обучишься хорошему ремеслу, я выйду за тебя». От радости я не находил себе места! Придя к отцу, я сказал: «Отец я хочу быть кузнецом, пристрой меня к соседу, дядюшке Гасану уланю». Лица отца и матери просияли радостью. Отец сказал: «Очень хорошо, сынок, лишь бы ты работал!» Наутро отец повел меня в кузницу соседа, дядюшки Гасана, и устроил учеником. Что ни приказывал Уста Гасан, я тут же с готовностью исполнял. Я старался вникать во все, учиться работе мастера. За пять-шесть месяцев я так хорошо научился кузнечному делу, что уста поручал мне самую трудную работу. И я с радостью трудился, стараясь сделать лучше своего мастера. Однажды дядюшка Гасан, взглянув на сделанный мной плуг, сказал: «Молодец, Ахмед! Ты будешь прекрасным мастером! Ты можешь ударить молотком в нужную точку и

работает проворнее меня». По мере того, как я трудился, страсть и увлеченность своим ремеслом настолько захватили меня, что я не знал об усталости. Благодаря этому я добился славы в кузнечном деле. Сделанные мной плуги, лопаты, топоры, грабли покупали наши крестьяне. Любая вещь, вышедшая из-под моего молотка, доставляла мне радость. Я обещал стать хорошим мастером, чтобы жениться на Джейран. Любовь к своему ремеслу и к Джейран сделала меня счастливым человеком. Одним словом, женившись на Джейран, я создал хорошую семью. Я нахожу счастье в двух вещах: в своем ремесле и любви.

Бахтияр закончил свой рассказ следующими словами:

— Падишах, не разлучай меня с этими двумя возлюбленными, без них мне нет жизни!

1947

ГНЕВ ДЖУМЫ

Вот уже несколько лет как из-за засухи у племени айрымов погибали посевы. Засуха была такая губельная, что уже к середине весны желтели и засыхали травы, увядали цветы, с деревьев опадали листья; доли и горы, степи и дуга выглядели унылыми и голыми как осенью. Не было ни травы, ни соломы, чтобы накормить скот. Несчастные животные гибли от голода. Постепенно нищета и несчастье опускались над селением...

Однажды аксакалы селения собрались и стали держать совет: «Почему аллах разгневался на нас и не поливает с небя дождь?»

Кто-то из мудрых аксакалов-айрымов сказал:

— Пока Джума был в селении, наши дела шли как по маслу, и аллах не лишал нас дождя. Как только мы забыли Джуму и он обидевшись, покинул селение, с тех пор аллах отказал нам в дожде и благословении. Во что бы то ни стало надо найти и привести Джуму в селение, чтобы аллах послал нам дождь и изобилие. Потому что Джума — еженедельный праздник мусульман!

Все одобрили совет старца и, разделившись на две большие группы, пустились на поиски Джумы.

Одна группа в поисках Джумы подошла к ущелью, заросшему густым лесом. Кто-то из айрымов, заметив свисающее над ущельем высохшее с корнем огромное дерево, обратился к товарищам:

— Ау, эге-ей...

Товарищи откликнулись:

— Эге-ей...

— Эгей... видите это сухое дерево? Прекрасные получатся дрова. Давайте поломаем его и потащим в селение.

Но сломать дерево им было не под силу. Дерево было высокое, с толстым стволом. Тогда кто-то предложил:

— Я найдет способ. Я залезу на дерево, крепко ухватюсь за его верхушку и буду висеть над ущельем. А вы цепляйтесь за мои ноги и так все друг за друга. Таким образом, напирая всей силой, мы с корнем вырвем дерево.

Предложение всем понравилось и они решили так и сделать. Тот, кто давал совет, сам полез на дерево, свисая над ущельем, а вслед за ним, держась за ноги друга друга, свесились и все остальные. Но сколько они ни силились, так и не смогли сломать дерево. Тот, кто давал совет, крикнул товарищам:

— Эй, эгей...

Товарищи в ответ:

— Эгей... Эгей...

— Вы держитесь друг за друга. А я вот только поплюю в ладони.

С этими словами он отпустил руку и в тот же миг все полетели в ущелье, разбившись насмерть.

Вторая группа в поисках Джумы подошла к пещере у подножия скалы. Пещера была логовом льва. Стоя у входа, они заглянули внутрь и увидев там горевшие как факелы два льющих глаза, громко закричали: «Нашли, нашли! Вот где спрятался Джума!» Но они не знали, каким образом вытащить Джуму из пещеры. Кто-то из мудрых аксакалов предложил:

— Я войду в пещеру и буду умолять Джуму. Если по доброй воле согласится, тогда все!.. А если не выйдет по-доброму, тогда я буду тянуть с силой и затоплю ногами, и вы тоже помогите мне, потяните меня за ноги, чтобы как-то вытащить Джуму и увести в селение.

С этими словами он вошел в пещеру. Лев тут же вытянул лапу и подобно ласточке сорвал и сбросил голову мужчины. Ноги мужчины пришли в движение. В это время айрымы закричали: «Тяните, тяните! Он поймал Джуму», — и стали тя-

нуть его за ноги. Увидев мужчину без головы, кто-то спросил:

— А куда делась его голова?

Другой ответил:

— Видимо, у него с самого начала не было головы!

Третий подивердил:

— Нет, не было!

Таким образом, они стали препираться и драться. Наконец нашелся среди них человек чуть поумнее и сказал:

— Дорогие, почему вы деретесь? Пойдем спросим это в селении у его жены. Как бы ни было, она будет знать. Что она скажет, на то мы и согласимся.

Все отправились в селение к его жене.

Рассказав о случившемся, они спросили:

— Скажи теперь, есть ли голова у твоего мужа, или нет?

Чуть подумав, жена ответила:

— Я не знаю, была ли у него голова, но вот то, что борода у него шевелилась, это помню.

До сих пор еще айрымы не могут найти Джуму. Вот почему каждый четверг по ночам поднимается сильный ураган. Собравшись вместе, айрымы плачут, со страхом умоляют: «О аллах, пощади нас, снова Джума разгневался на нас!» Не буря еще более усиливается, ломает деревья, сносит крыши, уничтожает скот, принося с собой голод и несчастье.

1911

МАЛЕНЬКИЙ ГЕРОЙ

Отец Азая ушел на фронт еще в первый год Великой Отечественной войны. А мать устроилась работать на железной дороге. Азай сильно тосковал по отцу, и каждый раз, вспоминая о нем, он проклинал фашистов.

Однажды Азай проснулся в тревоге. Он был очень расстроен. Мать, видя сына в таком состоянии, забеспокоилась.

— Сынок, что ты такой грустный, что-то случилось?

— Ничего!

— Как это ничего, лицо бледное, в глазах печаль. Или ты тоскуешь по отцу?

Азай сидел тихо, поникнув головой. Затем, не поднимая головы он спросил:

— Мама, ты помнишь тот день, когда отца отправили на фронт в военной форме?

— Помню, сынок, тот день был и радостным, и печальным. А военная форма прекрасно шла ему. Когда поезд тронулся, он с улыбкой обнял тебя. «Мой храбрый сын, будь достойным, — сказал он, — не думай об отце, если заскучаешь по мне, служи матери-родине, она для меня дороже всего — и отца, и матери». Азай не дал договорить матери:

— Помню... я обнял его за шею и плакал навзрыд. Когда он обнял меня и стал целовать, его мокрые ресницы омочили мое лицо. Поезд вот-вот уже трогался. Он с трудом успокоил меня и кинулся в вагон. Поезд, засвистев, стал двигаться. Он смотрел на нас из окна, а я на него... Ты помнишь все это?

— Помню, сынок!..

— Этой ночью я все это видел во сне. Проснулся я от своего плача в тот момент, когда поезд тронулся и, взглянув на тебя, разрыдался.

— Это, сынок, к добру, плакать — значит радоваться. Дает бог, война кончится с победой, и отец вернется жив и здоров.

Грусть и тоска с самой ночи переполнявшие душу Азая, как будто немного развеялись...

Был прохладный, облачный день. Азай шел по зеленому лугу, протянувшемуся вдоль железной дороги к северу и собирал цветы. Собрав букет из разноцветных цветов, он лег отдыхать у насыпи.

Устремив глаза на железную дорогу, Азай о чем-то размышлял. Его отец ушел на фронт по этому пути и вернется этой же дорогой. Эти дороги уже унесли на фронт столько отцов таких же, как Азай парнишек; в один прекрасный день эти дороги вернут этих самых отцов в их семьи, к их детям. В это время взгляд Азая уловил какую-то тень. Внимательно приглядевшись, он увидел, что какой-то незнакомец, приближившись к железной дороге, стал подозрительно озираться по сторонам. Потом, торопливо разгребая землю под рельсами, он что-то сунул туда и также со страхом озираясь, торопливо отошел в сторону.

Залодозрив что-то неладное в действиях незнакомца, Азай тут же вскочил с места и преградил тому дорогу. Имя виде Азая незнакомец хотел свернуть с пути и поскорее отдалиться. Но Азай не дал ему возможности:

— Эй, кто ты?

Незнакомец востарался улыбнуться:

— Что ты делаешь? Я такой же гражданин, как и ты! Лучше скажи, кто ты такой?

Азай не ответил, бросил на него подозрительный взгляд. Незнакомец попытался перевести разговор на другое.

— Твой отец тоже на фронте?

— А где ему еще быть? И я найду, если пошлют.

Пользуясь случаем, мужчина сказал:

— Эх... х... чего добились отцы, чтобы такие вот сосунки, как ты, что-то смогли сделать.

Азай сердито посмотрел на него. Но незнакомец, не обращая на это внимания, продолжал:

— Бедняжка, да есть ли у тебя родина?.. Не сегодня-завтра немцы захватят и ее, и ты останешься без родины...

У Азая глаза полезли на лоб. Он тут же вспомнил слова отца: «Не думай об отце, если заскучаешь по мне, служи матери-родине! Она для меня дороже всего — и отца и матери». При воспоминании этих слов у мальчика ком подступил к горлу, глаза наполнились слезами, и не сдержавшись, он набросился на незнакомца, который всячески пытался улизнуть, и схватил его обеими руками за шею:

— Ах, предатель, это у меня что ли нет родины... Как? У меня нет родины?!

С трудом высвободив шею из рук Азая, незнакомец отступил в сторону:

— Вот чертенок, сейчас я отправлю тебя к отцу. — оказал он, вытащив из кармана финский нож. Тот уже приготовился напасть, когда Азай, подобрав с земли большой булыжник, швырнул его по финскому ножу. Рука незнакомца сильно поранилась и нож выпал. Азай быстро схватил нож и выпрямился:

— Теперь твоя жизнь в моих руках, предатель, изможняк, это у меня нет родины?

В это время мимо проходили двое военных; услышав шум, они подошли к ним:

— Почему деретесь?

— Этот человек говорит, что у меня нет родины? Что не сегодня-завтра немцы захватят и эти места и я останусь без родины.

— Он врет! — сказал незнакомец, не сумев более ничего добавить к этому.

— Я не вру, вот смотрите, этим финским ножом он хотел убить меня. Я ударил камнем, и, поранив его руку, сбил нож. Предатель, это у меня что ли нет родины? Когда отец уходил, он мне поручил беречь родину.

Двое военных с самого начала заподозрили неладное в поведении и разговоре этого странного незнакомца. И поэтому они предупредили его, что забирают с собой. Между делом, они также ознакомились про Азая:

— Я сын железнодорожного сторожа Гюльханум. Зовут меня Азай, — с гордостью ответил мальчик. Двое военных увели с собой подозрительного гостя. Азай тоже пошел к ма-

тери, ступая по обочине железной дороги. До сторожевой будки матери оставалось шагов сто, когда издали показался поезд. Мать уже стояла, держа в руке маленький синий флажок. Азай только сейчас, словно очнувшись, вспомнил, как незнакомец сунул какой-то сверток под железнодорожные рельсы. Он бегом подоспел к матери. Поезд уже приближался. Выхватив из кармана матери красный флажок, он замахал им, громко крикнув:

— Мама, в пути опасность, в пути опасность... Потом расскажу тебе.

Приближаясь к будке, поезд замедлил ход. Из вагонов выслали несколько офицеров. Вместе с начальником поезда они подошли к Гюльханум, и стали спрашивать о причине сигнала тревоги. Тогда Азай рассказал им о том, как незнакомец сунул под рельсы какую-то вещь, а также все, что случилось между ними. Взяв с собой Азая, офицеры поспешили к тому месту, где и в самом деле под рельсами был динамит. Если бы Азай не сообщил об этом вовремя, погибли бы все солдаты и офицеры, которые отправлялись этим поездом на фронт.

Офицеры были очень довольны поведением Азая, они обнимали и целовали его, подбрасывали вверх, называя его героем тысяч воинов. Кто-то из офицеров сказал:

— Спасибо тебе, маленький гражданин, ты спас нас от большой опасности. За это мужество ты достоин большого вознаграждения.

— Я выполнил свой гражданский долг. Я прошу у вас лишь одно. Покорее прогоните врага из нашей родины и вместе с отцом вернитесь домой с победой, — ответил Азай.

Патриотизм маленького Азая поднял у всех дух.

Поезд тронулся. Протянутые из окон руки приветствовали Азая. И эти руки, и сияющие улыбками лица, словно говорили Азаю:

— Маленький герой, не грусти, у таких сыновей, как ты, отцы не могут быть побежденными. Пройдет немного времени, и ты встретишься с любимым отцом.

Лучшие, самые счастливые часы моей жизни в Тифлисе я проводил в Гянджинском саду.

Войдя в огромные чугунные ворота этого удаленного от шумной сутолоки сада, я забывал обо всем на свете, и предомной вставал совсем иной мир. Сад раскинулся на склоне горы и был обнесен со всех сторон высокими, толстыми стенами.

Ежедневно по тропинкам я спускался вниз, к долине, и там, садясь на большой камень, часами предавался своим мыслям.

Был туманный осенний день. По своему обыкновению, погуляв в саду, я не спеша повернулся домой. Внезапно раздавшийся позади голос заставил меня обернуться.

Шегольски одетый молодой человек жестом попросил меня остановиться. Я остановился. Он подошел, мы поздоровались. Я встретился с ним в прошлом году, в Баку, в доме одного моего приятеля. Когда мой друг представил меня ему, Кули-бек, поднявшись и пожав мне руку, сказал:

— Счастлив познакомиться. Постараюсь чаще встречаться с вами, надеюсь, вы поделитесь со мной своим житейским опытом.

Я смущенно поблагодарил молодого человека за внимание и заверил его, что сам готов поучиться у него.

Ободренный моими словами он подвинул свой стул ближе ко мне, окинул презрительным взглядом поставленные перед нами две чашки чая и конфеты в высоких вазах, отодвинул их в сторону и сказал повелительным тоном хозяину:

— Что это? Мужчин сладостями не проведешь. Поставь водки и чего-нибудь перекусить.

— Мой друг не любит водку.

— Ты принеси, а уж я заставлю его выпить.

Я запротестовал. Как мы ни возражали, Кули-бек продолжал настаивать на своем. Друг мой встал и пошел за покупками.

Кули-бек повернулся ко мне, и, деланно улыбнувшись, заговорил:

— Я нахожу, что человек должен стараться проводить жизнь возможно приятнее, чтоб один день проходил лучше другого. Вот почему мне очень по душе жизнь европейских богачей. Они отлично знают, как надо жить. Жизнь коротка, проводи ее без печали и горя.

Довольный своими словами, Кули-бек поднялся и, отступив на пару шагов, окинул себя взглядом с ног до головы.

— Взгляните, все шито по последней моде. И притом, по лондонским журналам. Терпеть не могу нашу одежду. Сказать не правде, меня раздражает один вид людей в мохнатых папахах, от которых так и разит деревней.

Я пытался возразить Кули-беку, но мои слова несколько не подействовали на него. Он продолжал в том же духе, все больше и больше облачая свою внутреннюю пустоту.

— Нет, вы слишком поверхностно смотрите на жизнь. Я в с отцом своим поддерживаю отношения только благодаря тому, что у него есть кое-что, иначе бы и близко не подпустил его к себе. Я даже, когда на улице встречаюсь с ним, не кланяюсь, мне стыдно. Наденет папаху и никакая сила не заставит его снять.

— Но ведь папаха — принадлежность нашей национальной одежды.

— Хотя вы и писатель, но рассуждаете совершенно так же, как мой отец. Если бы папаха была хороша, то европейская интеллигенция носила бы ее. Эти остроконечные мохнатые папахи и сборчатые чухи* неинтересны мне. Я жду, когда умрет отец. Как только он умрет, заберу все, что у него есть, и уеду прямо в Париж, в этот город красоток, балов и кутежей. Может, и вовсе не вернусь назад. Вот это родина — я понимаю.

Мой новый знакомый принялся нести всякий вздор. Не считая нужным вступать с ним в спор, я промолчал. Тяготясь новым знакомством, я с нетерпением ожидал прихода моего друга. Вскоре с бутылкой водки и несколькими свертками вернулся хозяин дома. Я поднялся и поспешил откланяться, смылаясь на неотложные дела. Никакие уговоры и просьбы не могли заставить меня остаться. При выходе я услышал упрек Кули-бека:

— Всего бутылочка? Или ты решил пойти верблюда черпаком?

Поэтому моя сегодняшняя встреча с Кули-беком не могла меня обрадовать. Он подошел ко мне и с выражением радости на лице пожал мне руку.

— Какая счастливая случайность! Мне очень хотелось видеть вас... Хорошо, что вы ходите медленно и мне удалось догнать вас. Если б я шел впереди...

* Чухи — верхняя длинноногая мужская одежда.

— Я бы не смог догнать вас, вы ходите быстро, — закончил я.

— Иначе нельзя, мы живем в век прогресса. Как говорится, вся деревня поднялась, выехала, а мы остались. Такими шагами нам не догнать ушедших вперед.

Еще не договорив, он вынул руки из карманов своего короткого пальто и, помахав несколько раз шляпой перед проходившей мимо богатой одетой дамой, сказал по-русски: «Здравствуйте, мадам, далеко собрались?» В ответ женщина улыбнулась. А он самодовольно спросил:

— Знаете вы эту даму?

— Нет, не знаю.

— Это супруга Аскер-бека. В Баку нет никого, кто бы не знал ее. Как могло случиться, что вам не удалось до сих пор познакомиться с ней?

— Такая уж у меня судьба. Не все такие счастливыцы, как вы, — сказал я.

— Совершенно верно, — засмеялся Кули-бек. Он вынул сигару из серебряного портсигара, украшенного золотой монограммой, закурил, предложив и мне. Зажав сигару в зубах и выпустив два-три колечка дыма, он продолжал:

— С этой дамой я познакомился в Баку. Вместе с Сафубеком я пошел к ним встречать Новый год. Кроме нас все уже были в сборе. Какая у них прекрасная квартира, какой порядок! Больше всего мне понравилась младшая сестра хозяйки Шура. В комнате смежной с залой, она убирала новогоднюю елку для детей. Мы с нетерпением ожидали приближения полуночи. Наконец наступила долгожданная минута и, как только прозвенели бокалы, боковая дверь распалась. И дети в один голос крикнули: «Ура!». Не успела Шура-ханум сказать «Господа, разрешите нам тоже принять участие в празднике», как все воскликнули: «Да, да, Шураханум, кросим от всей души». Гости, сидевшие за столиками, расставленными в разных концах зала поднялись и пошли посмотреть на нарядную детскую елку, или, вернее, полюбоваться искусством Шуры-ханум. Ах... если бы вы только знали, что это была за очаровательная девушка! Ее походка, ее движения были полны необычайной грации и изящества. Она играла в тот вечер на фортепиано, пела романсы. Началась танцы. До самой зари мы ели, пили, танцевали.

Разговаривая, мы дошли до какой-то калитки. По небу тянулись тяжелые тучи, я вздрогнул и спросил:

— Кули-бек, куда мы идем? Ведь это дорога на кладбище.

Кули-бек, бросив на меня беглый взгляд, засмеялся.

— Да, извините, сам того не замечая, я привел вас сюда. Я заказал надгробную плиту на могилу отца. Пойду посмотрю, готова ли она?

Опустив голову и помолчав немного, Кули-бек продолжал:

— Подумайте, эти старики — просто несчастье. Чтобы прожить с ними, исполнять все их капризы, подчиняться их прихотям, надо иметь железные нервы. Чего только мне не пришлось натерпеться! Широкий мир стал мне тесен, свет показался тьмой. Не было дня, чтобы мы не ссорились. Каждое его слово, каждый поступок были противны мне, он вмешивался во все мои дела. Он осуждал каждый мой шаг. Его постоянные «Так не делай, так не говори», ядовитые и резкие замечания выводили меня из себя. Всякий раз, когда я шел по улице с друзьями или интересными дамами и встречал отца, меня всего передергивало.

Несчастный старик очень болезненно переживал мое отношение к нему. Он всегда ворчал:

— Я трудился, потратил уйму денег, вырастил тебя, дал образование, а теперь ты пренебрегаешь мной? Неблагодарный...

Я не обращал на все это никакого внимания. Мне надое-
ло слушать его. Наша борьба продолжалась долго, наконец,
я вышел из нее победителем — похоронил отца вместе с его
отсталыми взглядами.

Кули-бек умолк, довольный сказанным.

— Тогда поспешите поставить над ним надгробный камень,
— сказал я.

— Вот потому-то я и спешу, — отозвался он. — Взгляни-
те на стену в южной стороне сада. В прежние времена с этой
стены бросали изменников и предателей. А тут, — сказал Ку-
ли-бек, указывая на узелок в руке, — тут грибы, которые я
собрал у этих стен. Посмотрите, какие красивые.

Он настоял на том, чтобы я взял несколько грибов, вло-
жил их в мою руку и пошел на кладбище.

Выйдя из сада, я по узкой тропинке зашагал к дому и по-
дошел к стене, у которой росли грибы. Я разжал руку, и, беря
грибы двумя пальцами, рассматривал их. Когда я разломал
один из них, высунулся маленький черный червячок и момен-
тально спрятался внутрь гриба. Я еще раз взглянул на эти
червивые грибы и изо всей силы бросил их в глубокую яму
— древнюю могилу предателей и изменников. Потом, не обо-
рачиваясь, продолжил свой путь.

Пронзительный осенний ветер крепчал с каждой минутой,
он гнул высокие, стройные молодые деревья и обрывал тихо
шелестевшую листву. Над городом нависал грозный мрак.
Опавшие листья хрустели под моими ногами.

Я заспешил домой. Надвигалась грозная буря.

Когда я подходил к дверям дома, начали падать первые
тяжелые дождевые капли.

1942

ДОЛГ

1

Было холодное ноябрьское утро. Норд, начавшийся за
два дня до этого, продолжал дуть с прежней силой, сот-
рясая все кругом чудовищным ревом и грохотом. От пыли и
песка, поднимавшихся кверху, горизонт подернулся густой,
желтоватой пеленой. Дымовые трубы гудели, окна и двери
скрипели и визжали, словно молили о пощаде. Издали, точно
топот огромного войска, доносился ужасный гул морских
волн, разбивавшихся о скалы.

Все это наполняло сердце глубокой, гнетущей печалью
сковывало его тупой, ноющей болью.

Улицы были безлюдны и пусты. Лишь порой, закрыв лица
от туч пыли, бежали по улицам люди, которых чувство долга
вывело из дому.

Сидя за столом, учитель Субхи готовился к урокам. По
временам он прислушивался к жуткому свисту и реву ветра.

У входной двери позвонили. Учитель вскопился с места, что-
бы посмотреть, кто мог явиться к нему в такой ранний час и
в такую ужасную погоду. Подбежал к двери, открыл. В две-
рях стоял высокий, костлявый мужчина средних лет.

— Простите за беспокойство. Можете ли вы уделить мне
десять минут? — спросил посетитель.

Учитель провел его в свой кабинет и предложил стул.

Гость был в сильном смущении; опустив лишённые ресниц
глаза, он сидел с видом человека, не знающего, с чего на-
чать. Волнение, с трудом им сдерживаемое, невольно отра-
жалось на его сухом, багровом лице, тонких, сжатых губах
и в круглых глазах с маленькими зрачками.

Веки его были воспалены, тонкие жилки на белках обоз-
начались резко, как у людей, проводивших бессонную ночь,
длинные волосы растрепаны. Старенькая шапка, потертое
пальто с потрепанным воротником, выцветшая сорочка и из-
мятый воротничок придавали ему вид очень скромного служа-
щего.

После долгого молчания он поднял наконец голову, как
человек, покончивший с колебаниями. Лихорадочный блеск
его серьезных глаз говорил о глубокой скорби. Нервно поти-
рая руки, он придвинул свой стул к учителю и начал:

— Я занимаю небольшую должность в комиссариате юс-
тиции. Меня зовут Гасан-бек. Получаю в месяц пятьдесят
рублей, других доходов у меня нет. То есть, они могли бы
быть.. но я не из тех, кто поддается подобным соблазнам.
Надеюсь, вы понимаете, что значит иметь оклад в пятьдесят
рублей? Семья моя состоит из трех душ: жена, дочь и ваш
ученик Хосров.

— Какой Хосров?

— Теймур-заде.

Учитель выпрямился.

— Он — один из лучших моих учеников, — сказал он. —
Значит, вы его отец? Я давно хотел повидаться с вами. Очень,
сожалею, что до сих пор мы не были знакомы. Не знаю толь-
ко, кто из нас в том виноват?

Глубоко тронутый, Гасан-бек сжал свои руки.

— Я принимаю эту вину на себя. Во всяком случае мне
следовало наведываться к вам, справляться об успехах Хос-

же я вынужден сделать это. Я пришел рассказать вам о большой неприятности, случившейся со мной.

— Прощу... пожалуйста...

— Да! Так о чем я говорил? — Он поднес руку ко лбу, и, немного подумав, продолжал:

— Получив в этом месяце, как всегда, свое жалованье — пятьдесят рублей, я принес их домой. Выдал пять рублей на домашние расходы и запер остальную сумму в ящик письменного стола, ключ же взял с собой. Вам знакома жизнь служащего. К концу месяца, по мере того, как тают деньги мужество покидает человека, и он воздерживается от покупки даже самых необходимых для дома предметов, стараюсь как-нибудь дотянуть до новой полочки. Когда взятые пять рублей были израсходованы, я открыл ящик, чтобы взять еще деньги. Деньги лежали в том же порядке, в каком я их сложил. Но количество их уменьшилось так явственно, что это бросилось в глаза. Я пересчитал их, — оказалось тридцать пять рублей.

Последние слова он произнес так выразительно, что учитель в сильном недоумении посмотрел на него, ожидая объяснения.

Но так как посетитель молчал, он спросил:

— Отчего же стало меньше денег?

— Кто-то взял...

— Кто же, по-вашему?

— По-моему, взял Хосров.

— Почему вы так думаете?

— Потому, что больше никому...

— Разве Хосров когда-нибудь раньше был уличен в воровстве?

— Нет, это первый раз.

— В таком случае, какие у вас доказательства, что взял именно он?

Гасан-бек еще ближе придвинулся к учителю.

— Эти деньги, — начал он, пригнувшись к нему, — не могли быть взяты посторонним, потому что посторонние не имеют доступа в наш дом. Их могли взять: или жена, или моя дочь Рамзия, или Хосров. Жена не взяла бы из страха, что исчезновение денег рано или поздно обнаружится; ведь в доме ничто не ускользает от моего внимания, и я заметил бы, если бы она купила что-либо без моего ведома. Как я на службе, я и в семейном быту люблю дисциплину. Кроме того супруга моя прекрасно понимает, что значит взять из моего пятидесятирублевого жалованья десять рублей. Она исключительно предана дому и детям и не согласится, чтобы дети

терпели лишение в чем-либо. Что касается моей дочери Рамзии, она еще совсем дитя. Я забыл вам сказать, что ключ от ящика постоянно при мне, в боковом кармане.

Он вынул ключ и показал его учителю.

— Рамзия никогда не посмеет полезть ко мне в карман за ключом, открыть ящик и похитить оттуда деньги. К тому же подобные поступки чужды психологии девочек. Остается таким образом Хосров.

Гасан-бек закончил. Оба задумались, подавленные.

— Гасан-бек, — сказал учитель, подняв голову, — Хосров — воспитанный, серьезный, честный мальчик, он не мог совершить кражу.

— Куда же в таком случае девались деньги? — воскликнул Гасан-бек взволнованным голосом.

— Может быть, вы взяли на домашние расходы не пять, а пятнадцать рублей?

— Я не принадлежу к числу рассеянных людей, не ведающих, что они творят, — с досадой произнес Гасан-бек. — Нет, это невозможно. Деньги, безусловно, взял Хосров. Я пришел попросить вас выяснить этот вопрос и отобрать у него украденные деньги.

— Говорили ли вы с ним об этом?

— Говорил и очень серьезно. Но он отрицает. Вот уже два дня мы безуспешно бьемся над этим. Я подверг его суровому наказанию; мать умоляла его признаться, плакала. Но тщетно. «Я не брал», — говорит он, упорно стоя на своем.

Теперь сомнения вкралось также и в сердце учителя. Приведенные Гасан-беком доводы были основательны. Деньги, без сомнения, взял Хосров. Но для чего, с какой целью? Вот это стремился выяснить учитель.

— Не замечали ли вы за последнее время какой-либо перемены в настроении или поведении Хосрова? — спросил он Гасан-бека.

— Нет, не замечал ничего особенного.

— Между тем в его поведении в школе заметна большая перемена.

— Какая же?

— В последнее время он очень рассеян, не готовит уроков. Не участвует в играх товарищей. Забившись в угол, все о чем-то думает. В классе, когда учитель объясняет урок, он уносится куда-то мыслями, а спросишь его, — посмотрит на вас с таким видом, точно не слышал ничего. Потом печально опустит голову и стоит в каком-то раздумье. Не можете ли вы объяснить, чем вызвано такое состояние мальчика?

От удивления Гасан-бек широко раскрыл глаза.

— Я ничего не понимаю, — проговорил он. — Что касается уроков, то Хосров каждый вечер достает свои книги и занимается.

— Тогда вернемся к вопросу о деньгах. В подобных случаях надо быть сугубо осторожным, особенно когда дети достигают переходного возраста — четырнадцати-пятнадцати лет — и бывают болезненно-восприимчивы. Малейшее недуманное действие может скверно повлиять на психику ребенка. Ваши доводы вески. Я сам начинаю подозревать Хосрова. Но он неплохой мальчик, рассудительный, со здоровыми инстинктами и, если и совершил кражу, то по какой-нибудь особенной причине. Все это, безусловно, связано с его теперешним настроением и задумчивостью. Я просил бы разрешить мне повидаться с вашей супругой и получить от нее необходимые сведения.

— Пожалуйста. Жена моя имеет кое-какое образование. Я записал наш адрес, вот он. Вы можете пожаловать к нам в любое время, — сказал Гасан-бек, вставая.

— Я сегодня же подробно ознакомлюсь с этим делом в переговору с Хосровом. Будьте добры зайти в школу после службы, — сказал учитель.

— Не думайте, что я беспокоюсь из-за этих десяти рублей. Дурной поступок Хосрова, которого я никогда не прощу, — вот что наполняет меня возмущением и причиняет жестокую боль, — сказал Гасан-бек, прощаясь.

И вышел из комнаты.

2

В тот же день учитель отправился на квартиру Гасан-бека. Жена его Месеррет-ханум приняла учителя с присущей женщине любезностью.

Сильно заинтересованный домашней жизнью Хосрова, учитель внимательно оглядел две комнаты, которые они занимали. Одна была спальней, другая служила одновременно столовой, кабинетом и гостиной. Комнаты были обставлены очень скромно, в полувосточном стиле, но заботливая рука, со вкусом расставив мебель, сумела скрыть изъяны и придать квартире уютный вид.

Когда учитель подошел к столу, Месеррет-ханум указала ему на один из ящиков.

— Гасан-бек запер деньги вот в этот ящик и когда через два дня открыл вновь, не доставало десяти рублей. Он обвиняет Хосрова. Я тоже думаю, что это он. Но — я мать, я больше не в состоянии видеть, как его наказывают..

— Мы вернемся к этому после. Прежде всего я просил бы вас ответить на мои вопросы: как держит себя Хосров дома с вами? Не замечаете ли вы за последние три-четыре месяца перемены в его настроении?

— О, за последнее время он очень изменился, нервничает, легко раздражается. Он сильно привязан ко мне и ко всей нашей семье. Большую часть времени проводит дома со мной и со своей сестренкой. Но последнее время он возбужден, ему не сидится дома, словно в комнатах ему тесно, душно и не хватает воздуха. Он бежит на улицу, но не остается и там, возвращается, потом снова уходит, бродит растерянный как человек, который собирается что-то предпринять, но не знает, что и как. Порой он льнет ко мне, и, как маленький, не сводит с меня глаз, повторяя странным, взволнованным голосом: «Мама, мама!». И кажется, вот-вот заплачет.

— Занимается ли он уроками?

— Не могу сказать уверенно, чтобы он занимался ими. Пока отец не сядет за стол, Хосров не прикасается к книгам. Но лишь только отец принимается за работу, Хосров тотчас достает книги и углубляется в них; но я не уверена, что он читает. Когда отец кидает в его сторону взгляд, он делает вид, что занимается. Прежде Хосров не был таким. Ваш вопрос показывает, что и в школе его поведение изменилось. Он стал учиться хуже, не правда ли?

— Да, он сильно изменился. Бедная мать! Но в чем же вы усматриваете причину такой перемены в сыне?

Женщина сникла, словно у нее надломилась крылья. Подавив вздох, она сказала:

— Этого я не знаю.

— Не произошло ли за последнее время каких-либо перемен в вашей семейной жизни?

— Нет, ничего. Все по-старому.

Учитель выпрямился, приняв вид строгого следователя.

— Объясните хотя бы, — сказал он, — почему Хосров принимается за уроки лишь при отце? Боится он его, что ли?

— Боится, страшно боится.

— Видно Гасан-бек держится в семье строго?

— О, очень.

— Каков характер Гасан-бека? Как он относится к вам, к детям?

Месеррет-ханум затрепетала, как подстреленный голубь.

Ей не хотелось открывать учителю тайну, годами скрываемую от всех, даже от самых близких. Тайные страдания вспыхнули с новой силой. Руки ее бессильно повисли, грудь от волнения высоко подымалась и опускалась.

— Учитель! — воскликнула она. — Зачем вы спрашиваете меня об этом?

— А как же? Разве душевное состояние Хосрова не связано с этим?

— Конечно, связано.

— В таком случае — отвечайте.

— Но если это бесполезно, если это ничему не поможет?

— Этого нельзя заранее сказать. Как знать, может быть, и поможет. Ответьте же мне: как обращается с вами Гасанбек?

— Очень плохо. Он очень нервный, раздражительный человек. Малейший пустяк выводит его из себя. Он держится всегда сухо и холодно. С тех пор, как я переступила порог этого дома, я не видела от него ни ласки, ни улыбки. Вечно занят думами, вечно озабочен. Когда он дома, с лица детей исчезает улыбка. «Как ты сидишь? Как ходишь? Как держишь голову?...» — вот его постоянные окрики. Критикуя каждый их шаг и вмешиваясь решительно во все, он буквально терроризирует их. Не бывает дня, чтобы он не оскорбил их, не заставил заплакать. Ах, это не дом, а настоящая темница!

И, печально опустив голову, Месеррет-ханум продолжала:

— Не пойму, почему я открыла вам эту тайну, которую до сих пор скрывала от самых близких людей?

И она смахнула повисшую на ресницах слезинку.

— Не огорчайтесь! Семья и школа в сущности одно и то же. Семейей руководит мать, школой — учитель. Всякая отчужденность и несогласованность между домашним и школьным бытом наносит огромный ущерб воспитанию нашего молодого поколения. Необходимо устранить всякие преграды, отделяющие школу от семьи. Теперь для меня ясно, что деньги взял Хосров. Но взял их не с дурным намерением. Я займусь выяснением этого вопроса, а вас прошу ничего не говорить Хосрову. — сказал учитель, прощаясь с Месеррет-ханум.

3

Набросав мысленно план беседы с Хосровом, учитель Субхи с нетерпением ожидал его прихода. Он считал этот случай серьезным и важным, так как по результатам своего вмешательства в это дело, он мог бы судить о своем авторитете и влиянии на учеников. Вот уже три дня, как Хосров, несмотря на наказание, угрозы и мольбы родителей, упорно отрицает свою виновность. И добиться у него истины — значило для учителя получить конкретный, положительный результат своего многолетнего педагогического опыта.

Вошел мальчик. Учитель ласково указал ему на стул.

— Садись.

Хосров смущенно сел.

— Ты был одним из самых трудолюбивых и порядочных моих учеников, — начал учитель, — но в последнее время ты не выкабываешь прежнего прилежания. Что случилось? Уроки ли стали трудными, или изменилось что-нибудь в тебе самом?

Взглянув учителю прямо в лицо, Хосров ответил слегка дрожащим голосом:

— Нет, учитель, уроки не стали труднее.

— Значит, есть какая-то иная причина?

Отпустив голову, Хосров молчал.

— Почему молчишь? Скажи, детка! Если есть посторонняя причина, я постараюсь устранить ее. Внешне ты тот же Хосров. Хотя нет, я должен сказать, что и тут имеется большая перемена. Ты не похож на прежнего Хосрова. Что же касается твоего внутреннего мира, ты стал совсем другой. В чем же причина такой перемены?

— Но в чем видна перемена?

— В чем? Ты не готовишь уроков, рассеян, задумчив. Объясни же, в чем дело?

— Не знаю...

— Но замечаешь, ли по крайней мере ты сам эту перемену?

— Да...

— И не знаешь, отчего она происходит?

— Нет, — произнес мальчик после долгого молчания.

— Можно ли поверить, чтобы такой рассудительный, как ты, мальчик не знал, что именно вызвало такой глубокий и серьезный перелом в его жизни? По твоим глазам и по лицу я ясно вижу, что с тобой что-то происходит. Открой же тайну, выскажись, что волнует тебя?

— Так... Ничего...

— «Ничего» — это не объясняет твоего состояния.

Долго бился учитель. Но мальчик продолжал упорствовать. Тогда учитель переменял тактику.

— В таком случае скажи по крайней мере, не обращается ли с тобой плохо Месеррет-ханум?

— Нет.

— А Гасанбек?

Мальчик не отвечал.

— Значит, у Гасанбека суровый нрав. Знаю, он немного деспотичен. Любит дисциплину. Правда?

— Правда, — вымолвил мальчик, кивнув головой.

— Неужели он до того суров, что своим обращением так сильно подействовал на тебя?

— Очень суров.

— Ну, например, что он делает?

— Он следит за каждым нашим движением. Только и слышно: — «Не садись, не вставай, не говори!» Даже во время еды он готов накинуть узду на рот. Вечно сердится, ворчит...

— Если обращение отца настолько действует на тебя, что мешают даже заниматься, неужели ты не мог найти выхода из этого положения?

— Нет..

— Неправда! Не может быть, чтобы такой здравоысляющий и решительный мальчик, как ты, не нашел, что противопоставить силе, угнетающей и подавляющей его!

Хосров не отвечал.

— Для меня все ясно, — сказал учитель. — Мы должны вместе с тобой найти выход. Ты нашел что-нибудь? Скажи.

— Я решил бежать из дому... — прошептал мальчик дрожащим голосом.

— Куда?

— Не знаю... Куда-нибудь..

— А деньги на дорогу достал?

Видя, что Хосров не отвечает, учитель решительно и серьезно произнес:

— Во-первых, уход из семьи и скитания на чужбине ребенку твоих лет не дадут ничего кроме страданий. Во-вторых, на сколько дней может хватить тебе десяти рублей?

— Каких десяти рублей? — спросил Хосров, кинув на учителя тревожный взгляд.

— Мне известно, то, что произошло на днях у вас дома, — сказал Субхи, многозначительно улыбувшись. — По этому поводу я подробно говорил с твоими родителями. Взвесив все, мы пришли к убеждению, что деньги взял ты. Гасан-бек считает, что ты сбился с правильного пути. Я не думаю, что ты взял деньги с какой-то особой целью. Еще до того, как ты открылся мне, мне было ясно, что ты решил бежать. Но такой разумный мальчик, как ты, не предпримет этого неразумного шага. Я обещал Гасан-беку отобрать у тебя эти десять рублей и смыть с тебя позорное пятно. Он же дал слово, что в дальнейшем совершенно не будет стеснять твою свободу дома, не будет вмешиваться по пустякам в твою жизнь. Теперь, чтобы не уронить меня в глазах твоего отца и самому снять с тебя подозрения, ты должен отдать мне эти деньги. Тогда я сумею доказать, что он был неправ, и постараюсь уладить твою будущую жизнь. Ну, же, доставай деньги!

Хосров печально поник головой, уставившись в одну точку. Лицо его пылало.

— Если деньги не при тебе, иди и принеси их, — произнес Субхи мягко, но решительно.

Хосров заколебался, потом поднялся и вышел. Немного погодя, он вернулся и вручил учителю десять рублей.

4

Занятия в школе закончились, и все разошлись. Лишь учитель Субхи, сидя в приемной, поджидал Гасан-бека.

Он был доволен, что хотя и с трудом, но сумел распутать это сложное дело. И в то же время он был озабочен. «Почему, — думал он, — вопрос, легко и просто разрешаемый в других семьях, на этот раз потребовал такого большого труда?» Перебирая в памяти свой разговор с Хосровом, он думал о том, как бы еще ближе подойти к этому ребенку. Он так ушел в думы, что не заметил, как вошел Гасан-бек. Услышав его громкое приветствие, учитель поднял голову, поздоровался и предложил ему стул. Затем после непродолжительного молчания положил перед Гасан-беком десять рублей. Тот посмотрел на него выпученными от удивления глазами.

— Как вам удалось получить их? Он признался в краже?

— О, мы с ним теперь — как отец и сын, — с многозначительной улыбкой ответил учитель. — Между нами больше искренности, чем формальной дисциплины. Именно эта искренность и оказала мне огромную помощь в этом деле.

И он рассказал все, не забыв разъяснить, для чего были взяты деньги Хосровом.

Гасан-бек, с большим вниманием слушавший рассказ учителя, при последних словах вздрогнул. Высоким, срывающимся голосом он сказал:

— А спросили ли вы его, куда бы он отправился с десятью рублями и как долго просуществовал бы на них?

— Да, — ответил учитель, затем после короткого, тягостного молчания, выпрямился и решительно начал:

— Гасан-бек, судьба Хосрова в наших руках. От нас зависит — выйдет ли из него полезный или вредный гражданин. Как учитель, я стремлюсь к тому, чтобы мои труды приносили хорошие плоды; поэтому я считаю себя вправе сказать несколько слов в защиту моих воспитанников. Насколько каждый родитель озабочен судьбой своего сына, настолько же каждый педагог заинтересован в будущности своего ученика. Мне известно, что вы — любящий отец. Почему же в таком случае вы не думаете о счастье ваших детей?

— Что вы подразумеваете под их счастьем? — возразил Гасан-бек? Будучи мелким служащим, я борюсь с нуждой, стараясь дать детям образование и обеспечить их материальные и бытовые нужды. Что я могу еще сделать?

— По-моему, этого недостаточно. Вы можете сделать гораздо больше.

— Например?

— Простите мою смелость. Я не собираюсь учить вас, я хочу лишь напомнить вам об одной очень важной стороне семейного быта, забытой вами. Так как я говорю от всего сердца и обращаюсь к вам, как к брату, надеюсь, вы не обидитесь на меня.

— Нисколько, прошу...

— В вашем семейном быту есть существенный пробел. В двух ваших маленьких комнатках царит суровая дисциплина, холодная официальность и гнетущая деспотия. Это, безусловно, результат тех привычек, которые вы приобрели на службе, работая чиновником. Между тем такая атмосфера наносит серьезный ущерб как вам, так и в особенности членам вашей семьи. Вы должны решительно покончить с этим. Даже наперекор вашему характеру, вы должны пойти на это во имя счастья вашей семьи. Сильно ошибаются те, кто ищет счастья где-то вне обычной среды: каждый должен искать его прежде всего в своей семейной жизни. В ваших маленьких комнатках должны раздаваться не тихие, приглушенные голоса, как в мрачной, гнетущей темнице, а звонкое щебетанье и взрывы веселого смеха. Если вы сумеете этого достигнуть, Хосров станет прежним, и его способности разовьются. Я взываю к вашим родительским чувствам и прошу вас снять с вашей семьи эти оковы.

Гасан-бек молчал, погруженный в раздумье. Наконец, подняв голову и с улыбкой взглянув на учителя, ожидавшего его ответа, он произнес решительным тоном:

— Признаться, я и сам замечал этот пробел. Ну, что же, прекрасно! Попробуем устранить его. У меня хватит сил, чтобы освободиться от многих, годами вкоренившихся в меня привычек. Благодарю вас за совет! — прибавил он, подымаясь. — Со своей стороны, я прошу вас не оставлять и в дальнейшем Хосрова без внимания.

— Будьте спокойны! Если мы будем действовать совместно, все войдет в колею, — ответил учитель, пожимая его руку.

Они расстались искренними друзьями.

После этого события учитель держал Хосрова под своим неослабным наблюдением. Внимательно следя за каждым его поступком, он видел, что настроение мальчика день ото дня

становится лучше. К нему вернулись его жизнерадостность и общительность; он стал снова интересоваться уроками и усердно работал.

Учитель не раз спрашивал его, доволен ли он теперь домашней обстановкой. И в ответ неизменно слышал:

— О, теперь у нас очень хорошо! Отец совершенно изменился, до того изменился, что и не узнать его!

Прошло несколько месяцев. Пробираясь как-то по людной улице, учитель столкнулся лицом к лицу с Месеррет-ханум. Она тотчас узнала его.

— Я давно хотела видеть вас, чтобы выразить свою признательность, — сказала она дрожащим от радостного волнения голосом. — С того дня, как вы переступили порог нашего дома, эти мрачные комнаты озарились светом. Наша темница преобразилась. Счастье заглянуло и к нам. Не знаю, как вам удалось совершить это чудо? Гасан-бек совершенно изменился, прекрасно относится и к детям, и ко мне. Это вы распахнули перед нами двери счастья, вы осветили нашу жизнь и будущее! Не знаю, как и выразить вам свою искреннюю благодарность!..

— Я не сделал ничего особенного, — отвечал Субхи, крепко пожимая руку Месеррет-ханум. — Я лишь выполнил свой долг, напомнив Гасан-беку о серьезной обязанности отца-друга, забытой им. Он поспешил исправить свою оплошность. И в вашу семью вошла радость. Я хочу сказать этим, что счастье вам дал не я и не Гасан-бек.

— А кто же?

— Долг!

ДВА ТОВАРИЩА

Отец Назима ушел на фронт в грозные дни Великой Отечественной. Вначале он посылал письма каждый месяц. В них он рассказывал о фронтовой жизни, о боях и своих друзьях, спрашивал о житье-бытье домашних. А в одном из писем он писал, что в последнем бою проявил героизм, за что награжден орденом «Знак Почета». В конверте была и фотография с этим орденом на груди.

Но вот прошло целых три-четыре месяца после последнего письма, а от отца Назима все не приходило писем. Каждый день Назим и мать с волнением ожидали от него вестей.

Назим учился в первом классе, осваивал первые буквы азбуки. Однажды, вернувшись из школы, он увидел, что мать

чем-то очень расстроена. Глаза ее были чуть припухшие. Он бросился обнимать мать:

— Мамочка, пришло письмо от папы?

Каждый день возвращаясь из школы, Назим задавал матери этот вопрос.

— Нет, сынок, и сегодня нет письма.

С того дня мать стала еще более ласковой и обходительной с Назимом. Она окружала мальчика нежными заботами, нежила, и лелеяла его. И только временами незаметно вздыхала. Поведение матери вызывало в душе Назима мрачные мысли.

Наступил вечер. В комнатах зажглись свечки.

После ужина мать постелила для Назима.

— Сынок, иди ложись, отдохни, — сказала она.

Назим лег в постель. Путавшиеся в голове недобрые мысли совсем разогнали его сон, и он никак не мог заснуть. Мать тоже тихо лежала рядом с ним у себя в постели. У обоих пропал сон, и они молча лежали, прикинувшись спящими. Вскоре послышался тихий плач матери. Плача, она что-то беззвучно шептала. Назим долго прислушивался, но он так и не понял ни причины слез матери, ни произносимых шепотом слов. Ему хотелось подняться и спросить у матери. Но какая-то непонятная сила задержала его дыхание, лишив воли. В ту ночь Назим не сомкнул глаз до самого утра. Стеснявшая душу тяжесть давила грудь.

Наступило утро. После завтрака Назим отправился в школу. В школе у Назима был близкий друг, с которым он сидел за одной партой. Друга звали Азиз. Видя Назима печальным, Азиз спросил:

— Назим, ты весь бледный, что случилось?

Назим и сам искал удобного случая, чтобы излить свою душу. И он рассказал Азизу про ночную историю, про свои недоразумения.

Маленький Азиз тут же понял, в чем дело. Но мальчику было трудно скрыть свои догадки. Расстроившись, он с детской непосредственностью сказал:

— Назим, мне кажется, вот почему плакала твоя мать. Видимо, пришла похоронка на отца, и она скрывает от тебя.

Друзья посмотрели друг на друга полными скорби глазами, в которых сверкали слезы.

ЛЕСНИК

Еникенд красивел с каждым днем. Кропотливым трудом созидающих рабочих рук он стал образцовым колхозным селением: были проложены новые улицы, построены в ряд новые дома, посажены деревья. Окружающие его со всех сторон большие совхозные сады, земли, отведенные под бахчу и не имеющие конца и края, густые леса еще более украшали это селение.

Была летняя урожайная пора. Плоды уже созрели и зеленые леса, обступавшие Еникенд с севера, гостеприимно ожидали гостей.

Каждый день женщины и дети группами ходили в лес собирать орешки, кизил, малину. Лесник, дядюшка Садыг, преграждая им дорогу, говорил:

— Послушайте, я не против, собирайте себе фрукты, но если сломаете хоть одну веточку, прошу не обижаться на меня.

В такую пору старый лесник бывал очень нервным. Он глядел в оба глаза, чтобы не сломали веток, не вырубил деревья.

В тот день кто-то из ребят, собирая фрукты, сломал крупную ветку кизила. Для дядюшки Садыга сломать ветку или срубить без разрешения дерево было хуже оскорбления. Взглянув на рухнувшую крупную ветку, он сильно побранил мальчика. Мать мальчика, тетюшка Сенем, видя, что дядюшка Садыг сильно разгневан, пыталась успокоить его:

— Дядя Садыг, Халил не такой мальчик, он сделал это невзначай, больше не будет.

— Тебе известно, что за этим годом последует следующий, — сказал дядюшка Садыг, бросив на нее сердитый взгляд.

— Что будет, если каждый пожаловавший сюда сломает по ветке? Я не допущу этого. Если такое еще раз повторится, ни его, ни тебя я не пущу в этот лес.

Дядюшка Садыг был здоровый мужчина, среднего роста, с мясистым лицом, с выступающими красными щеками, с крепким, как сталь, телом. С молодости он ни зимой, ни летом не спал в комнате, очень любил бывать на открытом воздухе. Он взял себе за правило каждое утро купаться в холодной воде. Несмотря на то, что ему исполнилось шестьдесят, еще никто не помнил, чтобы он тяжело заболел. Даже, когда валил снег, он спал на открытой веранде, а иногда проводил ночь и в лесу. Лес для него был дороже жизни. Он трудился не покладая рук, день и ночь сажал новые деревья, очищал лес как садик. Лес значил для него все.

Дядюшка Садыг был добросовестным сторожем и искусным охотником. Птицы были его самыми близкими друзьями в лесу, а самыми злостными врагами, уничтожавшими птиц и нападающими на домашний скот, были вредные звери — волки, лисы, шакалы, сералы и зайцы. Едва увидев их, он тут же пристреливал. В этом деле немало помогал ему и серый пес с огромным торсом по кличке Гурдбасан—Волкодав. Еще когда пес был щенком, лесник так обучил его, что он понимал любое слово и движение дядюшки Садыга. С его помощью дядюшка Садыг уничтожал хищных зверей, неоднократно получая за это вознаграждения из союза охотников. Дядюшка Садыг давно уже истребил в лесу всех волков. Теперь колхозный скот жил спокойно, без тревоги. Колхозники любили и уважали дядюшку Садыга и за это.

Старый Мардан-киши, закончив свои дела, привязал осла пастись на лугу близ водополя.

Наступили вечерние сумерки, стадо возвращалось в селение, птицы в свои гнезда, куры и петухи залезли в свои курятники. Мардан-киши, сидя у дверей своего друга Акпера-киши, увлеченно беседовал. Разговор шел о красивейшем с каждым днем Еникенде, о новом насаждении леса в северной части селения по постановлению Совета Министров, о немалом труде дядюшки Садыга в деле выращивания леса.

— Спасибо дяде Садыгу, как зеницу ока стережет этот лес — украшение нашего селения, — говорил Мардан-киши. Акпер-киши также поддакивал ему.

Разговор уже затягивался, когда Мардан-киши, спохватившись, вспомнил про осла и тут же вскочил с места.

— Языком чесать — все можно потерять. Пойду приведу осла, — сказал он, попрощавшись с другом Акпером. Когда он добрался до луга, в сумерке ему показались черные тени. Он остановился и внимательно стал всматриваться: два волка, дозалив осла на землю, пожирали его. Не имея с собой оружия, он побоялся подойти поближе, и скорее вернувшись в селение, поднял шум. Пока вернувшиеся только что с поля колхозники, взяв с собой собак и оружие, поспешили туда волки убежали.

На следующий день весть об этом обошла все селение. Утром, собравшись у водополя, колхозники бранили лесника: «Дядя Садыг уже состарился, волки снова повадились в селение; сожрали осла у бедняги Мардана-киши». Те же, кто близко знал дядюшку Садыга, возражали, защищая его: «Эти волки пришли не из леса, бог знает откуда их занесло в деревню. И к тому же, ведь дядя Садыг лесник. Не будет же он сторожить и твоего осла, владелец добра сам должен стеречь его. При чем тут дядя Садыг?»

Споры и разговоры все затягивались. В самый разгар спора дядюшка Садыг, с перевязанными шкурами двух волчиц и трех детенышей-волчат, перекинутыми на спину осла, вдруг появился перед ними. При виде его кто-то из колхозников воскликнул: «Ай, спасибо тебе, дядя Садыг, дай бог тебе долгой жизни. Это где же ты пристрелил этих волков?»

— Эти подлые волки в этом году откуда-то забрели в наш лес, — сказал дядя Садыг, по привычке сощурив свои маленькие, черные глазки. — Сидел я в лесу, под деревом. Волкодав тоже лежал у моих ног. Вдруг издали я заметил дведвигающиеся тени. Быстро вскочив с места, я стал внимательно присматриваться. Я не мог поверить своим глазам, потому что давно не видел в этом лесу волка. Взяв собаку, я тут же последовал по их следам, сделал при этом знак собаке, чтоб она не шумела. Поняв мои мысли, Волкодав бесшумно двинулся рядом. Так и шли: впереди волки, а следом мы. Вижу, они проникли в небольшую нору. Я вскоре подбежал туда. Пять или шесть раз спустил курок ружья прямо внутрь норы, науськав Волкодава. В это время я заметил, как один из волков, выбравшись из норы, собирается бежать. Я тут же прицелился и выстрелил. Другой волк так и не вышел из норы. Я снова науськал собаку. Волкодав, проникнув в нору, вытащил сперва пристреленного волка, а затем и детенышей. Подлая сука народила трех волчат.

Сельчане в один голос стали благословлять дядюшку Садыга.

— Большое спасибо тебе, дядя Садыг! Что бы стало с селением, если бы эти волки расплодились в целую стаю?

Директор фермы Асли, выступив вперед, со смехом спросила:

— Дядюшка Садыг, какое вознаграждение ты получишь из союза охотников за пятерых волков? Пюсте-баджи повезло.

Дядюшка Садыг лишь молча улыбнулся.

Асли, стараясь заставить заговорить старого лесника, снова спросила:

— Дядюшка Садыг, слышал ли ты, что эти волки вчера вечером растерзали на лугу осла старого Мардана?

При этих словах у дядюшки Садыга испортилось настроение; нахмурившись и сердито взглянув на волков, он промолвил:

— Тогда я очень кстати отомстил им!

За протянувшимся вдаль зеленым лесом медленно выходило солнце и небо покрылось разноцветными красками зари. Цвет неба отражался на лесе, отчего ветви и листья деревьев, сменив свою ночную рубашку, приоделись в тонкое

и пестрое тюлевое платье. По мере того, как поднималось солнце, искусный художник природы украшал лес еще более сочными и красочными цветами. От легкого дуновения утреннего ветерка шелестели листья, словно шепчась меж собой, птицы, порхаящие на кустах и ветвях деревьев, приветствовали своим пением солнце, рождющее утро.

Дядюшка Садыг ночь провел в лесу. Проснувшись в пред-рассветных сумерках и умывшись родниковой водой, он сидел на небольшом холмике, наслаждаясь красотой природы и с большим увлечением слушая пение птиц.

Волкодав, лежа у его ног, как будто тоже наслаждался утренним концертом птиц.

Дядюшка Садыг, не любивший бездельничать, поднялся и принялся с удовольствием окапывать в лесу молодые деревья. В это время до него донеслись неразборчивые голоса. Волкодав, тут же наострив уши, с лаем помчался в сторону шума. Дядюшка Садыг кликнул Волкодава. Собака остановилась. Вскоре показались несколько пионеров с красными галстуками вместе с пионервожатым. Дядюшка Садыг встретил их ласково:

— Идите, родные, идите, знаю я всех вас. Вы мне очень помогли, когда я украшал деревьями улицы селения. — Тут, заметив Халила среди пионеров, дядюшка Садыг воскликнул: — Ого... дружок, ты тоже явился? Ну что ж, добро пожаловать. Но смотри, чтобы прекратил дурное обхождение с деревьями!

Пионервожатый, удивленный упреком дядюшки Садыга, спросил:

— То есть как? Дядюшка Садыг, выходит, наш Халил ломает ветви в лесу?

— Было такое дело. Халил тогда обещал мне больше не ломать деревьев. Теперь, кажется, он сдружился с ними, — промолвил дядюшка Садыг, поглаживая Халила по голове.

— Мало сдружиться, дядюшка Садыг. Халил один из наших пионеров, которые каждый день ухаживают за посаженными в школьном саду и вокруг него деревьями, — сказал пионервожатый, и потом добавил: — Видимо, ваши укору пошли ему на пользу.

Пионеров очень интересовала работа дяди Садыга, его опыт. И поэтому кто-то из них спросил:

— Дядя Садыг, вы почему выкапываете это дерево?

— Не выкапываю, сынок, — ответил дядюшка Садыг, — я окапываю такие молодые деревья, очищая землю от сорняков вокруг них. Осенью я выкопаю и пересажу в новом лесу. — Затем, подняв голову и вглядываясь вдаль, он добавил: — Мечты наши большие. Мы разведем этот лес до подножия

тех гор. Видели ли вы по дороге сюда в самом конце леса, на пустыре, посаженные мной саженцы?

— Видели, дядя Садыг, видели, — ответили все хором.

В глазах дядюшки Садыга загорелись искорки радости, и с тоской глядя на пионеров, он с сожалением промолвил:

— Жаль, что старею я, ребята. Через десять-пятнадцать лет изменятся и наше селение, и посевные места, и леса. Боюсь, не увидать тех дней.

— Не бойтесь, дядя Садыг. Вы будете еще долго жить, вдоволь насмотритесь на те дни, — в один голос стали успокаивать его пионеры.

Эти слова словно подбодрили дядюшку Садыга. И он, дав пионерам задать вопросы, завел долгий разговор о значении леса, о путях охраны зеленых насаждений, садов, подробно рассказал о проделанной работе и ее пользе.

— Дядя Садыг, когда будете сажать саженцы в новом лесу, позовите нас на помощь, — подал голос с места Халил.

— Большое спасибо, сынок. Вы прилежно учитесь, а помощников у меня много, — с улыбкой ответил дядюшка Садыг. Затем обращаясь к ребятам, он добавил:

— А теперь, идите, походите по лесу, поешьте плодов, посмотрите, какие деревья я вырастил для вас.

Не успел дядюшка Садыг договорить, как пионеры вмиг рассеялись, исчезнув из глаз в глубине леса.

Дядюшка Садыг занялся своим делом. Окопав несколько деревьев, он решил отдохнуть. Волкодав тоже улегся у его ног. Старый лесник, проводя в одиночестве в лесу большую часть времени, привык разговаривать сам с собой, представляя себе результат своих трудов. И сейчас он тоже, погруженный в думы, размышлял про себя; его мысли занимал молодой лес, который по решению правительства начали разводить в северной части еникендского леса. Новый лес должен был создать благоприятные условия для посевных, преграждая путь северному ветру и сохраняя влагу в почве, что позволит этим серым солончаковым степям дать обильный урожай. Если так пойдет и дальше, то через пять или десять лет в этом лесу под каждым кустом будут гнездиться фазаны, эти сладкие грезы так взбудоражили его, что хлопнув вдруг руками, он выкрикнул:

— Ах, увижу ли я этот лес таким, как я мечтал! — звук получился настолько резким, что лежавший у его ног пес, вскочив с места, изумленно посмотрел на хозяина.

— Лежи, Волкодав, лежи, тебе не понять, что творится в моей душе, — сказал дядюшка Садыг, поглаживая морду собаки и указывая на место.

В это время в пятидесяти-шестидесяти шагах от них вдруг из кустов показалась лиса и пустилась наутек. Едва зоркие глаза дядюшки Садыга заметили ее, он тут же схватил ружье и, прицелившись, выстрелил.

При падении из пасти лисы выпорхнул фазан. Птица полетела и села на ближайшую ветку. Глаза старого лесника засияли радостью. «Как хорошо, что вовремя выстрелил, не то подлая лиса сожрала бы бедную птицу. Я только и знаю, что истребляю этих хищных зверей, а они растут как грибы после дождя», — подумал он про себя.

Волкодав помчался за лисой. В это время где-то поблизости, между деревьями залаяла чужая собака и вслед за этим послышался чей-то голос: «Лесник, лесник!». Дядюшка Садыг, сощутив глаза, посмотрел в ту сторону, откуда доносился голос, потом торопливо зашагал туда. Навстречу ему шел высокий, худой человек. Увидев лесника, он спросил:

— Собака не злая?

Человек еще не успел договорить, как Волкодав притащил в зубах лису. Оставив лису рядом с хозяином, он раскрыл черную пасть и со злобным лаем набросился на чужую собаку. Перепуганная собака скрылась за спиной своего хозяина. С помощью ружья чужак принялся защищать от Волкодава себя и свою собаку. Дядюшка Садыг быстро схватил Волкодава за шею и потянув к себе, сильно прикрикнул на него. Сидя на корточках, Волкодав все еще злобно смотрел на них, и время от времени угрожающе рычал. Взглянув на Волкодава краешком глаза, чужак промолвил:

— А собака у тебя очень злая, оставлять ее без ошейника к добру не приведет.

— Не бойся, она хоть и злая, но рядом со мной вреда не нанесет, — ответил дядюшка Садыг, поглаживая Волкодава по морде.

Чужая собака, свесив уши и хвост, не отводила глаз от Волкодава, изредка поскуливая.

— Кто вы будете? — спросил дядюшка Садыг, прислонившись к своему ружью.

— Я агроном, зовут меня Рагим.

— Очень хорошо, зачем пожаловали в этот лес?

— Пришел поохотиться на птиц.

— Нет, сейчас еще не время для охоты, пока не получу решения союза охотников о начале сезона, я не пушу в этот лес ни одного охотника.

Указывая дулом ружья на мертвую лису, охотник спросил:

— Дядя Садыг, сам ты охотишься, а меня почему не пускаешь?

— Откуда вы знаете мое имя? — спросил дядюшка Садыг, сильно удивившись тому, что охотнику известно его имя.

Замахав правой рукой, тот со смехом ответил:

— Кто не знает дядюшку Садыга в этой округе? Тебя и дети знают в селении. И ты меня хорошо знаешь! С вашим агрономом Асланом мы много бродили по этому лесу.

— Может быть, лицо твое, кажется, мне знакомо. Я буду не против походить с тобой по лесу, испить прохладной родниковой воды, нарвать плодов. Если пожелаешь, могу угостить тебя у родника. Есть вкусные чуреки, жирный сыр, холодное вареное мясо. Но стрелять в птиц не дам.

— Ладно, дядя Садыг, так ты хочешь отправить меня без дичи? Нехорошо получается! — стал возражать охотник.

— Нет, так будет лучше. Я не могу нарушить закон. Птицы только что вывели птенцов, охотиться на них — значит, оставить на голодную смерть птенцов в гнездах. Я ни за что не соглашусь на это. И даже не проси, ничего не выйдет.

— Так, для кого же ты ухаживаешь за этими птицами?

— Для вас. Несколько дней назад сюда на охоту приходил наш любимец Самед, я говорю о поэте Самеде. И он тоже, вместо охоты, закусил со мной у родника. Пусть плодятся джейраны, фазаны и турачи, — украшение наших лесов и степей, пусть богатеет наша родина.

Расстроенный охотник стоял с поникшей головой.

Дядюшка Садыг смягчился: — Знаю я, тяжело бывает охотнику возвращаться с охоты с пустыми руками. Возьми эту лису, я дарю ее тебе, чтоб не оставался с пустыми руками, — сказал он, отдавая ему еще теплую лису. Охотник волей-неволей взял лису. Хотел поблагодарить, как появился Халил. Он набил свои карманы лесными орешками. А за пазухой держал около пятнадцати саженцев, выдернутых под деревьями. Подойдя поближе, Халил в первую очередь поздоровался с чужаком, а потом обратился к дядюшке Садыгу:

— Дядя Садыг, вот посмотрите, эти саженцы я отнесу и посажу у нас во дворе, перед домом. На следующий год я пересажу их своими руками в новом лесу.

— Спасибо, сынок, вот это меня радует, старайся всегда быть таким, — сказал дядюшка Садыг, радуясь такому почину Халила.

Агроном, внимательно слушавший разговор между дядюшкой Садыгом и Халилом, больше не стал возобновлять прежний разговор. Он увидел, что дядюшка Садыг — человек твердый. В это время дядюшка Садыг со смехом спросил у Халила:

— Халил, к нам в лес пожаловал гость, он охотник и хочет поохотиться на птиц. Как ты на это смотришь в летнее время?

Халил тут же уловил, что хочет сказать дядюшка Садыг. И поэтому, не раздумывая он ответил:

— Дядя Садыг, сейчас ведь не сезон для охоты, птицы сейчас выводят птенцов...

Многозначительно взглянув на охотника, лесник промолчал.

Дядюшка Садыг так сильно полюбил Халила, что полностью позабыл о случае со сломанной веткой.

1954

ЖИТЬ ИЛИ НЕ ЖИТЬ?

I

Была темная ночь поздней весны. Тучи громоздились друг на друга. Глубокий мрак окутал все вокруг.

Кура, разделяющая Тифлис на две части, билась о прибрежные камни, катясь стремительно и бурно.

Было далеко за полночь. Огни в домах погасли. На нижнем берегу Куры в маленьком оконце тускло светила лампа. Там, за этим окном, томимый бессонницей человек не находил себе места. Устремив взгляд в одну точку, он все думал и думал и никак не мог уснуть. Глубокие вздохи разрывали ему грудь. Две горячие слезы скатились по его щекам. Губы его невольно прошептали: «Лавка моя ограблена, все товары унесены... Целая куча детей... Старик-отец... Что же мне теперь делать?.. Если б только я мог занять немного денег», — пронеслось в его голове. Он обхватил руками колени.

— Ну, и времена настали... Стоит человеку упасть, как люди стараются растоптать его, никто не протянет руку помощи, — и он снова опустил голову на подушку. Веки его сомкнулись. Лицо застыло в жалкой растерянности. Прерывисто дыша, он опять не мог уснуть — горькие мысли одолевали его. Они глубокой болью отзывались в сердце. Словно разрубив, наконец, узел, все туже стягивающий его, он вскочил с постели. В глазах его сверкнул луч надежды. Накинув пальто на плечи, он принялся расхаживать по комнате. «Наш сосед, Аванес — мой старый друг и кум, — сказал он про себя. — Если я расскажу ему о своем горе, то сумею одолжить немного денег. А потом найду, как прокормить семью». Надежда и радость озарили его лицо. Но этот проблеск радости

мгновенно погас. Широко раскрыв глаза, он прошептал в страхе:

— А если не даст?

Через минуту, подняв голову, он добавил прерывающимся голосом. «Тогда остается одно — покончить с собой». — Охваченный этими мыслями, он снова лег и, наконец, забылся тревожным сном.

Утром, когда он открыл глаза, солнце взошло, осветив землю своими теплыми лучами. Они слепили его глаза, воспаленные и покрасневшие от страданий и бессонницы. Он быстро спустился с кровати, умылся, оделся, чтобы идти к своему куму, Аванесу. У порога он вдруг остановился, словно пригвожденный.

— Нет, хотя Аванес мой близкий друг, я к нему не пойду, — решил он и снова задумался. В дверь постучали. Аслан открыл дверь.

Пришедший оказался самим Аванесом.

— Аслан, что ты думаешь делать?

— Пока ничего не придумал.

— Сколько денег надобно тебе, чтоб закупить товар для лавки?

Опустив голову, Аслан молчал. Аванес снова спросил о том же.

— Если б я мог занять триста рублей сроком на шесть месяцев... — начал Аслан.

— Я принес как раз триста рублей, — прервал его Аванес, чтоб дать их тебе. — И он протянул деньги Аслану.

Как Аслан и Аванес были старыми друзьями, так и жены их Марал и Асмик были близкими приятельницами. Их семьи постоянно виделись, и радости и горести одной семьи всегда разделяла вторая.

У Аслана был старый дядя, брат его отца. Дома все любили и уважали его. Марал днем и ночью не отходила от этого доброго старика, заботливо ухаживала за ним. Старика звали Баба. Этот бедняга-старик забывал обо всех своих печалях, называя Аслана сыном, а Марал дочерью. Аванес очень любил поговорить со стариком и часто приходил к нему.

Но вот однажды Баба тяжело заболел. Позвали врача, никакое лечение, никакие лекарства не помогли. Все в доме опечалились. Аванес и Асмик ежедневно навещали Бабу. Через неделю Баба скончался. Носилки с телом Бабы понесли на своих плечах Аслан и Аванес.

Аслан похоронил дядю со всеми почестями. На седьмой день, по обычаю, справлялись поминки. Пришедшие почтить память старика поели, попили и ушли. В доме, кроме Аванеса и Асмик, никого из посторонних не осталось. Асмик двинулась медленно и тяжело, и Марал сказала:

— Асмик-баджи, желаю тебе счастливых родов. Ждать их уж недолго. Дай бог тебе сына. Вы нам ближе, чем брат и сестра.

— Марал-баджи, для такого человека, как Баба-киши, и жизни не жалко, — сказал Аванес и потом обратился к Аслану:

— Аслан, если у меня родится сын, я назову его Баба, что ты скажешь?

— А что сказать, он будет светочем обоих наших домов.

Через несколько дней у Аванеса родился сын. Марал, как родная сестра, ходила за роженицей, смотрела за ее детьми, готовила обед, мыла, чистила, убирала. Мальчика назвали Баба. Действительно, ребенок стал любимцем и радостью обеих семей.

II

Был январь. Снежные хлопья, словно лепестки белых цветков, кружились в воздухе. Армяне, расколов сковывав-

ший Куру толстый лед, и совершив обряд крещения, с пением направились к находившейся за мостом церкви. Когда началось процессии было уже у самой церкви, а хвост в конце моста, послышался страшный грохот.

На мосту поднялась невообразимая суматоха. Однако люди, толпящиеся вокруг, не могли понять, что это был за шум и грохот и наседали друг на друга, пытаясь хотя бы на одну минуту скорее проникнуть в церковь. Увы! Кто мог подумать, что новый мост не выдержит и одного дня. Инженер, строивший мост, поскупился.

В одну минуту сотни людей, хватаясь друг за друга, погрузились в ледяную воду. Воздух сотрясали крики ужаса. Люди столпились на берегу. Некоторые глядели издали, другие спешили помочь близким. Аслан тоже оказался среди зрителей. Он стоял на самом берегу реки. Вдруг он увидел, что Аванес из последних сил цепляется за обломок бревна. Мог ли Аслан оставаться на месте? Сбросив с себя одежду, он мгновенно поспешил к Аванесу. С невероятным трудом он вытащил его на берег и принес домой. Едва придя в себя, Аванес сказал Аслану:

— Аслан, веками мы братья, хоть вера у нас и разная. Ты поступил как настоящий брат. Спасти человеку жизнь, значит подарить ее. До конца своей жизни я не забуду этого.

Аслан глубоко вздохнул и оглядел своего друга.

— Не я спас тебя, а ты сам. Год тому назад и меня судьба придавила. Я потерял голову и уже решил покончить с собой. И спас меня ты. Если бы тогда не спас меня ты, а сегодня тебя я, мы оба распрощались бы с жизнью.

Только наша дружба спасла нас.

1910

ХВАСТЛИВЫЙ ОХОТНИК

Жил когда-то охотник по имени Салман. Когда охотники собирались вместе, Салман начинал хвастаться, рассказывая длинную историю о том, какой он искусный охотник. Товарищи часто молча слушали, лишь лукаво улыбаясь.

Однажды двое охотников, Гейдар и Атакиши вышли охотиться на зайца. После долгих поисков вдруг перед ними возник огромный заяц. Гейдар, не упуская случая, тут же прицелился в зайца. И заяц плюхнулся на землю вместе с

прогревшим выстрелом. Они уже собирались забрать зайца и отправиться домой, когда увидели, как издали приближается охотник Салман.

— Гейдар, дружок твой идет... Послушай, меня осенила одна мысль, — сказал Атакиши, с усмешкой обращаясь к Гейдару.

С этими словами он вытащил из кармана ручку с бумагой и что-то написал. Затем, сложив бумагу, он вложил ее в пасть зайца. Посадив зайца на землю, на двух ножках, они вдвоем пошли встречать Салмана.

Увидев их с пустыми руками, Салман стал хвастать.

— Эх, и вы еще называете себя охотниками. А чем вы заняты с утра?

— Ай, Салман, что поделаешь, в охоте нам не везет, — ответил Гейдар с усмешкой.

Салман еще более стал распалаться:

— Так ведь вы не охотники. Я без дичи не вернусь.

Сказав это, Салман с присущим ему хвастовством бросил взгляд вокруг себя, и тут же заметил стоявшего на двух ножках зайца. Грохот его двухстволки оглушил всех. Все трое побежали к зайцу.

— Сам заяц идет к вам на руки, а вы говорите, нет дичи. У охотника должен быть меткий глаз, — сказал Салман, с довольным видом держа зайца над головой.

— Ай, Салман, не надо было тебе стрелять в этого зайца, какжись, он кому-то доставлял письмо, — ответил Атакиши, с трудом подавляя в себе смех. — Может, тебе же самому.

Заглянув в пасть зайцу, Салман только теперь заметил там письмо. Быстро достав его, он прочитал: «Жаль, что меня убил охотник Гейдар. Я мечтал погибнуть от пули хвастливого Салмана».

ХИТРОУМНЫЙ АЛЬБЕРТ

Лерго был рабочим на фабрике бязи. Он смертельно ненавидел кровопийцев-фашистов. Едва только начались бои с фашистами, Лерго вместе со своей женой ушли на фронт, поручив шестнадцатилетнего сына Альберта близкому другу и соседу Альбарессе.

Альберт был мальчик умный, отважный и стойкий. Он всегда стремился познать неизвестные вещи и потом с присутствием ему сочным языком рассказывал увиденные интересные события соседу Альбарессе. Тот любил Альберта как своего внука.

Когда испанские мятежники, получив поддержку от немецких и итальянских фашистов, начали наступление на город, республиканцы эвакуировали всех детей и инвалидов в безопасное место. И только на улице, где проживали Альберт и Альбаресса, остались несколько детей, стариков и женщин. Улица была захвачена фашистами, и поэтому их не успели вывезти. На улицах Мадрида с каждым днем все ожесточеннее шли схватки, фашисты все чаще переходили в наступление. Республиканцы, зная о новом пополнении врага, сражались еще более стойко, нанося врагу большие потери. От грохота пушек, завывания бомб, стрекотания пулеметов и лязга гусениц танков, глохли уши. Дома, двери и окна — все качалось, скрипело и звенело от тряски.

Альберт, вынужденный оставаться среди огня, был сильно перепуган в первый день. Он тревожился и о родителях, сражавшихся на фронте, и о своем тяжелом и опасном положении. И только старый сосед Альбаресса, любивший его как родной дед, утешал мальчика, вселяя в него надежду. Приютившись под крылышком Альбарессы, он забывал рядом с ним обо всех своих горестях и печалях. Постепенно Альберт стал привыкать к шуму и грохоту. Глядя на уличные схватки через пробитую щель на окне четвертого этажа, где они жили, Альбаресса с нетерпением ждал скорой победы республиканцев.

— Если бы я был взрослым, тоже ушел бы на фронт, — сказал однажды Альберт старому Альбарессе.

— А что бы ты делал на фронте? — спросил старый Альбаресса, с улыбкой глядя на сверкающие глаза маленького Альберта.

— Что бы делал? Я в один день разнес бы в пух и прах волчье логово!

Альбаресса погладил маленького гражданина по голове. — Не бойся, наша героическая армия разгромит врага.

Альберт еще ближе придвинулся к старику:

— Дедушка, почему эти немецкие и итальянские фашисты направляют войска в нашу страну? — спросил он, устремив свои маленькие, умные глаза ему в лицо.

— Сынок, фашисты — враги свободы народов. Они строят свое счастье на несчастье других народов. Фашизм — враг всякой свободы, — ответил старый Альбаресса, положив руку ему на плечо.

От этих слов лицо Альберта омрачилось. После недолгих размышлений, он поднял голову:

— Мы хотели изгнать из нашей родины своих фашистов. Куда же идут эти волки?

— Как куда? На мертвечину, падаль. Они хотят сделать нашу родину своей колонией.

— Как? Колонией?!

— Да, колонией! Не то, почему они идут? Эти захватчики всегда зарятся на земли других народов. Колонизация — это их политика.

— Нет, мы не дадим им и пяди своей земли!

Оглушающий грохот пушки на соседней улице не дал им договорить. Теперь уже обе стороны перешли в наступление. Взглянув через оконную щель, Альбаресса подозвал Альберта:

— Альберт, иди смотри, фашистский офицер с подозрительной трубой в руке дает команду своему войску.

Альберт быстро подошел и пристально посмотрел на улицу. Стоя в окопе, с подозрительной трубой в руке, и держа перед собой план фронта, офицер отдавал по телефону приказы.

Оторвав взгляд от щели, Альберт посмотрел на Альбарессу. Их взгляды были многозначительны.

— Дедушка, этот офицер стоит прямо под нашим окном, — сказал Альберт, отходя от окна.

— Нет, под окном Хуана, — тихо сказал Альбаресса.

Альберт быстро открыл дверь и вышел. Альбаресса, заподозрив что-то неладное в поведении мальчика, последовал за ним, желая узнать, куда тот двинулся и что у него на уме.

Подняв с земли толстый обломок железа с полпуда весом, Альберт пытаясь тащил его к окну.

— Альберт, что ты делаешь? — взволнованно закричал Альбаресса.

— Я сброшу это на голову фашистского офицера, — нахмурился Альберт, отрезав Альбарессу резким голосом.

Альбаресса хотел помешать ему. Но Альберт упрямо стоял на своем.

— У тебя не хватит сил, дай, я брошу, — сказал Альбаресса.

Альберт отказался. На их шум пришел сосед Хуан, бывший старый солдат. Его отец и младший брат погибли во время военной службы. Он и сам всю жизнь провел на службе. Во время бунта марокканского народа против испанского правительства, Хуан тоже был мобилизован в армию. На войне он был ранен в ногу, и остался калекой. Поняв, в чем дело, Хуан вырвал обломок железа из рук Альберта. Потом, оттолкнув их в сторону, сказал:

— То, что видели вы, видел и я. Он стоит под нашим окном. Вы отойдите отсюда. Это мое дело!

Он сказал это так категорично, что Альберт и Альбаресса вынуждены были молчать. Хуан потащил железо к себе в комнату. Несмотря на то, что открывать окна, выходящие на улицу, было запрещено, он тихонько приоткрыл окно и опрокинув железо прямо на голову офицера, тут же отошел в сторону. Железо размозжило голову офицера. В одно мгновение на улице поднялся переполох. Окно было взято под залповый обстрел.

Вскоре ожесточенно забарабанили в железные ворота двора.

— Вы удалитесь, они пришли за мной, — сказал Хуан Альберту и Альбарессе.

— Не бойтесь, пойдете, я вас так упрячу, что и не найдут, — сказал Альберт, потянув его за руку. Хуан не придавал значения его словам. Альберт же не отставал.

— Дядя Хуан, я тебя упрячу в таком месте, что никто не сможет найти. Ты только иди! — упорствовал он, не отпуская его руку.

Ворота отворились, полицейские и жандармы вышли во двор, где шум все более увеличивался. Хуан стоял у себя в комнате, не двигаясь с места. В дело вмешался Альбаресса. Альберт привел Хуана в комнату Альбарессы. У Альбарессы имелся большой палас. По распоряжению Альберта палас быстро развернули. Завернув в него Хуана, они приставили его к стене.

Жандармы вошли в комнату, из окна которой было брошено железо, и принялись искать Хуана. Не найдя его там, они обошли другие комнаты. Поискали и в комнате Альбарессы, перевернув все вверх дном. Они даже открыли и заглянули внутрь замкнутого на замок скособоченного сундука. Хуан не нашелся. От злости жандармы грызли себе губы. Соседка Альбарессы Мария, жившая в смежной комнате, бросила на него подозрительный взгляд.

— Наверное, его спрятали, — говорила она.

Жандармы еще долго допытывали Альбарессу. Толстый и низкорослый жандарм принялся бить его прикладом ружья.

— Почему вы избиваете моего дедушку? — закричал Альберт, припав к Альбарессе. Высокий, здоровенный жандарм потянул Альберта к себе за руку и стал допрашивать:

— Скажи, где спрятали этого человека? Не то мы уьем вас обоих, — сказал он.

— Мы ничего не знаем! — ответил Альберт. Жандарм всыпал ему несколько пощечин. На лице маленького Альберта остались красные следы от пальцев жандарма, глаза налились кровью:

— За что вы нас бьете? Какое нам дело до него? Если вы такие смелые, ищите и находите! — плача, отвечал он.

Жандармы, бранясь, ушли ни с чем. Но дом был оцеплен со всех сторон. Сражение все более ожесточалось. Отряд фашистов, у которого погиб командующий, под беспощадным натиском огня республиканцев, постепенно отступал назад. Мария, сын которой был фашистским офицером, все более и более нервничала. Она считала виновниками смерти фашистского командующего жителей этого дома и поэтому враждовала со всеми. Мария чуяла, что Альбаресса замешан в этом деле, и она подстерегала его, чтобы выведать, где спрятан Хуан.

После ухода жандармов Альберт и Альбаресса вытащили Хуана из паласа. Альберт очень радовался тому, что Хуан не попался в руки, что они сумели обвести жандармов за нос. Они оживленно разговаривали между собой. Услышав их разговор, Мария стала подслушивать, притаившись у дверей.

— Спасибо, Альберт, ты спас меня от смерти. Откуда ты вспомнил про этот палас? Что бы вы делали, если бы не было паласа? — говорил Хуан.

— Не было бы паласа, придумал бы что-то другое, — ответил Альберт. Услышав это, Мария тут же спустилась вниз. Она сообщила о случившемся жандармам, стоявшим у железных ворот. И снова жандармы заполонили двор. Но им было известно о наступлении республиканцев и отступлении фашистской армии. И поэтому тот же самый жандарм теперь уже неохотно поднимался обыскивать дом Альбарессы. Альберт видел их появление. Он быстро посадил Хуана в большой сундук и запер крышку. Явились жандармы. Едва ступив в комнату Альбарессы, они принялись разворачивать палас. Но внутри никого не оказалось. Они снова стали пытаться Альбарессу и Альберта. Но все было бесполезно. Уходя, они бросили:

— Мы поговорим с вами, как только затихнет стрельба.

Жандармы ушли. Альберт открыл сундук и выпустил Хуана. Все трое сидели и весело разговаривали.

— Эти звери как волки, чувят по запаху. Они пришли, услышав о том, что мы спрятали Хуана в паласе, — сказал Альбаресса. Потом добавил:

— Это дело рук Марии. Эта фашистка терпеть нас не может.

Альберт подтвердил его слова:

— В этот раз, когда пришли жандармы, я сильно перепугался. Этот маленький толстый жандарм несколько раз ко-

сился в сторону сундука. Что бы мы делали, если бы он заставил открыть сундук?

В это время Альберт услышал топот ног. Приложив палец к губам, он сделал знак: «тс...с!», потом, поднявшись с места, он неожиданно распахнул дверь. Мария подслушивала их, притаившись в дверях. Увидев Альберта, она густо покраснела.

— Эй, старуха, зачем ты подслушиваешь у наших дверей?

— Зачем мне подслушивать у вас в дверях? Мне надо было сказать вам кое-что, за этим и пришла, — ответила старуха отрывистым голосом, потирая руки.

— Что хотела сказать?

Мария не нашла, что сказать.

— Хочу спуститься вниз, следите за нашей дверью.

— Кому какое дело до твоей комнаты? — пренебрежительно сказал Альбаресса.

Альберт задумался.

— Маленький герой, о чем ты думаешь теперь? — с улыбкой спросил Хуан.

— Эта предательница опять пошла доносить. Куда мне спрятать тебя, если они придут? Вот об этом я и думаю, — ответил Альберт задумчиво.

Вдруг Альберт радостно вскрикнул: «Ага, нашел!..» Не успев договорить, он быстро вышел из комнаты. Вскоре он вошел, держа под мышкой кривую тыкву.

— Дядя Хуан, встань-ка, пошли!

Глядя то на Альберта, то на тыкву у него под мышкой, Хуан изумленно спросил:

— Куда, сынок?!

— В бассейн Марии!

— Что ты задумал?

— На этот раз я спрячу тебя в бассейне. Ты войдешь в воду. А эту тыкву посадишь на голову, — сказал Альберт, посадив для пробы на голову Хуана давно уже выдолбленную тыкву со срезанной головкой. Тыква прекрасно скрывала его голову и шею.

— Альберт, у тебя чертовский ум, откуда пришла тебе в голову мысль о тыкке? На этот раз Хуана ни за что не найти фашистам, — сказал Альбаресса.

— В ней я могу задохнуться, — сказал Хуан, сняв с головы тыкву. Альберт показал ему несколько дырок в тыкке.

— Вот через них ты будешь дышать. Я сделал ее для своей птицы, — успокоил он Хуана.

В это время во дворе поднялся шум.

Хуан быстро побежал в кухню Марии. Увидев приближающихся жандармов, он погрузился в бассейн, посадив на голову тыкву.

На этот раз жандармы были сильно распалены. Как только вошли в комнату, они в ярости заорали на Альбарессу.

— Эй старик, лучше сдай нам этого человека, не то мы уьем и тебя, и мальчика!

— Откуда мне дать его вам? Не достану же из-под земли!... Вот комната, вот вы, пожалуйста, если найдете его у меня в комнате тогда поступайте, как знаете!

Низкорослый, толстый жандарм с трудом подавил в себе гнев.

— Дай сюда ключ!

Альбаресса отдал ключ. Жандарм открыл сундук. Внутри было пусто. Они посмотрели друг на друга. Альберт, выступив вперед, пустил в ход свой красноречивый язык:

— Граждане, вот наша комната перед вами. Где мы можем спрятать его? Да и почему мы должны его прятать? Вы не верьте словам этой Марии. Она всегда ругается с моим дедом Альбарессой. Все что ни скажет — все ложь!

Красноречие Альберта не успокоило их. Мария так убедила фашистов, что те не отставали. Они долго били Альберта и Альбарессу прикладом ружья. Но все было бесполезно. Уходя, низкорослый, полный жандарм пригрозил:

— Если не выдадите этого человека, ваш дом будет обстреливаться пушками. Это уже решено.

Жандармы ушли. Тела Альберта и старого Альбарессы почернели от ударов прикладами. Они с трудом сдерживали себя, стараясь подбодрить друг друга. Усевшись на полу, Альбаресса молча думал. Они позабыли про Хуана. В это время Мария, ворча как медведь, в которого попали камнем, возвратилась домой. Видно было, что жандармы помучили ее за ложные доносы. Она направилась из коридора прямо на кухню. В это время Хуан, почуяв отсутствие жандармов, с тыквой на голове вышел из бассейна, увидев его, Мария в страхе попятилась назад и заорав изо всех сил, плюхнулась на землю. На ужасный крик прибежали Альберт и Альбаресса. Мария как мертвая распласталась на земле, закатив глаза от страха. Хуан же, изумленно смотрел на нее, стоя у ее изголовья.

— Соседка, ты сама прячешь Хуана в бассейне, надев ему на голову тыкву, а потомносишь на нас.

Мария не ответила.

Бои все более ожесточались. Под пулеметной канонадой наступающих республиканцев армия фашистов отступала назад, отряд за отрядом. Глядя через оконную щель в комнате

Альбарессы на отступающие фашистские отряды, Хуан радовался. Подбежав вдруг к дверям, он закричал:

— Альберт, иди, посмотри, как убегают фашисты.

Альберт, радуясь, прибежал, держа Альбарессу за руку. Мария, как ужаленная, корчилась от злобы, кусая себе губы. Воспользовавшись уходом соседей, она проворно встала и заперев двери комнаты и кухни, куда-то ушла. Вдруг Альберт вспомнил о Марии. Боясь, что она снова пойдет доносить на них, он вышел на веранду, желая узнать, что та задумала. Двери комнаты и кухни Марии были заперты. Альберт скорее вернулся обратно. Он размышлял, закусив палец. Увидев его, Хуан спросил:

— Хитрец, о чем еще думаешь? Через час мы будем приветствовать нашу победоносную армию. Готовь же цветы!

— Для того, чтобы увидеть тот счастливый день, сначала надо еще спасти тебя. Мария заперла двери комнаты и кухню и пошла доносить. Вот-вот придут жандармы. Я размышляю о том, как выйти из положения.

— Пусть только храбрые, как львы, сыны испанского народа одержат победу над этими оголтелыми фашистами, а смерти я не боюсь, — сказал Хуан с улыбкой.

Альберт ничего не ответил; с задумчивым видом он вышел из комнаты. Вскоре он вошел с веселой улыбкой, держа в руке большую корзину. Взглянув на него, Альбаресса и Хуан засмеялись. — Умница моя, что же ты теперь выдумал? — спросил Альбаресса.

— Дядя Хуан, на этот раз я посажу тебя в корзину и подвешу с потолка, — ответил Альберт, поставив корзину на землю.

Хуан то смотрел на Альберта, то на старую, огромную корзину.

— Наша корзина не выдержит меня, я опрокинусь оттуда вниз головой, — сказал Хуан, обращаясь к Альбарессе.

Положив руку ему на плечо, Альберт успокоил Хуана:

— Я устрою дело так, что если даже и упадешь, повреждений не получишь!

После этого Альберт быстро взглянул наружу. Глядя из окна во двор, он увидел, как два жандарма тихо разговаривают, стоя внизу, на ступеньках; они колебались — подниматься наверх или нет. Альберт не отводил глаз от них. Они долго советовались меж собой, наконец, высокий здоровенный жандарм начал медленно подниматься по ступенькам. Быстро вбежав в комнату, Альберт закричал: «Пришли!». С помощью Альбарессы они поместили Хуана в корзину и потянув за веревку наверх, туго привязали ее на средний гвоздь потолка. После этого они отодвинули в сторону стол и табу-

решку, поставленные под ноги. Альберт пошел к дверям. Встретив там направляющегося в их сторону жандарма, он сказал:

— Вот, гражданин, ты столько нас мучил понапрасну, а этого человека сама Мария спрятала на кухне в бассейне, посадив ему на голову большую тыкву.

— А куда он делся, где спрятался, — с ухмылкой спросил жандарм.

— Проходя по веранде, я видел, как он вышел из бассейна. Вначале перепугался, но когда он снял тыкву, я узнал его. Я побежал к себе в комнату, чтоб рассказать деду про эту смешную историю. Когда мы вышли на веранду, тот куда-то пропал. Что случилось, куда он делся — мы так и не узнали. Посмотри, она ушла, заперев кухню, может, он и сейчас еще там?

Жандарм злобно улыбнулся:

— Знаю, это вы его прячете. На этот раз я пришел забрать вас самих.

С этими словами жандарм собирался войти в комнату Альбарессы. В этот момент Альберт увидел, что нога Хуана высунулась из отверстия корзины. Стараясь отвести внимание жандарма, Альберт использовал трюк. Войдя в комнату, он стал заговаривать жандарму зубы и пользуясь удобным моментом, пододвинул стул прямо под корзину.

— Ты иди, садись на стул, а я расскажу тебе о случившемся, — сказал он, потянув жандарма за руку.

Жандарм и без того уже выдохся, все время поднимаясь и спускаясь по лестнице. И поэтому тут же плюхнулся на стул.

— Гражданин жандарм, — сказал Альберт, — если хотите знать, я с самого начала недолюбливал Хуана. Он тоже не любит меня: как увидит, бежит от меня. Потому что я сочинил про него вот такую песню, — после этого Альберт запел:

Эй Хуан, голова твоя садовая,
Эй Хуан, душа твоя постылая,
Подними же выше ногу,
Эй Хуан, корзина дырявая.

Хуан понял, что этими словами Альберт делает ему знак. Потому что его нога значительно высунулась из дыры в корзине. Если бы жандарм поднял голову, он тут же увидел бы его. И поэтому Хуан, весь подобрался в корзине и только хотел он затащить ногу обратно, как корзина, сорвавшись, грохнулась на голову жандарма. И он распластался на земле лицом вниз. Его шея вошла в плечи. Упав на землю, Хуан, подбравшись, пустился наутек прямо к себе домой, заперев дверь изнутри. Жандарм стонал на полу. Приблизившись к окну, Альберт вдруг крикнул:

— Ой, фашисты убежали, по улице несется конница республиканцев, убивают жандармов.

При этих словах жандарм, согнув голову, быстро поднялся на ноги и увидел своими глазами сложность ситуации он, глядя на Альберта, взволнованно воскликнул: «Ай, что теперь мне делать».

— Иди сюда, здесь тебя не найдут, — сказал Альберт, открыв крышку сундука.

Альберт и Альбаресса, таща его за руки, пихнули в сундук, Альберт запер крышку сундука, и сунув ключ в карман, улыбнулся Альбарессе:

— От этого избавились, — тихо сказал он.

В это время шум на улице усилился. Республиканцы и в самом деле преследовали бежавших фашистов, убивая попавшихся им в руки жандармов. В страхе за свою жизнь, жандармы прятались по дворам.

— Ой, пришли наши, пришли наши! — громко крикнул Альбаресса.

Альберт вышел из комнаты, чтобы сообщить об этом Хуану. На веранде он столкнулся с двумя жандармами.

— Мальчик, ты сможешь нас спрятать? — спросили они, прося о помощи. Один из них был тот самый низкорослый и толстый жандарм. Альберт повел этих типов в комнату.

— Я тебя много помучил. Придет время, и я отблагодарю тебя, — сказал низкорослый жандарм, кладя руку Альберту на плечо.

Альберт не ответил. С помощью Альбарессы они завернули и спрятали одного в паласе. Низкорослого же жандарма посадили в корзину и подвесили на потолок. Конец длинной веревки они привязали на гвоздь, прибитый рядом с дверью. В это время с плачем вошла Мария:

— Вот я вас берегла, теперь вы меня уберегите, враг идет.

Альберт повел ее в свою же кухню и усадил в бассейн, надев тыкву на голову:

— Не бойся, здесь тебя никто не найдет!

На улицах заиграли победный марш. Альбаресса распахнул настежь все окна. Пришел и Хуан. Ликуя от радости, они замахали платками, приветствуя армию:

— Да здравствует победоносная испанская армия республиканцев!

В это время по улице шествовал отряд конных офицеров. Они остановились в середине улицы. Кто-то из офицеров, указывая рукой, сказал:

— Его убили вот здесь. Я видел в подзорную трубу.

— Граждане, этого фашистского офицера убил вот этот дядя Хуан, — крикнул Альберт. — Он размогзил его голову железом.

Альберт так громко закричал, что офицеры тут же обернулись в его сторону и в знак признательности сняли фуражки.

— Граждане, спускайтесь вниз! — громко кликнул их самый старший среди них по рангу.

— Уважаемые офицеры, — откликнулся Хуан, прижав к груди голову Альберта, — эту мысль мне поддал вот этот маленький герой Альберт и Альбаресса, которые, несмотря на пытки, четырежды прятали меня от фашистских жандармов. Чем спускаться нам, лучше вы поднимайтесь наверх и взгляните воочию на уму непостижимые проделки этого маленького героя и к тому же примите приготовленные для вас четыре сюрприза!

Офицеры со смехом и удивлением посмотрели друг на друга. Три офицера, спешившись, вошли во двор. Хуан привел их в комнату Альбарессы. Они приветствовали друг друга как близкие, друзья. Старый Альбаресса рассказал офицерам всю историю от начала до конца. Офицеры слушали его с изумлением. Они разразились хохотом от проделок Альберта во время укрывательства Хуана. Маленький герой Альберт вырос в их глазах. Они были восхищены его мастерством и зрелым умом:

— Спасибо, маленький герой Альберт! — говорили они, обнимая и целуя его в лоб.

— Альберт, не мешкай, вручи им подарки! — сказал Альбаресса со смехом.

Альберт подошел к паласу. Взяв его за край, он потянул изо всей силы; Альбаресса с Хуаном тоже помогали ему. Когда развернули палас, оттуда вышел жандарм.

— Забирайте, вот один! — сказал Альберт, держа того за руку.

Потом, открыв сундук, он вытащил второго жандарма.

— А вот и второй...

Вместо с Хуаном Альберт развязал веревку, привязанную на стене и осторожно спустил вниз. При виде скорчившегося в корзине жандарма, офицеры засмеялись.

Разоружив жандармов, офицеры поблагодарили отважных жителей маленького здания, выразив желание отправиться в штаб вместе с ними.

— Вы тоже вместе с нами пойдете в штаб. Наши солдаты должны увидеть таких героев, как вы.

Альберт же все еще продолжал комедию:

— Ой, мы забыли о четвертом подарочке, примите и его! Офицеры вслед за ним зашли в кухню. Мария с тыквой на голове бесшумно сидела в бассейне.

— Друзья, догадайтесь: где спрятан четвертый фашист? Поищите!

Поискав на кухне, офицеры никого не нашли. Альберт со смехом снял тыкву с головы Марии. Офицеры изумленно смотрели друг на друга, потом громко засмеялись. Все были в восхищении от ухищрений маленького Альберта.

— Маленький герой, откуда пришли тебе в голову такие мысли? Этого не придумает и взрослый человек.

Нахмутив брови, Альберт тут же ответил:

— Эти мысли пробудила во мне любовь к родине. Мы на смерть будем сражаться с фашистами, не дадим им и пяди своей земли!

Офицеры с гордостью качая и подбрасывая вверх Альберта, кричали:

— Да здравствует героический сын родины, маленький Альберт!

Мария с растрепанными волосами пугливо вышла из бассейна. Ее вместе с жандармами офицеры сдали уличному караулу.

Альберт ехал на коне рядом с офицерами. Проходящие по улице люди кричали:

— Да здравствует непобедимая армия испанского народа!

— Да здравствуют героические дети испанского народа! — вторили им офицеры, указывая на Альберта.

ЦЕНА СЛОВА

(Сказка)

У богатого купца было три сына. Младшего сына купец любил больше всех. Старшие братья от зависти говорили: «Почему, интересно, отец любит его больше нас? Чем он лучше нас?»

Вскоре отцу стало известно о недовольстве братьев. Чтобы успокоить их, он решил еще раз испытать своего любимого сына.

У купца была драгоценность величиной с яблоко. По стоимости эта драгоценность была равна половине состояния

купца. Однажды купец вызвал к себе всех троих сыновей. Явились сыновья и встали перед отцом в ожидании приказа. Отдав драгоценность старшему сыну, купец сказал:

— Сынок, тебе известно, что эта драгоценность равна по стоимости всему моему богатству. Возьми и кинь ее оземь, пусть расколется!

Старший сын, взяв драгоценность, в нерешительности посмотрел на отца:

— Отец, я не смогу разбить такую дорогостоящую вещь, жалко.

— Молодец, сынок, — сказал купец, передав драгоценность среднему сыну.

— Возьми, если можешь, ты разбей эту драгоценность!

Средний сын купца, как и старший, тоже не решился разбить драгоценность. Наконец, передав ее младшему сыну, купец поручил ему ударить и разбить ее.

Не успел купец договорить, как младший сын, ударив драгоценность об землю, разбил ее вдребезги. Безрассудство младшего брата привело в изумление старших братьев. Видя огорчение старших сыновей, купец обратился к своему младшему сыну:

— Сынок, как же ты, зная про стоимость этой драгоценности, превратил ее в безделицу?

— Отец, какой бы дорогостоящей не была эта вещь, твое слово для меня более ценно, — почтительно ответил младший сын.

ТАНЦУЮЩИЕ ЧЕРЕПАХИ

В большом здании жили несколько школьников-одноклассников. Каждый день, возвращаясь из школы, ребята собирались в солнечной и открытой части просторного двора, где бегали и играли в разные игры. Утомившись же, они садились на скамейку перед садиком, огороженным деревянным частоколом, и начинали беседовать. Однажды они снова играли, собравшись вместе. В это время подошел и Аслан, подбрасывая мячик. Ребята, сбежавшись, окружили его:

— Аслан, где ты достал этот мячик?

— Дай, поиграем.

— Давайте поиграем в лапту.

— Отойдите, никому не отдам, я сам буду играть с ним, — сказал Аслан, оттолкнув ребят.

— Аслан, что тут такого, дай и нам поиграть, — стали возражать ребята.

— Все будем играть, все.

— Отойдите, я один буду играть! — снова заорал Аслан.

Ребята молча стояли и смотрели. Аслан же, играя сам с собой, подбрасывал рукой мячик.

— Аслан, где ты купил этот мячик? — спросил Теймур.

— По дороге из школы я выхватил его из рук какого-то мальчика, — пренебрежительно ответил Аслан.

— Как, выхватил из рук мальчика? Разве учитель не говорил, что школьник не должен воровать?! — с удивлением спросил Ганбай.

Аслан, поигрывая мячиком, с той же пренебрежительностью ответил:

— Я же не воровал... просто выхватил из его рук.

— Это тоже воровство.

— Нет, не воровство!

— Конечно, воровство, ведь это чужая вещь.

— Бедный мальчик сейчас там заливается слезами.

— Да вдобавок еще и родители побьют.

— А мне-то что, пусть бьют, — сказал Аслан, подбросив мячик в воздух.

Теймур выбил мячик из его рук на землю. Все устремились к мячу. Сперва мяч подхватила Сара. Аслан хотел отнять его у нее. Видя, что сил не хватит, Сара отбросила мячик подальше. Ребята снова побежали. В этот раз мяч поймал Ганбай.

Пока Аслан подрос, он бросил мяч Саре. Аслан побежал к ней.

— Сара, Сара, бросай сюда! — закричал Теймур, отделившись от всех.

Сара перебросила мяч Теймуру.

— А ты бросай мне! — закричал Ганбай.

Пока Аслан подбегал, Теймур перебросил мяч Ганбаю. Аслан все бегал туда-сюда, но мячика так и не поймал. В конце концов он рассердился и принялся бранить товарищей. Это не понравилось Ганбаю.

— Заткнись, воришка, — сказал он, бросив мяч Аслану.

— Сам ты воришка, — ответил Аслан, быстро подхватив мяч.

— Если бы и я был воришкой, то как ты, отнимал бы чужие мячи.

— Если можешь, ты тоже отнимай.

— Я ни у кого не стану выхватывать из рук мячик. В

прошлом году ты также украл в классе у Самеда тетрадь с черной обложкой.

— Да, помню, помню, учитель хотел его выгнать. Он так долго плакал и умолял, что учитель пожалел его, — с усмешкой сказал Теймур.

— Идите сюда, не играйте с ним! — крикнул Ганбай.

— Правильно, идите все сюда, сами поиграем, — поддержала его Сара.

Все ребята столпились вокруг Ганбая.

— Завтра воскресенье. Я пойду к двоюродному брату. У него есть мяч, — сказал Теймур, как бы успокаивая сам себя.

Сара, стараясь рассеять уныние, предложила товарищам поиграть в одну из известных им игр:

— Во что поиграем? Скорее назовите игру!

Ганбай, вскочив от радости, воскликнул:

— И в самом деле, ведь завтра воскресенье. Ай джан, ай джан! Отец поведет меня в зоопарк. На прошлой неделе он водил меня в цирк. Там был музыкальный ансамбль из собак. Одна играла на кяманче, другая танцевала, а остальные хлопали. Потом выступили тюлени. Они носами перебрасывали мячик друг другу. А еще один слон так рассмешил нас...

Сара тоже собралась интересно провести воскресенье. И поэтому она сказала:

— Ну и что же, я тоже завтра пойду в театр.

Теймур не удержался:

— А я возьму из библиотеки новые книги и буду читать. Смастерю из картона машину и самолет.

— На что нужны книги, которые ты читаешь. Только и знает, что рассказывает о машинах и самолетах, — сказал Ганбай.

— Что лучше, — машины, самолеты, или же змеи, ежи, зайцы? А ты тоже такие книги читаешь, что... — со смехом ответил Теймур.

Сара попыталась защитить Ганбая:

— Ну и что же, он любит животных, читает книги о них, а ты любишь машины.

— А что лучше? — спросил Теймур.

— Кто что любит, то и лучше, — ответила Сара.

В это время Улькер сидела на скамейке перед садиком и слушала их. Она училась в десятом классе, была серьезной, начитанной ученицей, и к тому же она являлась пионервожатой. Разговор ребят натолкнул на интересные мысли. Вот какие важные задачи стоят перед пионервожатой, — подумала она про себя и позвала ребят:

— Ребята, идите сюда!

В один миг ребята окружили ее плотным кольцом. Улькер сказала:

— Я слышала ваш разговор. Теперь после этого я сама займусь вами по выходным дням и во время каникул, чтобы все делали полезное дело.

Ребята подпрыгивали от радости.

— Куда вы нас поведете завтра? — спросил Теймур.

— Завтра я принесу вам мячик. Вы поиграете на площадке в футбол — ответила Улькер.

Лица ребят сияли радостью. В это время пришел и Аслан, держа мяч в руке.

— Куда пойдете завтра? — громко закричал он.

— Ты — никуда, — сказал Теймур, сердито взглянув на него.

Улькер сказала:

— Нет, мы и его возьмем с собой.

— Мы не хотим играть с ним.

— Почему же?

— Потому что он ворует.

Аслан не стерпел этих обид:

— Сам ты вор!

— Если бы он был вором, то тоже стал бы отнимать из рук детей их мячики, — рассердившись на Аслана, сказала Сара.

Теймур добавил:

— В классе он украл тетрадь у ребят.

Аслана совсем приперли к стене. Ему было трудно защищаться от этих справедливых нападков. Он растерялся. И вдруг расплакался навзрыд.

— Я же не воровал у вас ничего! — только и смог сказать он в отчаянии.

— Если под руку подвернется, украдешь, — сказала Сара, гневно взглянув на Аслана.

Улькер рассердилась на ребят:

— Молчите, после этого Аслан не будет поступать так недостойно, — потом обернувшись к Аслану, она спросила:

— Аслан, ты знаешь мальчика, у которого отнял мячик?

— Знаю и самого и дом, где он живет.

— Завтра я принесу вам мячик. Ты же иди и верни его мяч, а потом возвращайся. Пока ты вернешься, мы тут составим план работы на время каникул и по воскресным дням.

Аслан ушел. Собрав ребят вокруг себя, Улькер стала спрашивать их пожелания:

— Сара, чем ты хочешь заниматься во время каникул?

— Хочу пойти в театр.

— А еще что любишь?

— И еще гулять с детсадовскими детишками, играть с ними.

— Теймур, а ты что любишь?

— Я люблю книги, рассказывающие о машинах, кораблях, самолетах.

— Ганбай, а ты чем интересуешься?

— Я люблю животных. Если даже каждый день буду ходить в зоопарк, цирк, и то не устану.

Сара подтвердила слова Ганбая:

— Правду говорит. В школе он не вылезает из уголка природы, не может оторвать глаз от висящих на стене картин.

— На уроках природоведения он столько задает вопросов о жизни и характере животных, что надоедает учителю, — добавил Теймур.

Вытащив из нагрудного кармана клочок бумаги и ручку, Улькер записала в одну строчку: музей, детский садик, театр, зоопарк, цирк, фабрики и заводы.

В это время подбежал и Аслан.

— Я отнес и отдал мячик самому мальчику. Он так обрадовался... — сказал он, обращаясь к Улькер.

— А где был мальчик? — спросила Сара.

— Сидел на пороге в дверях. Когда я подошел к нему, он узнал меня. Сердито посмотрел на меня. Не успел я спросить у него: «Это твой мячик», как он выхватил его из моих рук, и не отводя глаз от меня, ответил: «Да, мой». Я молча вернулся обратно. А мальчик радостно выбежал во двор.

Все остались довольны поведением Аслана. Улькер обрадованно сказала:

— Аслан, вот теперь ты хорошо поступил. После этого ни у кого не отбирай мячей. Я уже спросила у твоих товарищей, теперь ты скажи, чем хочешь заняться во время каникул? Что любишь больше всего?

— Я люблю агрономию, — ответил Аслан, чуть подумав.

Улькер добавила в план: «Экскурсия в ближайшие колхозы и совхозы». Потом, обращаясь к ребятам, сказала:

— Завтра будете играть в футбол. После полудня прочитаю вам книгу. Книга рассказывает о новом самолете, который смастерил один мальчик. В следующее воскресенье я поведу вас в музей. А во время каникул пойдем в зоопарк. Потом организуем экскурсию в театр, цирк, детский садик, ближайшие колхозы и совхозы.

Ребята были очень довольны.

Первый воскресный день прошел для ребят очень хорошо. Утром поиграли в футбол. После полудня прочитали книгу «Новый бумажный самолет». По мере того как Улькер читала, все поражались мастерству маленького Мамиша. Теймур

внимательно слушал. Время от времени глубоко вздыхая, он говорил:

— Я сделаю самолет лучше, чем он.

Прочитав книжку, Улькер взглянула на Теймура, который со вздохом сказал:

— Если бы этот Мамиш был здесь, мы бы вместе смастерили самолет.

Улькер засмеялась.

— Разве тебе не достаточно столько друзей? —

Теймур был веселым и озорным мальчиком. Указывая рукой на товарищей, он сказал:

— С ними мне не по пути. Один говорит про капусту и лук, другой — про ежа и зайца.

Улькер возразила:

— Все это нужно. Нельзя ничего называть «плохим»! Главное достоинство в человеке — быть способным к какому-то делу и добиваться успеха на этом поприще.

С ее словами согласились все. В тот вечер все были в хорошем настроении и поэтому лучше подготовились к занятиям, а на завтрашний день в классе они хорошо отвечали на вопросы учителя. Ребята поняли, для того, чтобы хорошо овладеть какой-то профессией, прежде всего, нужны знания.

Ребята ждали воскресных дней с большим нетерпением.

На следующей неделе они отправились в зоопарк.

Ребята ходили перед расставленными в ряд железными клетками и смотрели на зверей и птиц. Когда Теймур проходил мимо одной из железных клеток, к нему потянулась рука. Обернувшись, он увидел обезьяну.

Обезьяны игрались со своими детенышами. Теймур кликнул Ганбая:

— Иди сюда, иди сюда! Смотри, как играют обезьяны, а одна чуть не схватила меня рукой.

Ганбай внимательно разглядывал их, размышляя о том, кто какой породы. А Теймур в это время просовывал в клетку палку и дразнил их.

Огромная обезьяна подошла вплотную к решетке клетки и стала в безразличной позе. И сколько ни протягивал Теймур ей палку, та никак не реагировала.

Ганбай и Улькер несколько раз предупреждали его: «Не дразни, укусит руку», но Теймур не обращал внимания. Когда уже в очередной раз он просунул палку, обезьяна вдруг молниеносно набросилась и, схватив его руку, обеими лапами впихнула в пасть. Теймур закричал от страха. Ганбай ударил обезьяну своей палкой. Улькер тоже принялась барабанить по ней кулаками. Испуганная обезьяна отпустила Теймура.

На руке Теймура остались следы от зубов обезьяны. Рука сильно побаливала.

— Что случилось, Теймур, что случилось? — спросили ребята, столпившись вокруг него.

— Ничего особенного. Он задел моих обезьян, а они пошутили с ним, — со смехом ответил Ганбай.

Ребята проходили перед клетками, глядя на их обитателей. Ганбай остановился перед маленькой клеткой. Глядя на двух маленьких черепашек в клетке, он сказал товарищам:

— В цирке я не видел, чтобы они выступали. Видимо, это такие непонятливые животные, что их невозможно чему-то обучить.

Улькер, тронув его за плечо, сказала:

— А ты обучишь их, не такое уж сложное дело.

После того, как Улькер начала работать в школьной пионерской организации, там произошло заметное оживление. Предстоящие интересные экскурсии и игры во время каникул очень занимали ребят и поэтому они все с радостью участвовали в них. Эти разнообразные мероприятия, проводимые Улькер, имели влияние на таких, как Аслан.

Ганбай очень любил животных. Он мог часами стоять в уголке природы, уставившись на картины. Если в город привозили животных для зрелища, или показывали представленные зверей в цирке, он отправлялся туда вместе с отцом и смотрел с удовольствием. Ганбая очень интересовали их игры, образ жизни и характер. Он приходил в восторг от выступлений собак, кошек, свиней, слонов и даже тюленей. Про себя он думал: «Откуда находят таких умных животных?»

Однажды он спросил у отца:

— Папа, кто учит животных этим играм?

— Сынок, кто обучает тебя в школе? — спросил отец в свою очередь.

— Учитель.

— У них тоже есть свой учитель, который обучает их.

— Это я знаю, но как же они обучают таким играм этих бессловесных животных?

— Сынок, помнишь в цирке был человек с прутиком в руке. Ты его заметил?

— Заметил.

— Вот он и есть учитель, к тому же искусный учитель. Ученый человек, хорошо изучивший свое дело, годами набравшийся опыта. Как свои пять пальцев, он знает образ жизни и характер животных. И поэтому ему не так трудно дрессировать их.

Ганбай опять зумался. Вдруг, встряхнувшись, он радостно воскликнул:

— Папа, ты разрешишь мне стать дрессировщиком животных, когда я вырасту?

Отец погладил его по голове:

— Только бы наступил тот день, сынок! Я буду очень рад. Но только человек, пожелавший стать дрессировщиком животных, прежде всего должен любить этих животных. Вот после этого ты не станешь обижать нашу домашнюю кошку Мермер, соседскую собаку Гаплана!

Ганбай покраснел, так как иногда, увлекшись игрой, бил их.

— Папа, после этого я не стану их обижать. Буду играть с ними, — неожиданно сказал он, взяв отца за руку.

С того дня Ганбай еще сильнее полюбил животных. Мысль стать дрессировщиком крепко засела в его голове. В цирке он видел, как дрессировщик играет на кяманче какую-то мелодию, заставляя танцевать животных. Купив маленькую кяманчу, Ганбай стал учиться играть на ней.

В селении Тюркан был колхоз. В совхозной бахче, не имеющей конца и края, обитали две черепахи. Они прекрасно жили среди кустиков, листьев. Когда наступала их снежная вьюжная зима, они забирались в нору и погружались там в спячку на целых три зимних месяца.

Наступила весна. Теплые солнечные лучи во все вдыхали жизнь. После долгой спячки пришло время проснуться и черепахам.

В один прекрасный день обе черепахи открыли свои сонные глаза. Они давно проголодались. Там, на открытом воздухе их ожидали теплые солнечные лучи, атласные, мягкие и нежные травы. Они тихо-тихо поползли и выбрались наружу.

Колхозники трудились вовсю: кто-то разрыхлял землю, кто-то сеял семена, а кто-то разбивал грядки в бахче.

Все трудились с азартом, чтобы выполнить план, во время работы их лица сияли радостью и довольством. Вокруг грядок росла мягкая зеленая трава. Обе черепахи, набросившись как голодные волки, принялись пожирать эту траву.

Наступили желанные дни для черепах. С каждым днем воздух становился все теплее, росли листья, зеленели огорды и бахча.

Черепаха-самка уже отложила яйца. Вскоре из яиц вылупились детеныши.

Черепаха-самка, обрав вокруг себя детенышей, бродила по огороду, кормила их и учила, как защищать себя от врага. Солнце клонилось к закату. Горячий песок превратился в раскаленные угольки. Вдалеке колхозники отдыхали под платаном. Шум и гам прекратился. И только одни черепахи

бродили вокруг политых водой грядок. На небе лениво парил сокол. Как будто найдя свою жертву, он расправил свои крылья, устремив глаза на землю. Птица медленно стала опускаться. Вскоре она опять расправила крылья, неподвижно застыв в воздухе. Вдруг, набросившись, сокол вцепился когтями в черепаху-мать и поднялся в воздух. Поднимаясь все выше и выше, птица полетела в правую сторону. Вскоре она приблизилась к своему гнезду, свитому на вершине высокой скалы. Неожиданно, бросив черепаху на скалу, она стала спускаться вслед за ней. Черепаха, разбившись, вывалилась из панциря. Схватив ее когтями, сокол сел на краешке своего гнезда. Увидев его, птенцы запищали, вытянув в его сторону свои голые шеи. Растерзав черепаху на части, сокол накормил своих птенцов.

Наступили летние каникулы. Улькер вместе со своими пионерами приехала в селение Тюркан. Улькер поинтересовалась работой сельской пионерской организации, желая оказать помощь, ознакомила пионервожатых с новыми методами работы. Для проведения культурно-просветительских работ среди колхозников она определила в колхоз Аслана. Пионеры ежедневно принимали на берегу моря песочные и солнечные ванны, купались, играли в футбол и время от времени ходили на экскурсию в колхозы и ближайшие селения.

Дела у Аслана шли хорошо. Он достиг своего желания, с удовольствием работал в колхозе. Изучал сорта урожая, способы их выращивания, удобрения почвы. Ганбай часто навещал Аслана. Однажды Ганбай снова пришел проведать его.

Вместе с ним Аслан из конца в конец обошел бахчу. Он показывал Ганбаю грядки с кустиками помидоров и баклажанов, давал пояснения. Ганбай думал про себя: «Вот как изменился Аслан, которого мы оскорбляли, называя воришкой! Теперь он стал трудовым человеком». С этими мыслями он проходил мимо кустиков арбузов и дынь. Вдруг неожиданно Ганбай заметил среди кустиков двух детенышей-черепашек. От радости он не находил себе места. Чтобы подобраться к ним, ему пришлось ступить на грядки.

Увидев его издали, черепашки стали убегать. Теперь они были беспомощны без матери, и все страшilo их. В тот день черепашки были сильно напуганы соколом. Дуновением сильных крыльев, птицы их отбросило в разные стороны. После этого они долго еще не могли прийти в себя. Открыв жемглаза, они не нашли рядом свою мать. С того дня черепашки жили среди кустиков в страхе и ужасе.

Ганбай подошел к ним поближе. Обе черепашки с перецу-

гу втянули головы в панцири и застыли. Взяв каждую в одну руку, он выбрался из грядок.

— Аслан, смотри, что я нашел, — радостно воскликнул он.

— Это то, что тебе хотелось, и какие они малюсенькие, — рассмеялся Аслан, глядя на них.

— Пока, Аслан! Увидимся, — сказал Ганбай на ходу, убегая. Входя через высокие ворота большого сада, он закричал:

— Смотрите, что я принес!

Ребята столпились вокруг него.

— Что, что? Дай сюда, дай сюда!

— Ганбай, где ты нашел их?

— На грядках.

На шум пришла и Улькер. Увидев черепашек, она воскликнула:

— Ой, какие малюсенькие! Никогда не видела таких маленьких черепашек.

— Улькер-муаллима, я оставляю их у себя, — радостно сообщил Ганбай.

Черепашки, втянув головы в панцири, неподвижно застыли. Ребята окружили своих маленьких гостей, все еще не желая оставить их одних.

Ганбай куда-то убежал, таща с собой деревянный ящик с плетеной крышкой. Он давно уже смастерил этот ящик. Опустив черепашек в этот ящик, он прихлопнул крышку.

В тот день от радости Ганбай не чувал ног под собой. Он то и дело ходил проведать их. Увидев его, черепашки пугливо пятились.

Ганбай был озабочен. Он все думал о том, как дрессировать черепах. Чему учить? Как учить? С чего начать? Он не мог еще выяснить все это для себя. И эти мысли утомляли его. Даже по ночам, ложась в постель, он составлял различные планы. Где-то он слышал, что перед тем, как дрессировать животных, их держат голодными. И поэтому весь день до самого утра он не давал им поесть.

Наступило утро. Едва проснувшись, Ганбай тут же побежал к черепахам. Голодные невольники искали выход из ящика. Увидев Ганбая, обе тут же спрятали головы и неподвижно застыли. Ганбай протянул им пучок травы. Они испугавшись, попятнулись. Ганбай долго возился, но они упрямо не хотели есть траву. «Ничего, проголодаются и в конце концов станут есть», — подумал он тогда.

В тот день Ганбай был очень занят. В сельском клубе пионеры собирались дать представление. Они то украшали клуб, то разыгрывали свои роли.

Вместе с товарищами Ганбай работал до самого вечера. Когда он возвращался домой, солнце уже клонилось к закату и было прохладно.

Он был озабочен мыслями о черепахах и поэтому был сам не свой. Товарищи дразнили его:

— Пока ты доберешься, черепахи помрут от голода.

— Не пойму, чего ему нужно от этих черепах?

— Я брезгую брать их в руки.

— Не говорите, он обучит черепах, и они будут танцевать в цирке.

Ганбай изредка отвечал на эти шутки, а иногда же попросту смеялся. Едва добравшись до дома, он тут же проведаль черепах. Голодные черепахи облизывали крышку ящика и искали выход из него.

Увидев Ганбая, черепахи спрятали свои головы. Ганбай открыл крышку ящика. Он протянул в их сторону собранные по дороге листья подорожника. Голодные черепахи, почуяв запах травы, высунули головы, и стали пугливо есть листья. Ганбай от радости не находил себе места. Он прекрасно выдержал первое испытание. Черепахи начали есть траву прямо из его руки. Это было большим успехом. Он добился первой победы. У него расправилась грудь, глаза засветились надеждой.

Накормив черепах, Ганбай помчался в столовую. Товарищи ужинали. Во главе сидела Улькер.

— Улькер-муаллима, я научил черепах есть из руки, — сказал он дрожащим от радости голосом, обращаясь к ней.

Улькер до конца не поняла смысла этих слов. Она только кивнула головой и улыбнулась:

— Молодец, Ганбай, — сказала она, стараясь сделать ему приятное.

Ганбай много чего хотел спросить и узнать у Улькер. Но при товарищах он не стал спрашивать. Сев на свое место, принялся ужинать со всеми.

Ночью они были в клубе. Представление прошло очень ярко, и колхозники остались довольны. Лица ребят и Улькер сияли радостью. Вернулись они за полночь. Ганбай раньше всех лег спать и утром проснулся тоже первый. Он набрал для черепах листьев и трав и досыта накормил их. Видя, как черепахи пожирают траву из его рук, он радовался. Ганбай размышлял о том, как начать дрессировать их. Он так крепко задумался, что не заметил прихода Улькер, которая стояла у него за спиной. Улькер долго стояла. Ганбай же погруженный в думы, не замечал ее:

— О чем ты думаешь, Ганбай? — со смехом спросила Улькер.

Ганбай поднял голову и при виде Улькер вскочил с места. — Ты дал травы черепахам? — снова спросила Улькер. — Дал и накормил из рук, — ответил Ганбай с гордым видом.

— Так и надо. Никогда не клади перед ними траву. Пусть учатся есть из рук, и постепенно пусть привыкают к шуму и грохоту. Тогда быстрее научатся.

Взглянув на нее с надеждой, он спросил:

— Улькер-муаллима как мне научить их этому? С чего начать? Меня сильно занимает это дело.

— Чему ты хочешь обучить их? — со смехом спросила она.

— Я хочу научить их танцевать, — тут же ответил Ганбай.

— Танцевать. Очень хорошо... Как научил их есть траву, так же научишь и танцевать. Сама жизнь подскажет тебе. В любом деле надо быть стойким и твердым. Я принесу тебе из библиотеки несколько книг о черепахах. Почитаешь, лучше изучишь их характер. Подобные книги тебе очень помогут.

Ганбай был занят воспитанием своих черепах. Он кормил черепах только в определенные часы, выпуская их в это время на крыльцо. Шум и гвалт ребят, собравшихся смотреть на черепах, не пугали их. Выход из ящика был для них праздником. Ганбай подвешивал охапку листьев подорожника сверху. Он так вешал листья, что черепахи могли их есть, только приподнявшись на ножках и вытянув головы. Потом он брал кяманчу, и начинал играть. Звук кяманчи служил для голодных черепах сигналом, по которому они знали, что подошло время еды. Вытянув головы, они бегали туда-сюда в поисках еды. Сара была его помощницей. Время от времени он притрагивался подвешенной сверху травой к их маленьким черным губам. Когда черепахи уже собирались сожрать траву, он медленно тянул ее вверх. Таким образом он хотел научить черепах есть, стоя на ножках. Упрямые же черепахи не желали делать этого. Ганбай усердно старался, но было бесполезно. Он продолжал свои опыты. Ведь Улькер говорила, что: «В любом деле надо быть стойким и твердым!..» Ганбай не забыл этих слов. Он долго старался. В конце концов он научил черепах есть, стоя на ножках.

Каждый день во время еды он выпускал их на крыльцо, а сам играл на кяманче. Сара в это время держала завязанный ниткой пучок травы над их головами. Черепахи ели траву, вытягиваясь на ножках.

За два месяца Ганбай смог обучить их только этому. Но цель у него была другая. Теперь он считал себя дрессировщи-

ком и хотел, чтобы едва только он возьмет в руки кяманчу и заиграет, черепахи стали плясать, как цирковые животные.

Однажды Ганбай снова был очень занят. Из города прибыл пионерский отряд. Пионервожатый докладывал о предстоящих мероприятиях. После доклада все вместе ходили по селению, а оттуда отправились на берег моря. А потом после обеда они читали и разбирали в ленинской комнате политические книжки. Ганбай вернулся домой лишь к вечеру. В тот день черепахи остались голодными. Вернувшись домой, Ганбай тут же пошел к ним. Увидев его, голодные черепахи высунули головы из отверстия ящика и заплесали. Ганбай понял, что этими действиями они хотят сказать: «Открой крышку, дай нам поесть». Он взял ящик и потащил на крыльцо. Сары еще не было. Открыв крышку, он выпустил черепах на волю. Потом взял кяманчу и заиграл. При звуках кяманчи, извещающих о еде, черепахи приподнялись на ножках и стали искать траву, обычно висевшую у них над головами. Увидев это, Ганбай от радости вскочил с места. Держа в руке кяманчу, он вбежал в комнату:

— Улькер-муаллима, ребята, идите сюда, я вам покажу представление, — позвал он.

Улькер и ребята последовали за ним. На крыльце Ганбай снова заиграл. Услышав звуки кяманчи, черепахи приподнялись на ножках. Ребята вместе с Улькер хохотали, а Ганбай не находил себе места от радости. Он поднялся и, протянув Сулейману привязанный на нитке пучок травы, сказал:

— Вот возьми, поддержи эту траву над ними и постепенно, пока они будут есть, двигай ее по разным точкам.

Теперь Ганбай играл на кяманче. Сулейман медленно двигал в воздухе пучок травы, а черепахи ползали за ним.

Кончились летние каникулы. Ганбай вместе с товарищами возвратился в город. Каникулы дали ему многое. Его тело окрепло, обострилось мышление, повысились практические и политические знания. Он продолжал свои школьные и музыкальные занятия, участвуя в пионерской организации. Не забывал он и о черепахах. Возвращаясь домой, он спокойно обедал, потом начинал думать о черепахах. Каждый день он таскал ящик на крыльцо, открывал крышку и выпускал их на волю. Сам играл на кяманче, братишка Сурхай же двигал травой под мелодии кяманчи. Его сестры и соседские ребятки каждый день участвовали в этих маленьких концертах. Ганбай набрался опыта. Обучил черепах двум танцам. Он несколько раз устраивал уже маленькие концерты, заставляя черепах танцевать, и таким образом, выдержал испытание. Теперь уже можно было выводить их в общество, заставить танцевать их на представлениях, концертах. Не легкое дело

было научить танцевать таких трудноподающихся дрессировке животных, как черепахи. После этого все будут знать о Ганбае и его черепахах, будут поражаться его способностям, о нем заговорят, напишут в газетах.

В тот год Ганбай заканчивал школу-семилетку. В их честь было устроено представление, где должны были участвовать и черепахи. Школьники ходили толпами по коридорам. Большая группа ребят читала висевшую в дверях зала программу и с изумлением спрашивала:

— Где эти танцующие черепахи?

— Разве черепахи танцуют?

— Да кто такой, этот Ганбай?

— Это его черепахи?

К дверям прибывало все больше народу. Все с нетерпением ожидали начала представления.

Прозвенел первый звонок. Зрители заполнили зал. Все глаза были устремлены на сцену. Школьники топали ногами, хлопали и шумели, чтобы поскорее подняли занавес.

Занавес поднялся. В первой части ученики пели песни, играли танцевальные мелодии, читали стихи, демонстрировали спортивные номера. Во время начала второй части все глаза были прикованы к сцене. Зрители хлопали, выкрикивали: «Пусть придут черепахи, черепахи!» Танец начался с музыки. Сперва прозвучали разные мелодии. Потом на сцену вышел Ганбай с кяманчей. Бурные аплодисменты раздалась в зале. Когда он, усевшись на стуле, заиграл на кяманче, черепахи вышли на сцену и стали танцевать, приподнявшись на ножках друг против друга. В зале поднялся шум. Все смеялись, хлопали, а черепахи продолжали свой танец.

Ганбай заиграл другую мелодию. Черепахи тут же изменили свой танец. Зрители были в восторге. Вскоре затихли звуки кяманчи, танец кончился. Забрав своих черепах, Ганбай ушел со сцены. Бурные аплодисменты все еще не прекращались. Зрители продолжали хлопать. Ганбай снова позвал черепах на сцену. В зале поднялся шум-гам. Всем хотелось еще раз посмотреть на танцующих черепах Ганбая. На этот раз вместе с Ганбаем на сцену вышел и директор школы. С большим трудом он успокоил зритель. Потом приступил к своей речи:

— Товарищи, эти танцующие черепахи, представление которых мы смотрели с таким удовольствием, принадлежат нашему старшекласснику Ганбаю Дурсун-заде. Этот талантливый маленький дрессировщик — терпеливый, стойкий и трудолюбивый мальчик, любящий животных, стремящийся к познанию их образа жизни. Я не буду долго хвалить его. Спо-

способность любого учителя можно определить по его ученикам. Танцующие черепахи показали вам, какой Ганбай учитель. Он хочет продолжать дело, став дрессировщиком. Приветствуя от души его намерение, мы обещаем помочь ему на этом поприще. В один прекрасный день вы услышите, что в наш город приехала большая цирковая труппа. Вы спросите друг у друга: «Кто самый знаменитый дрессировщик этого цирка?» Ваши товарищи, уже прочитавшие в газетах объявление, скажут: «Ганбай, дрессировщик танцующих черепах». Сейчас же в качестве вознаграждения Уголок природы дарит ему три книги. Всех вас я хочу видеть обладателями больших способностей, людьми разных профессий.

С этими словами директор вручил книги Ганбаю. Зал стал аплодировать ему, и он, склонив голову, вместе с директором ушел со сцены. Зрители не отставали, вызывая Ганбая вместе с черепахами на сцену. В зале поднялся шум. Ганбай вместе с черепахами снова вышел на сцену. Выпустив черепах на сцену, он заиграл на кяманче. Черепахи стали танцевать еще более охотно. Ребята хлопали, от радости вскакивали с мест и кричали.

Кяманча затихла, черепахи остановились, под шум и рукоплескания Ганбай склонил голову перед зрителями. Вдруг заиграл оркестр. Кто-то из ребят крикнул:

— Играй мелодию черепах!

Оркестр заиграл одну из знакомых черепахам мелодий. Черепахи, перепугавшись вначале, застыли на несколько секунд и слушали. Потом, вдруг поднявшись на ножках, стали с удовольствием танцевать под эту мелодию. Зал вновь ожил, зрители покатывались со смеху.

1934

ДУРСУН

I

На завалинке убогой хижины сидел пожилой коренастый мужчина. Надвинув на самые брови мохнатую папаху, он задумался.

В его маленьких искрящихся глазах, окруженных тонкими стрелками морщин, на полных губах под пушистыми усами и на всем его лице играла довольная улыбка. Он только что нагрузил две арбы дынями и арбузами первого урожая. Сог-

ласно уговору, сегодня должен был вернуться с эйлагов его помощник Аслан. Они отправятся в город, продадут этот товар и тогда он, Дурсун, сможет, наконец, попасть на эйлаги. А он как нельзя более стремился туда. Там ждет его Гюлли, с которой он будет славно прохладиться. Оторвавшись от своих дум, мужчина, подняв голову, сдвинув папаху на затылок и, изнанкой своего архалука¹ отерев пот, недовольно проворчал:

— Ох, и изжарился! Какая жара! А этот, будь он проклят, все не едет. Приехал бы уже скорей, чтоб я хоть несколько дней смог отдохнуть в горах с моей Гюлли.

Мысль об этом молнией пронзила его.

Был душный жаркий июльский день. Деревья и степи не давали желанной тени.

Всего два месяца назад жизнь в этой деревне была ключом; сельчане поднялись на эйлаги; голоса кочевников, бляение овец, мычание коров, ржание коней, лай собак, скрип арб и веселые звонкие крики ребятишек — все слилось в один общий радостный хор. А сейчас над селом простиралась печальная тишина.

Лишь шум реки, сверкающей, как расплавленное серебро, под палящими лучами солнца, и чуть слышное щебетание лтичек, спрятавшихся от зноя в густой листве, нарушали эту тишину.

Разморенный жарой Дурсун растегнул пуговицы архалука и лег на спину, раскинув руки.

Но вот послышался громкий крик:

— Дурсун! Дурсун!

Тот очнулся, поспешно вскочил и побежал, крича на ходу:

— Аслан, Аслан, сюда! Я здесь!

Аслан подошел.

— Ну, что там нового? — нетерпеливо спросил Дурсун тоном человека, ожидающего услышать что-то важное.

— Все хорошо, все благополучно, — ответил Аслан, кивнув головой, — кланяются тебе.

Этот короткий ответ не понравился Дурсуну. Ему не терпелось спросить о том, что не давало ему покоя все это время.

Но только он собрался спросить, как Аслан сказал:

— Баллы просила передать, что если от Сафара будет получено письмо, чтобы ты тут же переслал ей.

После короткого молчания Аслан снова заговорил:

¹ Архалук — верхняя короткополая мужская одежда.

— Бедная женщина дни и ночи причитает: «Сафар, Сафар» и все плачет и плачет. С тех пор, как его сослали, я не видел на ее лице улыбки.

Дурсун помрачнел. Седые, мохнатые брови его сдвинулись. На продолговатом, обрюзгшем лице еще резче обозначились морщины.

— Эта скотина опять заставит ее сбежать! — Дурсун сердито хлопнул руками. — Они опять доведут ее до бегства!

— Кого доведут до бегства? — спросил ничего не понявший Аслан.

— Ее.

— Кого ее?

— Гюлли, говорю я, Гюлли. Как она смотрит на этот вой?

— Да никак. Ей, как говорится, Аракс по лодыжки, а Кура до пят, — усмехнулся Аслан. — Не сидится ей дома, все носится дикой козочкой, бегаёт по родным и соседям.

— Но ведь я велел Баллы не спускать с нее глаз. Все время быть настороже, — сказал Дурсун. — А ты говоришь, Гюлли пропадает дни и ночи. Боюсь, как бы она чего-нибудь не натворила.

— Да так и будет, — опять усмехнулся Аслан.

Дурсун со злости покусывал свои седые усы.

— Ступай с арбами в город, а я сейчас возьму билет и приеду.

Аслан ушел.

— Я буду ждать тебя в караван-сараяе, — крикнул вдогонку ему Дурсун.

Дурсун был единственным сыном Пирверди из селения Джандар Борчалинского уезда. Пирверди был трудолюбив и скуп. На оставшейся от отца земле он выращивал дыни и арбузы. Когда жена его Гюльсенем умерла, Дурсуну было тринадцать лет. Пирверди больше не женился. Он занялся воспитанием сына, стараясь передать ему все, что он сам знал. Каждый день он брал его с собой на бахчу и заставлял работать наравне с батраками.

— Трудись, работай, сынок. Кто не работает, тот не ест, — говорил он, если замечал, что сын замешкался или залежился.

Дурсун охотно помогал отцу, и Пирверди был доволен, — сын был его верным помощником.

У Пирверди были свои взгляды на воспитание. Он хотел вырастить Дурсуна таким же, каким был он сам. Он держал мальчика впроголодь, не одевал и не обувал его, как следует. Дурсун круглый год носил один и тот же залатанный чер-

ный архалук и ходил в рваных чарыках¹. И только от одного весеннего праздника до другого Пирверди покупал сыну новый архалук и чуваки, не забывая при этом попрекнуть:

— Гляди, я заплатил за них уйму денег. Ты еще не знаешь, как их трудно заработать. Пока добудешь копейку — душу отдашь.

Пирверди был убежден, что воспитывает сына как нельзя лучше. Он всячески старался приучить мальчика беречь и любить деньги.

Пирверди не отличал бережливость от скупости, и это портило его сына.

Встречая Дурсуна в селе или на бахче, люди говорили:

— Милый! Что у твоего отца мало денег? Ведь ты его единственный сын. Неужели он не может накормить тебя досыта, одеть и обувь? Что у тебя за чарыки? Ходишь весь исцарапанный и изодранный. А посмотри как одеты дети и победнее тебя! Нет, что он тебе за отец? Вот и бедняжку Гюльсенем, мать твою, вогнал в чахотку.

Дурсун все больше и больше задумывался. С годами, когда Дурсун подрос и стал лучше понимать окружающее, он убедился, что отец его неправ.

Время шло. Дурсун стал юношей. Днем он работал на бахче, а вечера и ночи проводил с приятелями. Иногда они отправлялись в соседние села красть баранов. Сначала Дурсун не хотел впутываться в эти дела, но потом, боясь насмешек и укоров в трусости, примкнул к друзьям. К счастью, ему в конце удалось сойти с этого опасного пути.

Как-то раз ночью они хотели утащить из хлева барана, а собаки подняли лай. Чабаны начали стрелять. Дурсун и его приятели едва унесли ноги. После этого Дурсун больше не рисковал.

Вскоре Дурсун загулял. Но все-таки он оставался таким же трудолюбивым и всегда помогал отцу. Пирверди огорчался, видя, что его наставления пропали зря.

— Эх, жаль беднягу, не в меня пошел, а в мать...

Пирверди внезапно умер, оставив сыну наследство. Не слушая увещаний родных и соседей, Дурсун разбрасывал золото, по копейке собранное отцом.

Но это длилось недолго. Дядя Дурсуна, наконец, урезонил его. И кроме того, самое главное — Дурсун был влюблен. Часто встречаясь у источника, они крепко полюбили друг друга, и она поклялась ему. Теперь он думал только о женитьбе и семейном счастье. Наконец, он рассказал обо

¹ Чарыки — лапти.

всем жене своего дяди — Рейхан. Та одобрила его выбор и обещала в ближайшие дни уладить это дело.

На селе была свадьба. Девушки и парни давно с нетерпением ждали ее. Старики, усевшись в комнате, слушали ашугов, певших под звуки саза. Молодежь плясала во дворе. По одну сторону чинно выстроились девушки, по другую — парни. Мог ли Дурсун отставать от них?

Он стоял тут же, напротив своей избранницы Баллы.

Парни приглашали приглянувшихся им девушек и танцевали с ними. Дурсун тоже не выдержал. Едва заиграли новый танец, как он выскочил в круг, и, став перед Баллы, пригласил ее. Баллы вышла. Пройдя с ней два круга, Дурсун отошел в сторону и только прихлопывал в такт музыке. словно перы, неслась Баллы в плавном танце, раскинув руки крыльями. Дурсун не вытерпел и протянул ей знак любви — яблоко.

И тотчас со всех сторон раздались восклицания:

— Поздравляем! Поздравляем!

Смущенная Баллы спряталась среди подруг. Как полагаюсь по обычаю, через неделю Рейхан пошла сватать Баллы. Мать Баллы приняла ее очень радушно. Усадив ее на почетное место, она взглядом приказала Баллы подать чай. Женщины разговорились. За чаем Рейхан сказала, зачем она пришла. Мать Баллы сказала, что она не против, но только должна посоветоваться с мужем.

Придя домой, Рейхан обрадовала Дурсуна:

— Дело слажено, — обнадежила она его.

Чтобы получить окончательный ответ, Рейхан снова пришла к родителям Баллы. Но вернулась она совсем ошеломленной. Родители потребовали огромный башлык¹.

— Такой башлык — это все равно, что отказ, — злилась Рейхан.

Дурсун был потрясен. В бессильном гневе он искусал себе губы. А потом, успокоившись, готов был согласиться на все требования.

— Не бывать этому! — крикнула Рейхан, хлопнув ладонью по ковру, на котором сидела.

Дурсун задумался, а потом подняв голову, сказал:

— Пойди еще раз к родителям Баллы и уговори их снизить башлык хотя бы наполовину.

Рейхан сначала запротестовала — и это слишком много, но все-таки Дурсун уговорил ее.

Через два дня Рейхан услышала категорический ответ.

— Слово наше неизменно.

Дурсун вышел из себя. Теперь все его мысли были заняты одним: во что бы то ни стало добиться любимой девушки.

— Я похищу ее! — сказал он.

Рейхан рассмеялась.

— Чего ты смеешься? — спросил Дурсун.

Рейхан поняла, что он обиделся...

— Если сумеешь — туда и дорога!

— Сумею, — сказал Дурсун. — Тут ничего трудного нет. Разве не я похищал девушек для Салмана, Имрана, Асада, Оруджа?

Через три дня Дурсун похитил Баллы.

Женившись, Дурсун остепенился и взялся за дело отца.

Чтобы его любимой Баллы жилось хорошо, он брался за всякую работу, не считался ни с чем. Как он мог теперь лениться? Он стал отцом.

Семья росла — росли и заботы Дурсуна.

— Расти, мой соколик! Подрастай, будешь помогать отцу, — говорил он часто своему пятилетнему сынишке.

Наконец, исполнилось и это желание Дурсуна. С одиннадцати лет Сафар стал помогать отцу.

Дурсун радовался, видя, как усердно трудился мальчик в саду и на огороде.

Дурсун очень любил свою семью и не жалел для нее ничего. Но он старел, седел. Дурсун поручил сыну всю самую тяжелую работу, а сам старался как можно больше отдыхать.

Сафар был здоровый и крепкий юноша. Он был задумчив, молчалив, редко смеялся. Горячо любил Сафар свою мать Баллы.

— Жизнь мне за тебя отдать не жаль! — говаривала Баллы, и неизъяснимая гордость наполняла ее сердце.

Когда настала пора женить Сафара, родители выбрали ему невесту — Захру из селения Караджалар. По обычаям Сафар несколько раз посещал свою нареченную и приносил ей подарки.

Молодые люди полюбив друг друга, ждали свадьбы. Баллы не могла нахвалиться будущей невесткой.

Дурсун вспомнил юность и как он, украдкой встречался у родника со своей любимой Баллы.

Все прошлое вдруг ожило в его памяти.

— Эх, молодость, молодость, — прошептал Дурсун.

Как-то раз по срочному делу Дурсун поехал в Караджалар. Возвращаясь домой он, увидел девушку, стоявшую с подругами у ворот. Угасшие чувства вдруг снова вспыхнули в нем. Он застыл, как прикованный. А девушка, бросив на

¹ Башлык — выкуп за невесту.

него равнодушный взгляд, продолжала болтать с подружками.

В душе Дурсуна воскресли воспоминания юности, и он тяжело вздохнул.

Вернувшись в село, он неделю ходил сам не свой, затаив то, что его так волновало. Он не на шутку влюбился в девушку. Дурсун старался забыть ее и все твердил: «Проклятие черту!» Но все было напрасно.

Прежде всего ему мешала женитьба Сафара. Он не мог стать помехой сыну накануне радостного события в его жизни. А что касалось женитьбы на молодой девушке, то тут Дурсун не видел ничего зазорного. Так уж повелось. Не он первый, не он последний. Дурсун знал множество таких случаев и у себя в селе и в окрестных.

Взять хотя бы сельского муллу Самеда. Мулла Самед гораздо старше Дурсуна и семья у него больше, а ведь женился же он в прошлом году почти на девочке-подростке. И ведь никто не возражал. Эта мысль совсем не тревожила Дурсуна. Он боялся только, что девушка откажется выйти за него — почти ровесника ее отца, или ее родители воспротивятся этому браку. Чтобы разузнать, что это за девушка, Дурсун дважды ездил в Караджалар. И всякий раз встречал эту девушку. Он узнал ее имя, кто ее родители. Дурсун разъярился, узнав, что Кербалай-Расул — отец Гюлли не отдаст ее ему даже за большой башлык. Дурсун сидел задумавшись и твердил:

— Гюлли, Гюлли! Все равно ты будешь моей женой, — Дурсун изнемогал.

— Послушай, ай киши¹! Кто эта счастливица, по которой ты так вздыхаешь? — спрашивала Баллы и заливалась смехом. — Хочешь, я буду твоей свахой.

— Где тебе уж так храбриться.

— Постыдись, не смейся людей! — пыталась усюветить его Баллы.

— Я сам прежде посмеюсь над ними. Или белая лошадь не ест овса? А что любовь только молодым, а не старикам? Жениться на молодой девушке все равно, что самому стать моложе.

Однажды Дурсун сидел в тени развесистой чинары, недалеко от села. Вдруг чья-то рука опустилась ему на плечо. Он поднял голову. Перед ним стоял Наби.

— Что с тобой, Дурсун-даи², о чем ты горюешь?

— А это ты, Наби? — сказал Дурсун, приветствуя.

— Да, я. Скажи же, что с тобой? Может быть, с Сафаром неладно?

— Да нет, с Сафаром все ладно.

— А может быть, тетя Баллы не слушается тебя?

— Не то, не то. У меня другое горе.

— Какое.

— Да так, ничего...

Наби присел рядом с Дурсуном и, положив руку ему на плечо, сказал:

— Дурсун-даи, клянусь твоей жизнью, пока ты не скажешь, что с тобой, я не отстану. Ты был лучшим другом моего отца. Я готов сделать для тебя все, что могу.

Дурсун сразу оживился. Надежда окрылила его. Наби был смелым и верным своему слову парнем.

Схватив его за руки, Дурсун заговорил:

— Дорогой мой, ты напомнил мне молодость. Немало славных дней провели мы с твоим покойным отцом Искендером. Да-а... были тогда хорошие люди. Инкендер сватался к Ханумане. Ему отказали. Тогда ночью, оседлав коней, мы отправились похитить девушку. Отца дома не было. Во дворе были спущены с цепи злые собаки. Но мы так ловко похитили девушку, что собаки даже не почуяли. Чтоб не мстили Искендеру, я целую неделю не покидал его. А теперь, слава аллаху, вот какой у него сын. Конечно, кто же, как не ты, придет мне на помощь в тяжелую минуту?

Дурсун сказал это с такой неподдельной искренностью, что Наби схватил его за руки:

— Дядя, скажи, что с тобой, и я пойду хоть на смерть.

Дурсун рассмеялся.

— А может, не пойдешь? Испугаешься?

— Что же может испугать, остановить меня?

— Знаю, отлично знаю. И все-таки я хочу, чтобы ты покаялся.

— По-моему, это лишнее.

— Нет, пока не поклянешься, не скажу.

— Чем же мне поклясться?

— Поклянись могилой отца и своей честью, что поможешь мне в моей беде.

Наби задумался. Что это с Дурсуном, что требует такой страшной клятвы?

— Клянусь могилой отца своего, клянусь честью, что помогу тебе в беде твоей! — произнес он, наконец.

— Знаешь, Наби, — сказал Дурсун, — твой Дурсун-даи безнадежно влюбился в девушку и ты должен добром или силой добыть ее для него.

Наби оторопел и переспросил:

— Как, что ты сказал?

¹ Киши — — мужчина, принятое обращение.

² Даи — дядя, принятое обращение к старшему.

Дурсун повторил свои слова. Наби с удивлением смотрел на него.

— Что ты тарачишь на меня глаза? Что случилось? — сердито крикнул Дурсун.

— Дурсун-даи, куда же это годится? Ведь у тебя же сын — жених!

— А что, разве не женятся отцы таких, как Сафар?

— Женятся, да что толку? Каждому времени года — своя пора, у каждой поры — свой плод, у каждого плода свой вкус.

— И у этой поры тоже свой плод и вкус, но ты этого не знаешь.

— Тебе-то этот плод может показаться сладким, но горьким покажется семье. Зная заранее, в чем дело, никогда не поклялся бы.

— Не беда. Можешь взять клятву обратно. Теперешняя молодежь легко слизывает плевки.

— Я не такой. Только бы не узнал об этом Сафар. Я люблю его, как брата.

— Чего ж ему обижаться? Он — сам по себе, я — сам по себе.

— Кто же эта девушка?

— Дочь Кербалая Расула из Караджалара.

— Не Гюлли ли?

— Она.

— Не подходит она тебе, Дурсун-даи, — усмехнулся Наби.

— Почему же не подходит?

— Не подходит, я хорошо знаю эту девушку. Ей у тебя не усидеть.

— Пусть только попадет в руки Дурсуна! Не шелохнется.

Сколько Наби ни уговаривал Дурсуна, тот стоял на своем.

Наби раскаялся; что дал клятву, но нарушить ее не мог и согласился похитить Гюлли, опять-таки повторяя, чтоб Сафар ничего об этом не знал.

Через три дня Дурсун похитил девушку, привез ее в дом сельского муллы и против ее воли женился на ней.

Появление молодой жены в доме Дурсуна вызвало целый переполох.

С первого же дня Дурсун стремился к одному: покорить и привязать к себе Гюлли. Ни днем, ни ночью он не отходил от нее. Все в семье порицали Дурсуна, и в доме становилось все хуже и хуже. А что свадьба Сафара откладывалась, было особенно неприятно.

Да и Гюлли, разумеется, не была счастлива с мужем, гонимая им в отцы. Он вызывал в ней только отвращение.

— Ох, когда я отделаюсь от этой волосатой обезьяны? — твердила она про себя.

И она затаила это желание. Тяготили ее также и косые, недоброжелательные взгляды Баллы и Сафара. Ссоры, каждый день возникавшие в доме, докучали Гюлли, Дурсун всегда защищал свою Гюлли, и, всячески оскорблял Баллы, Сафара и других детей. Не раз Дурсун избивал Баллы и грозился выгнать ее из дому. Это ранило сердце сына. Заплаканные глаза матери заставляли его забыть обо всем, даже о невесте Захре.

Однажды, во время какой-то ссоры Гюлли и Баллы, Дурсун схватил плетку и начал стегать Баллы. Сафар не сдержался. Слезы матери и наглый взгляд Гюлли привели его в бешенство. Бросившись на Гюлли, он стал ее бить. Дурсун кинулся защищать свою молодую жену, но Сафар, схватив его за руки, угрожающе сказал:

— Поберегись, отец. Ты довел меня уже до крайности. Я кончу тем, что заколю кинжалом эту негодницу и скроюсь в горах.

После этого Дурсун и Гюлли остерегались задевать Баллы, и лишь порой покалывали ее косыми, недоброжелательными взглядами.

Прижимая Сафара к своей груди, Баллы повторяла:

— Жизнь свою отдам за тебя. Ты — моя опора, ты — мое спасение. Что станешь бы со мной без тебя?

Этот раздор не нравился и самой Гюлли. Она решила вырваться из этого дома-темницы, где должна была быть загублена ее молодая жизнь. Видя, что Гюлли грустит, Дурсун тоже печалился.

— О чем ты задумалась, ягненок мой? — спрашивал он, ласкаясь к Гюлли. — Ты хозяйка этого дома, что прикажешь, то и будет. Только не горюй, не кручинься.

— Отстань, убирайся! — огрызалась Гюлли, отталкивая его обеими руками.

Дурсун считал необходимым поддерживать связь и знакомство с некоторыми односельчанами.

— Ну что, Дурсун? — спрашивали они у него. — Как ты живешь со своей Гюлли? Говорят, она терпеть не может тебя, не ладит с твоей семьей и что у нее неуживчивый нрав? Смотри, берегись, как бы она не сбежала с кем-нибудь и не втоптала в грязь твою честь.

Горделиво усмехаясь, Дурсун отвечал:

— Пока я жив, этому не бывать! Если уж она и сбежит, то только из-за Баллы и Сафара. А так — это ангел, кроткая,

милая. Нрав у нее шелковый, но эти злыдни грызут ее, как собаки. Бьют, ругают. Даже дети издеваются над ней, а бедняжка рта не раскрывает. Поплачет втихомолку, чтоб я не огорчался. Старается все скрыть. Это какое-то дьявольское наваждение. Однако, сделанного не вернешь. Ведь есть же бог, есть совесть, — говорил Дурсун, чтобы заткнуть рты сплетникам.

Но, как говорится, шила в мешке не утаишь.

Вдруг Гюлли исчезла. Дурсун с ног сбился в поисках ее.

Он долго бегал и звал, но Гюлли словно в воду канула. Целые дни спрашивал он, где его Гюлли, но никто не мог помочь ему в его горе.

Дурсун не находил себе покоя.

— Не прикончил ли ее Сафар? А вдруг она сбежала с каким-нибудь парнем? А может, покончила с собой? — думал Дурсун.

Но вот по селу прошел слух, что Гюлли сбежала с парнем по имени Вели из селения Караджалар. Весть эта дошла, наконец, и до самого Дурсуна. Охваченный бешенством, кинулся он к кази¹ и к аксакалам².

— Аман, аман³! Вели похитил мою жену. Пусть он вернет мне ее, — молил он, — а за подарками дело не станет.

Дурсун метался в своей одинокой постели, повторяя:

— Ай, Гюлли, Гюлли, что ты со мной сделала?

Бегство Гюлли обрадовало всю семью. Баллы, обе ее дочери Гюнем и Гюльсеном и младший сын Акпер, хотя и казались огорченными, но ликовали.

Сафар с самого начала был недоволен поведением отца — он помешал его жемитьбе. Но он не мог остаться равнодушным к удару, нанесенному его отцу. Это бегство Гюлли, о которой судачили повсюду на селе, озлобило его. Он избегал показываться людям на глаза. Решив вернуть Гюлли в дом отца, Сафар пошел в Караджалар. Случайно, по дороге он встретил Вели.

— Подлец, мерзавец! — крикнул Сафар, и бросившись к нему, хлестнул его по лицу кнутом.

Вели схватился за кинжал, но Сафар опередил его. Они кинулись друг на друга. Сафар был ранен в голову, а Вели, пораженный в самое сердце, свалился бездыханным.

Сафар не хотел убивать Вели и поэтому был сильно огорчен.

¹ *Казы* — духовное лицо, занимающееся бракоразводными делами.

² *Аксакал* — белобородый, старейшина.

³ *Аман* — междометие, равноценное русскому ах, ах.

— Вай, вай! — завопили случайные свидетели. — Вели убит! Убили Вели!

Сафар старался взять себя в руки. Он не знал, что делать. Перед его глазами предстал образ его невесты Захры и горькая ее судьба. С обнаженным кинжалом в руке он бросился к ним в дом.

Мать Захры готовила приданое к свадьбе. На дворе были разостланы ковры, суетились соседи. Кто чесал шерсть для одеял и тюфяков, кто пряд нитки, кто ткал ковер. Не успел Сафар войти во двор, как одна из женщин запела:

Кинула я айву, гранат поймала,
Полотняная сорочка тесна стала
Тень ложится у ворот —
Может, милый мой идет.

Остальные подхватили припев.

Сидя спиной к воротам и занятые своим делом, женщины не заметили Сафара, который вошел в комнату, через заднюю дверь. Захра была одна. Увидав окровавленного Сафара, вбежавшего с обнаженным кинжалом, она в ужасе вскрикнула:

— Что это?

Бросив кинжал на пол, Сафар подошел к ней. Сначала Захра, словно дикая серна, отскочила назад, потом, одумавшись, кинулась к нему в объятия и сдавленным голосом спросила:

— Сафар, Сафар, что с тобой?

Сафар рассказал о том, что случилось. Захра побледнела и застыла словно пригвожденная. Ее длинные, черные ресницы опустились на округлые нежные щеки, отбросив мягкую тень.

— Ах, Сафар, Сафар, какое несчастье! — воскликнула она и горько заплакала.

Сафар прижал свое забрызганное кровью лицо к лицу Захры.

— Захра, когда меня бросят в темницу и сошлют в далекие края, будешь ли ты помнить обо мне?

Слова эти ножом полоснули сердце Захры.

— Расстаться с тобой, любимый! — прошептала она и, не договорив, задыхаясь от судорожных рыданий, сжимавших горло, замерла, прижавшись к Сафару.

Гнетущая тоска давила сердце Сафара. Тяжелое раздумье мучило его. Как расстаться ему с любимой, выросшей на родной его земле?

Он решил бежать, пока не пришла полиция.

— Сюда, сюда! — послышалось у ворот.

Сафар вздрогнул. Он понял, что пришли за ним. Кто знает, быть может он никогда не увидит Захру. Кому же она достанется? И он крепко прижал к себе эту почти потерявшую сознание девушку.

— Захра, вот тебе мой последний поцелуй, — сказал он, и две крупные слезы повисли на его густых ресницах. — Прими и последние слезы мои, — и с этими словами, освободившись из ее объятий, отдался в руки ворвавшихся в комнату полицейских.

Вначале Дурсун был сильно удручен ссылкой сына.

Ведь Сафар был его опорой, его правой рукой. Он бросился хлопотать, потратил уйму денег, но ничего не добился.

В далекие края, в Сибирь сослали Сафара на десять лет. Прошло немного времени: с помощью денег, щедрой рукой розданных им кази, муллам и старейшинам, Дурсуну удалось вернуть свою Гюлли. Поглощенный лишь одной мыслью — завоевать ее сердце, окончательно подчинить себе эту непокорную дикую девушку, он забыл обо всем. Единственное, о чем он мечтал — это быть около нее. После ссылки Сафара Баллы осталась совсем одинокой. И часто она задумывалась о будущей судьбе своей и младших детей.

Наступил май. Стада, укрывшись в тень, вяло пощипывали траву. В последние дни все поговаривали о кочевье. И вот крестьяне поднялись на эйлаги и в деревне не осталось никого, кроме пахарей.

Дурсуну также пришлось отправить на эйлаги свою семью и стадо. Он долго уговаривал Гюлли остаться с ним, но она не согласилась. И вот он остался совсем один в сразу осиротевшем доме.

Последнее время Дурсун оберегал Гюлли даже от мальчишек и то же самое наказал Баллы. Кто знает, с кем еще может сбежать Гюлли на эйлагах. Эти мысли не давали покоя Дурсуну.

Но что он мог поделывать? Будь здесь Сафар, Дурсун передал бы ему все дела, а сам уехал на кочевье, к своей любимой. Но Сафара не было...

Прошло целых два месяца с тех пор, как Дурсун расстался с Гюлли, два месяца, показавшиеся ему двумя томительными, долгими годами.

Сегодня, как уговорились, его компаньон Аслан приехал с эйлагов, и Дурсун мог, наконец, поручив ему бахчу и продав дыни и арбузы, закупить гостинцев для своей Гюлли и отправиться на эйлаги, чтобы до самого возвращения не расставаться с ней.

Отдав Аслану последние распоряжения, он вошел в дом, переоделся, подпоясался, прицепил к поясу длинный кинжал и поспешно направился к станции. Он едва успел купить билет и вскочить в уже отходивший поезд.

Были бурные дни 1905 года. Даже снежные цепи кавказских гор оказались бессильными удержать мощные волны, разлившиеся по широким просторам страны.

Начались забастовки и демонстрации. Охваченное страхом правительство объявило военное положение. Всякий, у кого было оружие, подвергался суровому наказанию.

В эти смутные дни и приехал в Тифлис Дурсун, торопившийся распродать поскорей товар и попасть на эйлаги. По мере того, как поезд приближался к станции, волнение Дурсуна росло. Минуты казались ему часами. Поезд остановился. Дурсун выскочил из вагона, и придерживая рукой огромный кинжал, болтавшийся на животе и мешавший ему при ходьбе, бросился к выходу. Он шел торопливыми шагами, никого не замечая и ничего не слыша. Вдруг его остановили несколько казаков. Дурсун пытался было вырваться, но это ему не удалось. Казаки потащили его за собой. Тщетно молил и просил Дурсун, тщетно кричал он и негодовал. Казаки его не слушали. И только после того, как его ударили по спине

прикладом, старик перестал сопротивляться, хотя вовсе не понимал, что случилось, куда и зачем его везут.

Опомнился он в маленькой каморке, темной, как могила. Дурсун в отчаянии крикнул:

— Что это? Где я?

Никто не отозвался. Привыкший к жизни на воле, среди зеленых гор и холмов, в бесконечной шири степей, Дурсун не мог примириться с тем, что его бросили в этот грязный, мрачный склеп. Невыносимая боль сжала его сердце. Он изо всей силы хватил кулаком по маленькой железной двери, хлопнувшей за ним.

— Эй, кто там, откройте! Откройте, — долго кричал он, но никто не откликнулся. Потеряв всякую надежду, Дурсун в изнеможении опустился на пол.

— Вай, вай, что же будет со мной? — бормотал он, качая круглой, бритой головой. — За что попал я в эту могилу и что стало с моими арбами?

Но больше всего мучила его мысль о Гюлли. В этой камере, где ночь не отличишь от дня, он просидел до самого утра. Казалось, даже солнечные лучи миновали его темницу. Так думал он, валяясь на загаженном полу, не зная, что уже давно рассвело.

Дверь отворилась. В камеру ворвались яркие лучи солнца. Дурсун, как помешанный, бросился к выходу и стал озираться по сторонам. Два жандарма, стоявшие в дверях, усмехнулись, глядя на его оторопелый вид.

Прикрыв ладонями слезившиеся от яркого света глаза, Дурсун глубоко вздохнул:

— Ох, наконец-то я избавился.

Когда же его по рукам и ногам заковали в кандалы, он понял, что до избавления еще очень далеко, и прерывающимся голосом спросил:

— Куда вы ведете меня?

— Иди вперед, — скомандовал жандарм.

Дурсун зашагал. При каждом его шаге цепи звенели.

Минут через десять он вошел в широкие ворота тюремного двора. Вид арестантов, закованных в кандалы, поверг его в еще большее отчаяние. Он остановился и вдруг заплакал навзрыд как ребенок.

В тюрьме Дурсун чувствовал себя как в тисках. К тому же он не знал, за что он посажен и долго ли пробудет здесь. Администрация относилась к нему, как к политическому заключенному. Чтобы легче переносить свое заточение, арестанты старались скрасить его весельем, смехом, пением, шутками. Дурсун держался в стороне. Забившись в угол, он сидел

молча, погруженный в невеселые думы и, когда на сердце становилось слишком тяжело, начинал горько плакать.

— Кто это угукает там, как сова? — спросил однажды один из арестантов, недовольный тем, что нытье Дурсуна мешало другим развлекаться.

— А это медведь, недавно пойманный в борчалинских лесах, — крикнул Зейнал, низкорослый, юркий парень. И, выскочив на середину камеры, он, ломаясь и кривляясь, как шут, подошел к плакавшему Дурсуну.

— Ты недурно играешь, сыграй-ка на своей зурне, а я попляшу, — сказал он, расправляя руки, точно впрямь собираясь танцевать.

— Да не мучайте вы старика, — послышалось несколько протестующих голосов, но они затерялись во взрыве всеобщего хохота. Увидя поясничавшего Зейнала, Дурсун нахмурился. Зейнал уселся рядом с ним и, устремив на него маленькие и лукавые, как у шайтана, глазки, принялся выводить у Дурсуна его историю.

— Сюда, сюда! — закричал вдруг Зейнал, хлопая в ладоши, — новости!

Мгновенно арестанты кольцом окружили их. Дурсун молчал, не понимая, что от него хотят.

— Рассказывай, рассказывай, чтобы все слышали и помогли бы тебе выбраться из этой ямы, — сказал Зейнал, хлопнув его по плечу.

Он произнес эти слова так убедительно, таким серьезным тоном, что в глазах Дурсуна зажглась надежда, и он начал рассказывать:

— Вай, вай, шайтан влюбился в ангела, — закричал Зейнал. — Не печалься, я вызволю тебя и ты снова свидишься со своей Гюлли.

Только теперь понял Дурсун, что над ним жестоко подшучили.

И потом Зейнал не отставал от Дурсуна:

— Ах, ты, волосатая обезьяна, — говорил он, дергая его за бороду. — Ну, скажи на милость, зачем ты нужен Гюлли? Что она веревки что ли будет вить из этих грязных волос? Кто знает, с кем она ускакала, а ты ори, сколько влезет, — дразнил он старика.

Дурсун не всегда мог сносить эти издевательства. Порой, когда шутки Зейнала заходили слишком далеко, Дурсун, скрежеща зубами, шептал:

— Попадись ты мне на борчалинской равнине и ты испытал бы силу старого Дурсуна, узнал бы, каких сыновей родят у нас матери...

Шесть месяцев пробыл Дурсун в тюрьме бок о бок с назойливым Зейналом, не оставлявшим его в покое.

Было около пяти часов вечера, когда вошел смотритель с двумя служителями. Арестанты встали. Наступило глубокое молчание.

Подойдя к забившемуся в угол Дурсуну, смотритель приказал:

— Расковать!..

Не спуская со смотрителя удивленных глаз, Дурсун испуганно спросил:

— Куда вы меня ведете?

— К очаровательной Гюлли, — услышался задорный голос Зейнала, и взрыв веселого смеха огласил камеру. И даже смотритель, не знавший в чем дело, не мог удержаться от смеха.

— Иди, ты свободен, — сказал он Дурсуну.

Не помня себя от радости, он бросился к выходу.

— Беги, беги. Гюлли заждалась тебя у ворот! — крикнул ему вдогонку Зейнал.

Но Дурсун больше уже ничего не слушал. Не оглядываясь, он перешагнул ненавистный порог тюрьмы.

Он шел торопливо, почти бегом. Через час он добрался до караван-сарая. Но было уже поздно. Не найдя ни одной арбы из своего села, он решил поехать поездом. Но поезд отходил только в два часа ночи. Дурсуну не терпелось попасть домой, узнать, что с семьей и главное с Гюлли.

Был конец декабря. Холмы, окружающие Тифлис, были покрыты тяжелыми тучами. Зима одела город в белые покрывала. Свирепый ветер, кружа падавший снег, наметал целые сугробы.

Продрогнув, Дурсун спрятал руки под полой, пытаясь согреться. Согнувшись, он печально задумался.

Вдруг глаза его заблестели, радость всколыхнула его сердце. Он встал.

— Разве я не здешний старый волк, чтобы пойти прямоком? — И он двинулся к родной деревне.

За это время в семье Дурсуна произошли большие перемены.

Приехав с арбами в город, работники долго ждали Дурсуна. Наконец, потеряв надежду найти его, распродали привезенный товар и вернулись в деревню. Весть об исчезновении Дурсуна дошла и до эйлагов. Долго плакала и убивалась Баллы, но так как нельзя было бросить бостан без присмотра, она должна была вернуться в деревню. Гюлли осталась на эйлаге.

— Что мне делать там в этакую жару, — говорила она.

— Что я найду в душной, полутемной хижине, кроме скуки и тоски?

Она перебралась к своему дяде.

Вернувшись в село, Баллы принялась наводить порядок. Аслан подбадривал ее, и, как брат, помогал ей делом и советом.

Через месяц крестьяне спустились с эйлагов, и село вновь ожило.

Видя, что Дурсун все не возвращается и не шлет о себе вестей, Баллы решила, что он погиб в городе в эти тревожные дни. По совету родных и друзей она надела траур и устроила поминки по Дурсуну.

Гюлли же после этого сочла себя свободной и через месяц вышла замуж за одного парня. Кроме того, она обратилась к кази и старейшине и потребовала, чтобы ей выделили полагающуюся ей, как жене, долю из наследства Дурсуна. Еще не успели высохнуть слезы на глазах Баллы, когда вопли и стенания снова огласили ее печальный дом. Словно черные вороны набросились кази, муллы и старейшины делить имущество Дурсуна.

Баллы стонала, рвала на себе волосы, но хищники оставили ей только домик, поделив между собой остальное добро. Баллы пришлось примириться и с этим несчастьем. Собрав вокруг себя детей, она продолжала трудиться, хотя печаль не оставляла ее.

Была темная морозная ночь.

Запахавшийся, уставший от быстрой ходьбы, Дурсун добрался до околицы своего села. Сердце его учащенно билось от радости.

Яростный лай собак подгонял его. Он шел все быстрее и быстрее.

Вот он уже поднимается по тропинке, ведущей к его дому. Его окна тускло мерцали во тьме.

— Наши, видно, еще не легли, — прошептал Дурсун.

И вдруг кто-то окликнул его:

— Кто идет?

Дурсун молча продолжал идти.

— Тебя спрашивают кто ты?

— Я, я, — охрипшим голосом отвечал Дурсун.

— Кто я?

— Дурсун, Дурсун.

— Какой Дурсун?

— Хозяин этого дома...

— Отец Сафара?

— Да, да...

Человек подошел ближе и взгляделся в Дурсуна.

— Разве ты не умер?

— Нет, я сидел в тюрьме. А ты кто?

Подошедший злобно рассмеялся.

— Я, кто? Я — Ахмед, брат Вели, — крикнул он, и схватив Дурсуна за ворот рубахи, начал трясти.

— Что ты от меня хочешь? — пробормотал Дурсун, задрожав, как лист.

— Ах, ты кровопийца! Смерти твоей мне надо, смерти, — вот что.

На их голоса с лаем выскочила собака.

Узнав ее, Дурсун крикнул:

— Алабаш! Алабаш!

Собака бросилась к Дурсуну, обнюхала и, узнав хозяина, принялась весело прыгать вокруг него, облизывая ему руки.

— На помощь зовешь? — усмехнулся Ахмед. — Зови, кого хочешь, тебе все равно не уйти из моих рук!

Собака с радостным лаем бросилась к воротам возвестить о возвращении хозяина.

— Да, да, не уйдешь, — кричал Ахмед, все сильнее тряся Дурсуна. — Вот этим кинжалом я заколю тебя и зарою в снегу.

Он хотел вырвать кинжал, но Дурсун, уцепившись за ножны, молил о пощаде.

— Пусти! — крикнул Ахмед.

Вернувшийся Алабаш бросился защищать хозяина и яростно вцепился в горло Ахмеда.

Дурсун кинулся к дому.

Ахмед отбивался кинжалом от нападавшей собаки. Когда она затихла, упав замертво в снег, Ахмед бросился вдогонку за Дурсуном.

— Не уйдешь! — заревел он. — Я вооружился, как искусный охотник, получай, — и он выстрелил.

Дурсун упал в снег. Потом, собрав последние силы, побежал к дому, держась за бок.

Сидя на постели, Баллы пригорюнясь вязала чулок. Старшая дочь Гюнеш у очага пряла шерсть, маленький Акпер был уже в постели, когда услышал шум за дверью и встал открыть.

— Не открывай, не открывай, может, это разбойники. — Акпер отворил дверь. Дурсун успел подбежать к дверям. Ахмед преследовал его. В правом боку Дурсуна засела пуля, и он, как только дверь отворилась, влетел в комнату.

Все всполошились.

Решив, что это беглый арестант или разбойник, Баллы и дети застыли от страха. Дурсун заговорил, назвал всех по имени. Акпер и Гюнеш вскрикнули от радости и хотели об-

нять отца. Но Баллы взглянула на Дурсуна и узнала — это он. Но ведь он же умер полгода назад, был оплакан и помянут. Упав на одеяло, Баллы закричала, что было мочи:

— Не подходите, не подходите, он после смерти обернулся чертом.

Услыхав это, дети остановились. Дурсун понял все, что произошло. Наконец, ему после долгих клятв и уверений, удалось убедить Баллы, что он не умер, а сидел в тюрьме. Все собрались вокруг него. Зажав рукой правый бок, Дурсун обвел глазами комнату.

— А где Гюлли? — спросил он.

Баллы, понурясь, печально ответила:

— Гюлли давно ушла.

1911

КАК ХОЧЕШЬ, МНЕ-ТО ЧТО!

Когда я впервые увидел этого человека, его внешность и сдержанность не понравились мне. Сельские лавочники так рекомендовали мне его:

— Ему семьдесят лет, зовут «Джыртдан», если назовешь иначе, не узнают...

Войдя через полураскрытую садовую калитку и не видя кругом никого, я громко крикнул:

— Джыртдан!

Издали кто-то откликнулся сердито и резко.

— Не ори, подойди поближе!

Навстречу мне выскочила маленькая желтеющая собачка на коротких лапках и, утопая в густой пыли, поднятой ею, бросилась на меня. Прежде чем я успел подумать о самозащите, кто-то отозвал собаку, крикнув: «Сары, Сары». Собака, ворча, повернула назад.

Я приблизился. Среднего роста сухопарый человек в рубахе с растегнутым воротом копался в бостане. Его холодные, маленькие глаза, с опущенными густыми, короткими ресницами, блестели как светлячки. Я увидел продолговатую, приплюснутую с боков голову, свежесбритое худощавое длинное лицо, с огрубевшей кожей. Стоя на коленях, он оглядел меня холодным, подозрительным взглядом. Выражение его лица и особенно подбитые с обеих сторон усы под большим длинным носом несколько меня смущали.

«Это не Джыртдан», — решил я.

Уставившись на меня немигающим взглядом, он спросил:

— Что нужно?

— Мне надо видеть Джыртдана, — ответил я.

Не выпуская из руки мотыгу, которой он полол грядку, человек сердито вскочил с места. От волнения в его глазах засверкали искры гнева.

— Что это еще за Джыртдан? У меня есть имя! — сказал он недовольно.

Я понял, что лавочники подшутили надо мной.

— Простите, — сказал я, — так мне называли вас лавочники.

Он снова принялся за работу, и, не подымая головы, пробормотал:

— Допустим, но ты-то сам не знаешь разве, что нет такого имени «Джыртдан»... Меня зовут Азим.

Потом, сжав тонкие губы, процедил:

— Что же тебе надо?

— Хочу осмотреть сад и квартиру.

— Вот сад, и вот комнаты. Можешь смотреть.

И он снова вернулся к работе.

Я осмотрел комнаты, прошелся по саду и, выходя из калитки крикнул:

— До свидания, Азим-даи!

Когда мы въезжали к нему, Азим встретил нас так же холодно и сухо.

— Добро пожаловать! — приветствовал он нас коротко и стал переносить нашу поклажу в комнаты.

Каждое слово, каждый его жест наводили на мысль, что и внутренний мир его должен быть необычен и странен. Во мне с каждым днем росло желание узнать его поближе, покопаться в его прошлом. Но я не мог пока что добиться в этом успеха, так как Азим избегал всех, не проявляя никакого желания сблизиться с кем-либо.

Его тонкие, вечно сжатые губы раздвигались лишь для того, чтобы высказать только самое необходимое.

Говорил он отрывисто и кратко, глотая окончания, часто не договаривая, и иногда бормотал про себя что-то непонятное.

Однажды он возился в капустнике. Я подошел и, сев возле его желтой собаки, растянувшейся в тени, погладил ее по голове. Схватив лапами мою руку, она стала облизывать ее. Продолжая работать, Азим-даи бросил на нас беглый взгляд. По его заблестевшим глазам я понял, что он был доволен миром и лаской, установившимися между мною и собачкой.

вернулся, не приняв.

— Ну, что же, иди работать на промыслы.

— Там и без меня много народу.

— Тогда поищи другую работу.

Азим, снова сжав губы, продолжил работу. Тени страха и печали пробегали по его лицу. По-видимому, он думал о чем-то важном. Может быть переворачивал страницы своей жизни, полные горьких событий.

Как знать, может быть, в эти минуты волнения и печали перед глазами этого молчаливого человека, быстро сменяя друг друга, как на экране, проносились жуткие события, поблекшие обрывки воспоминаний!..

Он казался мне слишком взволнованным и не расположенным продолжить беседу.

— До свидания, Азим-даи! — сказал я, встав.

И, пытаясь выразить одобрение, Азим бросил мне вслед:

— Что, устал? Такие, как вы не умеют работать.

С течением времени Азим понемногу привык к нам. Когда я играл на балконе в нарды или беседовал с друзьями, он своим присутствием вносил некоторое оживление в наше общество. Усевшись в углу, он внимательно следил за ходом игры. Порой же задумчиво устремлял взгляд куда-то вдаль. Кто мог угадать, какие мысли занимали его в это время? Так просиживал он часами, погруженный в раздумье, не спуская глаз с неба. Наконец, точно утомившись, беспомощно опускал голову и вставал. И тогда уже ни исход игры, ни беседа не интересовали его. Его усталый вид говорил лучше слов, что горькие вопросы, разрешить которые он был бессилён, своею тяжестью придавили его.

— Я задыхаюсь от жары. Против этого есть одно лишь спасительное средство, это море, — говорил он вдруг, подымаясь, и уходил.

Он, как водяная птица, привык каждое утро и вечер плескаться в море.

Шли дни. Во мне понемногу пробуждалось глубокое уважение к этому молчаливому существу. Да только ли во мне? Члены нескольких семей, проживающих на этой даче, привязались к Азиму.

Это была бесконечно простая, сердечная, цельная и трудолюбивая натура. Ложь, лицемерие, хитрость, были ему совершенно чужды. К человеку, который раз переступил порог его

дома и пользовался его хлебом и солью, относился, как к самому искреннему другу, выказывая ему свою любовь и уважение не на словах, а на деле. Работы он не боялся и трудился без усталости. Каждое утро, когда он тряс тутовое дерево, перепрыгивая с ветки на ветку, быстро взбираясь вверх и соскакивая вниз, он делал такие ловкие, смелые движения, которые, казалось, были под стать лишь пятнадцатилетнему мальчишке.

Выполняя один-единешенек всю работу в своем саду, он успевал помочь также соседям и приготовить запасы для долгой зимы, тянувшейся шесть-семь месяцев. Все спорилось в руках этого с виду беспомощного и невзрачного человека. По словам лавочников, именно за эту привычку браться за любое дело и за то, что он не оставлял никакой работы незавершенной, его и прозвали «Джыртдан».

Но подобная неутомимость и неистощимая энергия у человека его возраста скорее напоминали какую-то механическую силу. По своей природе он не отличался активностью, будучи лишь прекрасным исполнителем чужой воли и чужих желаний. По какому бы поводу вы ни обратились к нему, вы неизменно получали в ответ:

— Как хочешь, мне-то что!

— Азим-даи, деревья, сохнут, капуста вянет, почему владелец сада не польет их?

А он — свое:

— Как хочет, мно-то что!

Сидя в себя в комнате, я был углублен в чтение.

Женщины, расположившись на балконе на ковре, беседовали. Одна из них тихим, приятным голосом читала вслух Орхана Сейфи. Вдруг взрыв дружного смеха прервал чтение. Заинтересованный этим, я высунулся в окно. На балконе в свойственной ему одному позе стоял Азим-даи и спрашивал тихим голосом:

— Кто это читал?

Женщины, смеясь и шутя, показывали друг на друга.

— Вот она, Азим-даи.

— Неправда, она.

— Нет, нет, она!

— Знаю, знаю это ты! — произнес Азим-даи, указывая пальцем на одну из них.

Женщины продолжали смеяться. Тут маленькая Гюльбеиз, самая большая приятельница Азима, прервала их шутки. Переваливаясь она заковыляла к Азим-даи и, подбежав, обняла его колени. Азим-даи поднял ее на руки.

Я принесу тебе с бостана маленький арбуз, хорошо?

Девочка радостно улыбаясь, глядя ручонкой лицо Азим-даи.

— А маленькую-ку-клу то-же купишь?

— Куплю, конечно же куплю.

— Азим-даи, почему вы до сих пор не женились? — обратилась к нему одна из женщин. — Будь вы женаты, теперь и у вас были бы такие славные детки. Вы забавлялись бы с ними и не были бы так одиноки зимой в опустевшем саду.

Азим вздрогнул и застонал, как раненый зверь: взор его затуманился. Посмотрев на женщины выразительным взглядом и сделав пальцами жест, каким изображают деньги, он печально ответил:

— Не было вот этого окаянного.

И, тяжело вздохнув, опустил голову.

— Испугался, — продолжал он, несколько успокоившись, Испугался, как бы не подохнуть с семьей в голоду.

— Отец ничего не оставил тебе, — земли, сада?

— Оставил маленький сад.

— Что же с ним стало?

— Продал я.

— Почему?

— Ведь вы же знаете, как у нас с садами, — ответил он после некоторого раздумья. — Чтобы сад давал плоды, нужна вода, колодец, лошадь, повозка. Каждый день поливаешь эти жадные пески, но они никак не насытятся. Завтра они снова сухи. Работаете наравне с лошадью от зари до зари, из сил, выбиваетесь и все же голоден. В других местах сельчане живут не так. И земля есть, и вода: сей сколько угодно. Мы же изнемогаем от работы, а толку никакого. Трудно получить урожай с этих песков. — закончил Азим.

— Как же живут здесь другие сельчане?

— Да и им сады дают мало. Скупа наша земля, очень скупа.

Эта необычно длинная для Азим-даи речь и его здравые рассуждения удивили всех. А он снова смолк, поникнув головой.

— Азим-даи, чем же вы данялись, продав сад? — спросила одна из женщин.

— Я продал сад за двести рублей, — ответил он медленно, поджав голову. — На эти деньги купил фрукты, повез в Россию. Большая часть их сгнила. Проторговал я пять-шесть месяцев, потерял все деньги и едва добрался до Баку.

— А чем вы занялись в Баку? — продолжала спрашивать женщина.

— А для чего вам нужно знать все это? — обрезал Азим, подозрительно взглянув на нее.

— Да ведь у нас всего один Азим-даи, как же вам не знать его прошлого!

Она произнесла это так искренне и тепло, что Азим невольно улыбнулся.

Он повертел потрепанную круглую шапочку с вылезавшими по краям нитками и продолжал:

— Эх... много было со мной злоключений.. Во многих переделках я бывал. И за что бы ни взялся, все шло прахом. Наконец нанялся я в садовники к одному богачу. Не поладили, ушел от него, поступил на синтенабивную фабрику. Проработал два года. Потом заболел, провалялся десять дней... Выздоровел, пошел на фабрику, говорят: «Ты, уволен, сейчас места нет, приходи через неделю». Я решил, что хотя отвяжусь от меня. Больше не ходил..

— Потом, потом, Азим-даи?

Он поднял затуманившийся взор.

— Идите-ка за мной, — произнес он и пошел вперед.

Женщины гурьбой, со смехом и шутками повалили за ним, потащив заодно и меня. Мы очутились на маленьком балконе, выходившем на улицу. Азим показал на высокую, покрытую каменными плитами могилу в конце соседнего сада.

— Вот, взгляните. Я нанялся работать в саду человека, который покоится под этими камнями.

Потом, показывая рукой на обширные пространства садов, расположенных рядом, добавил:

— Это все принадлежало ему. Он был вначале бедным сельчанином и нажил все это на извозе.

Азим умолк, устремив взгляд на могилу.

— Азим-даи, — спросил я, — почему этого человека похоронили в саду?

— Из предосторожности, — ответил Азим. — Ведь какой это был человек!? Врагов у него было больше, чем волос на голове. А что он унес с собой? Ничего.. Своим батракам не давал вздохнуть. Ходил с длинным кнутом в руках, и стоило кому-нибудь остановиться хоть на миг, чтобы дух перевести, как он подбегал и избивал, до полусмерти. Кто мог осмелиться пикнуть!

И, покачав головой, Азим продолжал:

— Да и ему самому жизнь была не в жизнь. Днем в саду никогда не расставался с револьвером, а по ночам в доме не зажигал огня, и, ложась спать, всегда менял место.

— Сколько времени ты проработал у него?

— Долго. Разве я знаю? всю свою жизнь я загубил в его саду.

— Трудно, должно быть было работать у такого человека?

— А что я мог поделывать? Если бы я ушел, он убил бы меня.. Сын злодея, он сам был кровопийца. Живя у него, я был как бы мертв и лишь после его смерти ожил.

— Его убили?

— Кто знает, может быть, и убили.. Тот день для села был праздником.

Азим снова углубился в думы, устремив взор по направлению к садам.

Внезапно подняв голову, он сказал:

— Имей я в то время этакий сад, теперь у меня был бы сын твоих лет.

Я вспомнил рассказы лавочников об Азиме.

— Сколько тебе лет, Азим-даи? — спросил я.

— Много.. Откуда я знаю? Не считал.. Что годы? Приходят, уходят..

— Для своих лет ты прекрасно сохранился.

— Если б я не встретился с ним, никогда бы и не постарел. — ответил он, указывая на могилу.

И опять замолчал, глядя то на могилу, кошмаром стоявшую перед ним, то на сады, в которых от ветра качались верхушки деревьев. Долго-долго смотрел он, уйдя в воспоминания, и я понял, что было бесполезно пытаться заговорить с ним в такую минуту.

И без того сегодня, вопреки обыкновению, он поведал нам свою биографию и, может быть, доселе никому не открытую, полную жутких тайн, судьбу.

Он уже умолк, уста его сомкнулись.

Сары, собачка Азим-даи, захворала. Всегда до этого следовавшая по пятам за хозяином, она была уже не в силах передвигаться. Лежала, вытянув лапки, на постельке, приготовленной для нее Азим-даи под тенью большого дерева, и стонала от боли, как человек.

Азим-даи совершенно растерялся, беспомощно суетился около нее, гладил ее по голове, вливал ей в горло молоко, растирал лапки.

— Что это с Сары, Азим-даи? — спрашивали его.

И он с видом человека, теряющего самое дорогое существо, всплескивал руками и дрожащим голосом отвечал:

— Еще ввечером она была совершенно здорова. Не пойму, что с ней приключилось. Несчастье! Ах, какое несчастье!

И при этом прижимал руки к груди, глядя на собаку. Стоило Сары застонать, как он начинал ласкать, ее, приговаривая:

— Джан! Не бойся, ты поправишься, ты будешь жить!
Но собаке становилось все хуже. На ее выздоровление не было никакой надежды. Она отказывалась от пищи и молча смотрела на Азим-даи помутневшимся взором. Весь сад точно замер в тревожном ожидании. И если дети подымали в саду хоть незначительный шум, Азим-даи, нахмутив брови, напускался на них, шепча:

— Ну, ну не шумите! Видите, тут больная.

Все мы по многу раз в день навещали Сары. И хотя следовало бы говорить: «Да утешит тебя аллах», — мы говорили: «Азим-даи, не бойся, поправится она, собаки живучи, не всякая болезнь их берет» — и старались подбодрить его.

А он, опустив голову, стоял мрачный и молчаливый.

Чаще всего Сары навещали женщины и дети. Они смотрели на собачку и шептались:

— Легко умирать Сары, голова у нее на подушке, лежит на тюфячке, у изголовья сидит Азим-даи. Но что будет, когда Сары подохнет! Хорошо, если Азим-даи не покончит с собой.

Кто-то сказал Азим-даи, что, может быть, собаку укусила змея или дети дали какой-нибудь отравы и что следовало бы показать ее врачу.

Он уложил собаку на подушку и отнес к доктору. Осмотрев ее, ветеринар велел дать ей яичного белка.

Но Сары не хотела пить, тогда Азим силой раскрыл ее пасть и влил ей в рот белок. Собака стонала, мотала головой и наконец выплюнула все обратно.

С каждым днем она хирела и слабела.

Однажды в сумерках прибежали дети в большом волнении.

— Азим-даи плачет! Сары околела! — сообщили они.

Женщины сауетились. Все понимали, какая это тяжелая потеря для Азим-даи, и что нам, как друзьям, следовало утешить его в горе. Я пошел к нему. Мертвая собачка лежала на подушке, мордочкой на восток, закрыв глаза и не видя больше ни солнца, посылавшего ей свои теплые лучи, ни окружающего мира.

— Да будет голова твоя цела, Азим-даи, — произнес я принятую в таких случаях фразу.

Он ничего не ответил.

На следующий день я пошел взглянуть на могилу Сары, вырытую в тихом безлюдном уголке сада. Азим-даи копался около ее, сажая большой куст жасмина. Я внимательно посмотрел на него. Как сильно он изменился за этот короткий срок! Глаза его потускнели, на лице легла печать одиночест-

ва и сиболливости.

В этот день он проспал до самого вечера. А вечером куда-то исчез и два дня не показывался.

— Как бы бедняга не покончил с собой с горя, — беспокоились женщины, и все находились в сильном волнении.

— Не иначе, как с ним что-нибудь случилось, а то вернулся бы до сих пор, — говорили они.

— Надо сообщить властям, — советовали другие.

Наступили третьи сутки. Было около полудня. Земля раскалилась от палящих лучей июльского солнца. Все скрылись в комнаты, спасаясь от жары. И лишь назойливый треск кузнечиков и возня спрятавшихся в тени детей нарушали тишину. Вдруг в саду поднялась суматоха.

— Азим-даи вернулся! Азим-даи пришел! — закричали дети, кружась и прыгая. Мы поспешили ему навстречу.

Он пришел не один. У его ног стоял маленький, желтенький и коротконогий щенок. Радости детей не было предела. Они наперебой ласкали щенка. А тот, как старый приятель, раскрыв маленькую пасть и виляя хвостиком, бросался на них.

Женщины окружили Азим-даи, радостно приветствуя его:

— Добро пожаловать, Азим-даи! Где ты был?

Лаская одной рукой щенка, ластившегося к его ногам, он другой указал куда-то вдаль:

— Так, туда ходил.

Его осунувшееся лицо обросло, морщины углубились, но выражение одиночества в его глазах уступило место блеску надежды.

Потрепав щенка по шерстке, я сказал:

— Азим-даи, а эта, пожалуй, еще игривей и забавней!

— Да, она похожа на Сары. Когда я привел Сары, этой еще не было... Сары, Сары!... — кликнул он и обнял голову собаки, с лаем облапившей его колени.

И Азим-даи зажил прежней тихой, молчаливой жизнью. Днем работал в саду, на огороде, а свободные часы коротал с маленькой Сары.

В последнее время он часто выходил на балкон и подолгу смотрел в сторону садов и высокой могилы.

Однажды он по обыкновению в задумчивости глядел на сады и могилу.

Я сидел у себя в комнате один.

Подойдя к двери, Азим позвал меня и, указывая рукой на сады, сказал:

— Взгляни, они — словно темный зеленый лес. В нашей стороне нет сада лучше этого. Я вскопал его зубами и ногтями.

Потом, бросив злобный взгляд на могилу, добавил:

— Если бы он был человеком, а не зверем, он и меня вывел бы в люди. Но это был не человек, а кровопийца, палач.

— Азим-даи, а как его звали?

— Звали? Зверем, хоть и это слишком нежное для него имя.

Азим не имел обыкновения смотреть при разговоре в лицо собеседника, но теперь он вдруг приблизился ко мне, и, впившись в меня взглядом, произнес:

— Никакими словами не передать его злодеяний, не пересказать их. Но слушай!.. Как-то ночью я, очень устав, спал под деревом. Кто-то разбудил меня ударами палки. Я вскочил. Было темно, но по голосу я узнал его. Зачем ему понадобилось будить меня ночью? «Вставай, иди за мной», — сердито сказал он мне. Я задрожал от страха. Пошел за ним. Тревожно билось сердце. Куда он ведет меня? Зачем? Мы прошли калитку, отделявшую сад от дома.

«Живо, запряги повозку» — приказал он.

Я побежал, запряг, вернулся. Он ждал меня во дворе. Указывая на завязанный мешок, лежавший у его ног, он сказал:

«Возьми это, отвези и брось в море».

Нагнувшись, он помог мне взвалить тяжелый мешок на спину и крикнул вслед:

«Езжай по дороге, не сворачивай с колеи».

У меня подгибались колени. Я с трудом донес мешок до повозки. Поехал меж садов, по узким темным улочкам. Ветер вздымал к небу тучи песка. Мрак, как голодный волк, хватал за лицо. Перевешивавшиеся через каменные ограды садов темные ветви хлестали меня. Я подъехал к морю. Волны, подгоняя друг друга, неслись к берегу, подобно чудовищам с широко разинутой пастью, требовавшей жертвы. Голова моя была полна мрачных дум. Никогда не чувствовал я такого отвращения к жизни. Хотелось въехать в самое море, отдаться бушующим волнам. Но не посмел: мужество покинуло меня. Я не имею обыкновения ругаться. Но тут я принялся ругать моего хозяина, отравившего всю мою жизнь.

Азим-даи умолк. Облокотившись о перила, он точно отдался во власть тяжелых воспоминаний.

— Что же сделал ты с мешком, Азим-даи? — спросил я, не вытерпев.

— Бросил в яму...

— А кто был убитый? Не выяснилось?

— Выяснилось.

Он произнес это слово взволнованно и отрывисто. И я понял, что он больше ничего не скажет. Он снова умолк.

Прошлое, ставшее колыбелью трагедии, продолжило терзать его существо. Гнев и скорбь отразились на его лице. Он замер с устремленным на могилу взглядом. Я впился глазами в этого загадочного человека, напоминавшего мне древнюю развалившуюся могилу, и старался уяснить себе его душевное состояние.

Лай Сары вывел нас из задумчивости. До тех пор спокойно лежавшая у ног Азим-даи и точно внимательно слушающая его Сары вдруг впала в ярость. Поднявшись на задние лапки, она передними охватывала Азим-даи, и словно желая отвлечь его от задуманного дела, неистово лаяла.

Азим-даи прикрикнул на нее.

Сары пуше залаяла. Невольно рассмеявшись, старик положил ей на голову руку, и она притихла.

Два существа из всех окружающих Азим-даи людей могли хоть немного развеять его и вызвать на лице улыбку: то были — домработница Поля и только что начавшая лепетать моя дочурка Гюльбениз.

Играя с девочкой, лаская и подбрасывая ее на руках, Азим-даи преображался. Его глаза сияли, и смех звучал искренним весельем.

Поля была его лучшим другом. Каждый раз, когда она стирала у колодца или доставала воду, Азим-даи помогал ей и на смешанном русско-тюркском языке пытался что-то объяснить ей.

Возможно, что он рассказывал ей о городах и знакомых людях, виденных во время его пребывания в России.

Поля хохотала, слушая его невразумительную речь, и говорила:

— Азим-даи, научи меня говорить по-тюркски!

И Азим-даи с большим рвением принимался учить ее. Поля, как попугай, повторяла за ним слова, сильно коверкая их.

Азим-даи самодовольно улыбался, Поля же покатывалась со смеху.

А когда по временам она, шутя, бросала ему по-тюркски:

— Азим-даи, я люблю себя, — его лицо сияло, глаза смеялись, рот расплывался в улыбке.

С каждым днем все больше и больше привязывался он к Поле, но в этой привязанности не было ничего дурного. Он любил в ней ее резвость, ее детский задор.

Однажды женщины сказали ему:

— Азим-даи, оказывается, Поля тебя страшно любит.

— Как хочет, мне-то что! — ответил он, равнодушно улыбаясь и опуская голову.

— А ведь плутовка — славная девочка.

— Да, хорошая, веселая...
— Только по воскресеньям много гуляет.
— Как хочет, мне-то что!
— Если бы ты умел говорить по-русски, она не ходила бы с другими.
— Я знаю по-русски, — твердо заявил Азим-даи.
— Что ж ты знаешь?
— «Што, карашо, нето»... Много чего знаю...
Женщины рассмеялись. Азим-даи смутился:

— Ну, вы, чего смеетесь! — сказал он и ушел.
Поля получила письмо, которым ее вызывали в город. От радости она не могла усидеть на месте.

В этот день Азим долго стоял, прислонившись к перилам балкона, казалось, он был не в силах оторваться от них. Был очень грустен и беспрестанно ласкал Сары.

Гюльбениз, подбежав к Азиму, повисла на нем. Он взял ее на руки. Сары, приревновав, громко залаяла, пытаясь схватить девочку. Азим-даи рассердился и оттолкнул собаку ногой.

— Гюльбениз, когда ты уедешь, я заплачу, как дитя, я буду плакать дни и ночи! — сказал он, глядя на нее влажными глазами.

— Азим-даи, вот и разъезд начинается. Сегодня уезжает Поля, — сказала одна из женщин.

Бедный старик вздрогнул, скорчился. Как ни старался он скрыть охватившее его волнение, это не удалось ему.

Побледнев, он замер.

Потом, погладив по голове льнувшую к его ногам Сары, тихо и грустно произнес:

— Как хочет, мне-то что!...

НЕРВНЫЙ СУБЪЕКТ

После недельного отдыха в санатории на Минеральных водах Айдемиру предстояло вернуться в Баку.

Когда он, держа тяжелый чемодан и перетянутую ремнями постель, входил в купе спального вагона, выходящий оттуда с багажом пассажир улыбаясь, крикнул ему:

— Ну, я избавился! Теперь пожалуйте вы!

Ответив улыбкой на эти слова, смысла которых он не понял, Айдемир вошел в купе.

Это был полный, стройный человек среднего роста. В его темных, живых глазах, окаймленных длинными ресницами, на открытом, загоревшем лице светилась и играла радость счастливого человека.

Окинув приветливым взглядом находящихся в купе пассажиров, он положил свою постель и выдавший виды чемодан на третью полку, затем, спросив разрешения у юноши, сидевшего у окна, подошел и стал беседовать в окно с провожавшими его друзьями.

— Эй, ты! Отойди от окна! — кричал вдруг один из ехавших в этом купе. Пронзительный голос его был похож на свисток паровоза.

Айдемир, вздрогнул от неожиданности, повернул голову в его сторону. Он увидел человека средних лет, высокого роста, тучного, с мясистым лицом, на котором вздулись вены, с низким лбом и большими желтыми глазами, сверкавшими из-под лохматых бровей. С недоумением оглядев его, Айдемир снова отвернулся к окну и стал прощаться с товарищами.

— Говорю тебе, отойди от окна! — опять крикнул тучный субъект, на этот раз резче, чуть не задыхаясь от гнева.

Сияние в глазах Айдемира мгновенно потухло, лицо его вытянулось.

— Что вы сказали! — спросил он нахмурив тонкие брови. Тот нервным, взволнованным голосом повторил:

— Я говорю: отойди от окна! Оно не только для тебя.

— Во всяком случае и не для вас одного. Я попросил разрешения у этого товарища (Айдемир указал на сидевшего влево от него юношу). — Когда попрощаюсь с друзьями, предоставлю окно в полное ваше распоряжение. А волноваться незачем.

Айдемир говорил мягким, вежливым тоном. Но тучный субъект кричал еще более возбужденным голосом:

— Это меня не касается! Живо, отойди!

В это время дали свисток. Поезд тронулся. Толпа на платформе засуетилась, забегала. Не обращая внимания на крики тучного субъекта, Айдемир пожимал руки своим друзьям, когда вдруг почувствовал, что кто-то отпихивает его ногой.

— Я тебе говорю по-человечески: отойди! — заревел тучный субъект, возбужденный до крайности.

Поезд прибавил ходу. Отойдя от окна, Айдемир сказал резким голосом:

— Не вам бы говорить о человечности: своим поведением вы доказали, что на вашу долю ничего не перепало от человечности.

И спокойно уселся против него. Тот при этих словах подскочил на месте и с пеной у рта заорал:

— Знаешь ли ты, молокосос, во что обойдутся тебе эти слова?

Айдемир окинул его насмешливым взглядом:

— Я не коммивояжер, а то верно знал бы, во что они обойдутся!

И при этом он взглянул на двух юношей, все время спокойно наблюдавших за их спором.

Его шуточный, остроумный ответ вызвал у них взрыв невольного смеха.

Толстяк был взбешен: губы у него дрожали, ноздри нервно вздрагивали. Вскочив с места и потрясая кулаками, он закричал:

— Ты пьян, что ли? Соображаешь ли ты, что говоришь? В своем ли ты уме?

— Во всяком случае я не в такой степени лишен ума, чтобы занимать его у вас!

— Ум создан не для таких жалких, личностей, как вы!

— Как знать? Будь у нас машина, точно измеряющая количество ума у каждого, я давно бы заставил вас умолкнуть, — отрезал Айдемир, спокойно заложив ногу за ногу.

Двое молодых с интересом следили за этой перебранкой. Толстяк был вне себя от бешенства. Он до крови искусал себе губы. Тусклые желтые глаза, его, казалось, были готовы выскочить из орбит.

— Я заставлю тебя замолчать! — закричал он и выскочил из купе.

При этой выходке трое молодых людей переглянулись и разразились хохотом.

— Не знаю, как вам выразить благодарность, — сказал сидевший против Айдемира высокий, бледный молодой человек. — Своей доблестной самозащитой вы отомстили и за нас.

— А что, этот субъект и вас беспокоил? — спросил Айдемир с выражением живого интереса.

Один из его собеседников пытался ответить на вопрос, но не мог: стоило ему раскрыть рот, как обоих охватывал приступ смеха. Вытирая выступившие на глазах слезы, он наконец взял себя в руки и начал:

— Вот послушайте: этот человек едет с нами с Москвы. Надеюсь вам понятно, что значит — проделать с ним этот длинный путь! С первой же минуты нашего появления в купе,

он отнял у нас покой и лишил всякого удовольствия: смеяться, громко разговаривать, нечаянно стукнуть, зашуметь в купе категорически запрещается. Он не позволяет подойти к окну или отдохнуть немного на верхней полке днем. И чего, только он ни вытворял с бедным Сергеем Михайловичем! Лежать днем на верхней полке нельзя — это закон. Ночью поднимаясь на нее, чтобы лечь, нельзя прикоснуться ногой, к его полке. Надо или взлететь, взвившись птицей или вскарабкаться, как кошка: иначе нельзя. Если же прикоснешься к нижней койке хоть носком ботинка, — начинает реветь, как пароходная сирена и нет никакой возможности огановить его. Будет ворчать без конца. Вот уже три ночи, как бедный Сергей Михайлович не сомкнул глаз.

— Почему? — спросил Айдемир с любопытством.

Сергей Михайлович, горько усмехнувшись, ответил:

— Я вам объясню, почему. Как уже сказал товарищ Асатурян, после того как я, прыгнув кошкой, поднимаюсь на верхнюю койку, толстяк настораживается. И если хоть чуточку свесится вниз кончик одеяла, простыни или подушки, он хватается на них обеими руками и начинает вопить: «Эй, убери свое белье».

Я подбираю белье так, как ему угодно, и с мыслью, что наконец избавился от него, стараюсь уснуть. Но не тут-то было: едва я успею сомкнуть глаза, как кто-то начинает тормозить меня. В страхе просыпаюсь и вижу около себя омерзительную физиономию этого человека. — Ну-ка, подбери это тряпье и дай и нам покой, — орет он что есть мочи над самым ухом, стараясь при этом выдернуть из-под меня простыню.

— Но по какому праву, друзья мои? Почему вы не обращались к блюстителям порядка? — спросил Айдемир удивленно.

— Эту обязанность исполняет он сам. Стоит только произнести слово — милиция или ревизор, как этот толстяк, подозрительно оглядев нас вытаращенными глазами, вылетает воп из купе; немного погодя, он возвращается в сопровождении милиционера или ревизора и говорит с пеной у рта: — Прошу вас возворить порядок разъяснить этим невежам правила поведения в вагонах!..

— Ну, и что же? — спросил Айдемир.

— Да ничего!.. Несчастный блюститель порядка недоумевает, не будучи в состоянии выяснить, кто прав. Нерешительно оглядев нас и его, он наконец уходит, пожимая плечами.

Как раз в этот момент толстяк вернулся в сопровождении ревизора и, указывая на Айдемира, произнес:

— Прошу вас призвать этого человека к порядку!

Айдемир, улыбнувшись, посмотрел на ревизора, который окинув взглядом находившихся в купе, сказал:

— Не думаю, чтобы эти люди не имели понятия о правилах поведения или о вежливом обращении. К чему весь этот шум, эта грызня? Вот уже пятый раз, как меня вызывают в это купе для водворения порядка. Зачем вы беспокоите и себя, и меня?

Затем, обращаясь к молодым людям, добавил:

— Умоляю вас, будьте обходительны с этим человеком. И он просяще сложил руки.

— Товарищ ревизор, — сказал Сергей Михайлович, — надо не его нам, а нас поручить ему. Мы ничего против него не имеем. Всему виной он сам, и он же жалуется.

— Послушайте, не трогайте меня, не выводите из терпения своими грубыми поступками, и я вас оставлю в покое, — возразил тучный субъект весьма вежливо и мягко.

Асатурян вскочил с места:

— Беседовать с друзьями, храпеть во сне — это по-вашему, грубость?

— Почему вас беспокоит чуть свесившееся одеяло или подушка, к тому же беспокоит так сильно, что, когда я сплю, вы тащите из-под меня спальные принадлежности, — добавил Сергей Михайлович.

— Или не разъясните ли вы, почему прощание из окна с товарищами выводит вас из равновесия, — сказал Айдемир.

— Потому что все это меня раздражает и лишает покоя, — ответил толстяк.

При этих словах все трое взглянули на ревизора.

— В таком случае вы больны, — заявил ревизор.

Эти слова произвели на тучного субъекта такое действие, точно его ударила молния. Его воспаленные глаза вылезли на лоб.

— Вы сами больны! — заорал он запальчиво на ревизора.

Вскочив с места, он сделал какой-то странный реверанс, с обиженным видом сел на свое место и отвернулся к окну.

Оглядев толстяка с большим любопытством, ревизор с многозначительным видом приложил палец к своему лбу. Трое молодых людей расхохотались. Обернувшись и увидев ревизора, все еще стоявшего в дверях, толстяк понял, что смех вызван каким-нибудь жестом ревизора. Его прорвало.

— Ах, и ты вздумал надо мной издеваться?.. В тебе еще жив дух царских жандармов! — крикнул он вне себя.

На лице ревизора появилась горькая усмешка:

— Долг всякого человека, проговорил он, — указать людям на их недостатки, которых они не замечают. В вас

живет дух древних пап или иранских фаррашей. Какое вы имеете право, придираясь ко всем, нарушать покой этих людей? Единственное средство водворить порядок, это сдать вас милиции на одной из ближайших станций.

И он вышел.

Еще сильнее разволновавшись от этой угрозы, толстяк начал нервничать. Вид юношей также выводил его из себя. Он то входил, то выходил, то, заложив руки в карманы, взволнованно шагал взад и вперед, то садился и снова вскакивал. Когда поезд приближался к станции, толстяк начинал дрожать от страха.

— Я знаю, вы будете держать сторону ревизора. Но не делайте этого, — произнес он вдруг, обращаясь к юношам.

— Из чего вы заключаете, что мы станем на сторону ревизора? — спросил Асатурян.

— Да уж знаю, — ответил он грустно.

Тяжелое состояние, в котором находился этот несомненно больной человек, пробудило в сердцах трех юношей сострадание. Они ласково посмотрели на него, ободряя его взглядами.

Но тот не успокаивался.

— Не делайте этого, не отягчайте вашей совести с молодых лет.

Поезд стал замедлять ход.

— Простите, — сказал Айдемир, вежливо обращаясь к толстяку, — вот вы, оказывается, умеете быть обходительным и любезным с молодежью. К чему же тогда все эти странные поступки?

— Что вы называете странными поступками?

— Например ссоры, вызов ревизора и так далее.

— Вы еще не забыли этого? — укоризненно произнес толстяк. — Ах, злые, мстительные люди!

С этими словами он вышел из купе, но тотчас же вернулся и сел на прежнее место.

В это время в купе вошел ревизор.

— Пожалуйте! — сказал он, обращаясь к тучному субъекту. Бедняга побелел, как полотно.

— Куда? — спросил он дрожащим голосом.

— В милицию.

— Зачем?

— Чтобы покончить с этим вопросом.

— С каким вопросом?

— О многочисленных жалобах на вас.

— Я не могу пойти с вами, потому что не хочу задерживаться в пути.

— В таком случае предъявите ваше удостоверение личности.

— А это зачем?

— Чобы выяснить вашу личность.

Тучный субъект вынул свои документы. Ревизор, пробежав их взглядом, прочел вслух:

— Абрам Викторович Лемберт...

Послышался свисток.

Возвращая удостоверение, ревизор заметил:

— Тем не менее я должен буду на одной из станций отправить вас в милицию..

С этими словами он вышел.

Каждый раз, как поезд приближался к большой станции, Абрам Викторович нервничал, замирая от страха. В то же время он не переставал придираться ко всем, критиковать и, словно обиженный на весь мир, не хотел ни с кем разговаривать. На каждой остановке он выбегал на платформу. Входя в купе, он бросал подозрительный взгляд на свой багаж, то на соседей, как бы желая сказать: «смотрите за моими вещами» или «не стащите моих вещей», но выходил, не сказав ничего.

Поезд приближался к Баку. Абрам Викторович, давно собравший свой багаж, находился в сильном волнении.

Не успел еще остановиться поезд, как он стал звать носильщика, бросаясь от одного окна к другому и крича:

— Носильщик! Носильщик!..

Вручив вещи первому вошедшему носильщику, он с видом человека, вырвавшегося из темницы, нервно зашагал к выходу.

Молодые люди с облегчением вздохнули.

— Ох, наконец-то избавились!

И, взяв свои вещи, тоже вышли из купе, со смехом вспоминая поступки своего беспокойного соседа.

Когда они сошли с вагона, их внимание было привлечено суматохой, происходящей у выхода. Они инстинктивно стали искать глазами толстяка. Первым заметил его Сергей Михайлович и невольно воскликнул:

— Поздравляю, наш приятель здесь!

Чтобы скорее узнать, в чем дело они поспешили к месту происшествия, где дело принимало, по-видимому, серьезный оборот. Два гражданина, схватив Абрама Викторовича, требовали, чтобы вызвали постового милиционера отправить его в отделение. Толстяк же упирался. Носильщик в ожидании развязки этой истории стоял в недоумении, сложив вещи на земле.

Шум все увеличивался, прибывали пассажиры, с которыми толстяк сталкивался в вагоне, и они, вмешавшись в дело, кричали:

— Надо указать ему границы!

И по мере того, как росло число обвинителей, увеличивалось также и возмущение Абрама Викторовича, растерянно смотревшего на окружающие его враждебные лица. В это время один из граждан, вернувшись в сопровождении милиционера, нагрузил багаж на носильщика, и взяв Абрама Викторовича под руку, резко произнес:

— Ну, пойдём!

На лице Абрама Викторовича мелькнул страх.

Он стал вырываться.

Глаза его затуманились, ноздри нервно затрепетали, на губах выступила белая пена. Сначала он смотрел на толпу беспомощно, с выражением ужаса, потом, взмахнув вдруг руками и сжав кулаки, завопил срывающимся голосом:

— Пойдем?.. Нет! Вот смотри...те... бежит... милиция, милиция!

— Что с вами, Абрам Викторович! — произнес высокого роста, болезненного вида человек, пробившись через шумевшую толпу. Обхватив толстяка обеими руками, он гневно оглядел толпу.

— Печальное наследие царского режима! — произнес он с глубоким вздохом.

— Раз вы его знаете, будьте любезны разъяснить нам, кто он? — послышалось из толпы.

— Этот человек, — ответил тот резким, суровым голосом, — жертва царского деспотизма. Одесский еврей, он с детства ежедневно при приближении пасхи и рождества бывал свидетелем кошмарных еврейских погромов, которые организовывали дикие казаки и гнусные служители культа по секретным приказам царского правительства. Трепеща от страха, он прятался по чердакам, спасая свою жизнь и каждую минуту рискуя ею. Так рос он, видя воочию этот разгул диких оргий и льющуюся кровь невинных людей, пока революция не положила им конец. Теперь вы поняли?..

— Что вам нужно от этого больного? — сердито сказал молодой врач, наблюдавший все происшествие. — Того ли требует новый строй, новая жизнь? Его не в милицию, а в больницу надо отправить!

В этот момент беспрестанно бегавшие глаза толстяка устались в одну точку, руки беспомощно повисли, печальная улыбка скривила его губы.

И вдруг с безумным хохотом он упал без чувств на руки подхвативши его людей.

Летние каникулы начались совсем недавно. Когда автобус, переполненный радостно возбужденными пионерами в красных галстуках, остановился перед воротами лагеря, внезапно воцарилась мертвая тишина. Ребята с тревогой ждали: будет ли продолжительный сигнал шофера. Вместе со звуками сигнала одновременно открылись и ворота. Старый садовник Салман вышел к воротам. Как всегда, он встречал своих маленьких друзей с распростертыми объятиями.

Азер уже в прошлом году побывавший в этом лагере, бросил мимолетный взгляд на зеленый сад, бахчу, разведенный цветник:

— Как говорят наши старики, дядя Салман снова превратил сад в райский уголок, — сказал он.

Внимание пионеров было приковано к саду, бахче и, в особенности, к чудесному цветнику с распустившимися там пестрыми цветами. От распространяющегося вокруг аромата зеленой листвы и пестрых цветов они почувствовали в душе облегчение и безудержную радость.

Еще в прошлом году по совету дяди Салмана Азер смастерил деревянный скворечник и повесил его на макушке высокого карагача перед домом пионеров, чтобы птицы свили там гнезда, спасая себя от мороза и стужи. И поэтому, увидев дядю Салмана, он в первую очередь спросил про этот скворечник:

— Сынок, в твоём скворечнике весной скворцы вывели птенцов. Смотри, как развеселился этот карагач благодаря твоим птенцам, — сказал дядя Салман, улыбаясь своими маленькими, с густыми короткими ресницами, глазами и толстыми губами.

Азер смотрел на скворцов, не отрывая от них своих влюбленных глаз. Перелетая с ветки на ветку, скворцы чирикали и перекликались меж собой. В тот день Азер от радости не находил себе места.

Пионеры ждали, собравшись на площадке лагеря. Начальник лагеря, товарищ Тофик, поднявшись на третью ступеньку длинного и просторного крыльца, обратился к ним с речью:

— Дорогие дети! Эти сады и цветники, что перед вами, разведены для того, чтобы вы хорошо проводили свой отдых. Родина наша проявляет к вам, детям, огромную заботу. Были созданы всяческие условия для вашей успешной учебы и здоровья. Свои летние каникулы вы проведете здесь в любимых занятиях и играх. Как и в школе, ведите себя здесь достойно имени пионера, не нарушая дисциплины, будь-бы

дительно друг с другом! Не порьте деревья, не вредите птицам! Я желаю вам успеха в ваших занятиях.

Слова руководителя лагеря, были встречены ребятами пионерским салютом.

Пионервожатые распределили между звеньями предстоящие с завтрашнего дня обязанности. Все остались довольны этим распределением.

Товарищ Тофик попросил дядю Салмана ознакомить пионеров с садом лагеря. Старый садовник с удовольствием принял предложение и вместе с пионерами начал обходить сад. Дядя Салман приблизился к первой из смоковиц, которые росли рядами у самой стены. Указывая рукой на пока еще неспелые зеленые плоды инжира, он сказал:

— Смотрите, это еще неспелые, а как налиются соком и пожелтеют, то увидите, что они и крупнее, и слаще, и сочнее обычного инжира.

Азер и другие пионеры, побывавшие в этом лагере в прошлом году, подтвердили его слова.

Кто-то из пионеров, с интересом осмотрев незрелые плоды инжира, спросил:

— Дядя Салман, как вы этого добились? Расскажите и нам.

— Сынок, все создается трудом. Каждый год я дважды хорошенько окапываю деревья, меняю землю, удобряю, срезаю и очищаю от лишних побегов, у нас в Баку их называют пасынками. При засухе иногда пускаю воду и поливаю их.

Бросив гордый взгляд на плоды своих трудов, дядя Салман подошел чуть ближе и, прислонившись к дереву, добавил:

— Еще деревья надо оберегать от крылатых и бескрылых насекомых. И поэтому, как только наступает весна, надо побелить стволы деревьев известью, чтобы подземные вредители-насекомые не могли взобраться на дерево и попортить плоды. Муравьи тоже гнездятся на корнях деревьев, отчего они начинают сохнуть. Каждый год я травлю эти муравьиные гнезда.

В это время стая воробьев прилетела и села на ближайшие деревья.

— А эти птицы — близкие друзья зелени и плодовых деревьев, — сказал дядя Салман, указывая на птиц. — Они ловят и пожирают вредных жучков и бабочек.

Потом дядя Салман, указывая на начинающие уже желтеть крупные абрикосы среди зеленых листьев абрикосового дерева, добавил: — И это тоже плоды моих трудов, в наших садах редко можно найти такие крупные и сладкие абрикосы.

В это время Салим, показывая на корявое дерево с опавшими листьями и несколькими мелкими абрикосами на макушке, со смехом сказал:

— Дядя Салман, эти мелкие и червивые абрикосы тоже твои?

В один миг ребята окружили корявое дерево, рассматривая его мелкие и сморщенные абрикосы.

— Нет, сынок, это абрикосовое дерево не мое. Оно растет с давних пор. Я упорно старался выпрямить его, но не смог. Есть поговорка: «Дерево следует гнуть сырым», — сказал дядя Салман, зажмурив свои маленькие черные глазки между короткими ресницами.

Азер не согласился с его словами:

— Дядя Салман, нам не нравятся ни кривые люди, ни корявые деревья. И поэтому наши глаза не должны видеть в этом году корявых деревьев. Вам надо или вырвать его с корнем и выбросить, зимой пригодится для топки, или же срубите его у самого корня и сделайте прививку из других абрикосовых деревьев.

— Молодец, сынок! Ты моя умница, я помню тебя еще с прошлого года. Ты прав, сколько раз я собирался сделать на этом дереве прививку, да руки не поднимались. И я оставлял это корявое дерево, пусть все, кто увидит его червивые плоды, укоряют в душе того садовника.

Товарищ Тофик подтвердил слова дяди Салмана.

— Если бы в свое время, когда еще это было молодым саженцем, садовник посадил рядом еще одно дерево, привязав его к нему веревкой, чтобы ветры не согнули, оно не выросло бы таким кривым. Точно так же сгибаются от вредных воздействий брошенные на произвол судьбы дети, родители которых не смогли дать им воспитание. От них, подобно этому кривому дереву, нет никакой пользы ни самим себе, ни семье, ни народу и Родине.

Дядя Салман стал дальше показывать ребятам сад, ведя их от виноградных лоз до выращенных в бахче удлинённых как яйца помидоров. Сегодня он был доволен собой. В особенности его сильно радовал большой интерес пионеров к садово-бахчевым работам.

После завтрака в пионерских уголках было большое оживление. Кто-то играл в нарды, кто-то в шашки, группа пионеров готовила стенгазету, другая группа была занята чтением пионерской газеты и журналов. Азер с Шамилом играли в шахматы.

Шамиль считался первым шахматистом в лагере, и Азер хотел поучиться у него. Внимательно следя за ходом игры, время от времени он спрашивал у того, что ему было неизвестно. Смотревший на их игру Керим, видя интерес Азера, сказал:

— Учи, Шамиль, учи, я не я буду, если где-то через полгода, он не обыграет тебя.

Гасым, один из пионеров, укоризненно сказал:

— Он завистливый. В прошлом году отличником не был. Так, завидуя отличникам, он и сам выбился в отличники.

— Ай, молодец, если все так понимаешь, то ничего не скажешь. Если хочешь знать, я по-доброму завидую всем, кто лучше меня, — сказал Азер, многозначительно качая головой.

— Так раскрой же, что такое добрая зависть?

— Черная зависть происходит от эгоизма. Например, если кто-то старается помешать отличнику в его успехах—это называется черной завистью. Если, я, радуясь успехам друга — отличника, сам тоже стремлюсь стать как он, то это добрая зависть. Теперь тебе ясно, что такое добрая зависть? — После того, как черная пешка заставила коня, стоявшего против нее, попятиться назад, Азер продолжал свои пояснения, так как слова Гасыма сильно задели его:

— Добрая зависть в человеке хорошее качество. Это одно из основных условий для развития, движения вперед.

— Молодец, здорово ты продвинулся!

— Каждый пионер должен думать о своем будущем, готовить себя для будущего. А то, как же?!

— Ты в любом деле хочешь быть первым и становишься. А это тоже своего рода зависть.

— Для того, чтобы добиться чего-то, в любом деле нужны воля и любовь. Я сперва люблю то дело, которому хочу научиться, а потом уже начинаю трудиться.

В это время Шамиль объявил «шах».

Не видя никакого выхода, Азер признал себя побежденным.

— Хороший «мат» ты дал, — сказал он, подтверждая победу товарища.

Под вечер дядя Салман позвал Азера. Выйдя на крыльцо, Азер увидел рядом со старым садовником 12—13 летнего мальчика. Это был внук дяди Салмана, Мухтар. Представляя его Азеру, он сказал:

— Вот внук мой, учится в четвертом классе сельской школы, Хочу, чтобы вы познакомились.

Поздоровавшись с мальчиком за руку, Азер спросил:

— Как у тебя с арифметикой, как учишься?

— Неплохо.

— Хорошо, тогда задам я тебе одну задачу, посмотрим, как ответишь. На дереве сидели пять скворцов, охотник выстрелив, сбил одного из них на землю. Угадай, сколько скворцов осталось на дереве?

Мухтар, не задумываясь, ответил:

— Четыре скворца.

Салман киши с довольным видом посмотрел на Азера.

— Нет, не угадал, — сказал Азер со смехом. — На дереве осталось ни одного скворца. Они все улетели, испугавшись грохота выстрела. Это называется потешки. Когда у тебя что-то спрашивают, сперва подумай, а потом уже отвечай.

«Вот умница», — подумал про себя дядя Салман. Потом яв Мухтара за руку, сказал:

— Сынок, почаще приходи к Азеру, будь прилежным, как он!

В тот день, вернувшись с моря, они отправились на встречу с пионерами соседнего лагеря. Между пионерами двух лагерей состоялось соревнование по футболу.

Игра закончилась со счетом 4 : 3 в пользу команды, возглавляемой Азером. В соседней команде мячи забивал пионер по имени Рашид, который играл очень здорово. Азеру понравилась бойкость Рашида. И поэтому он подошел к Рашиду, пожал ему руку:

— Молодец, ты здорово играешь, как я ни старался, но больше двух мячей не сумел забить. Ваш вратарь тоже хорошо играет. Он отбил три наших мяча. Но ты играл лучше всех.

Керим провалился по физике, и его экзамен был назначен на 25-е августа. Плохая оценка Керима по физике плохо повлияла на Азера. И поэтому каждый день, проснувшись раннего утра, они вместе повторяли занятия. И сегодня тоже, как обычно, проснувшись рано утром, они готовили занятия по физике под карагачевым деревом.

Присущее апшеронскому полуострову летнее утро, сохранив в себе ночную прохладу, распустило под землей сотканные из солнечных лучей крылья. Самка-соловей со своими гонимыми пела утреннюю песню, воробьи тоже, перескакивая с ветки на ветку, весело чирикали меж собой. Голоса Азера и Керима смешались с птичьими голосами.

Сегодняшнее задание Азер спрашивал у Керима в форме вопроса-ответа, и тот отвечал. Потом Азер заставил Керима с начала до конца еще раз рассказать данное задание. Они же закончили занятия сегодняшнего дня.

Дядя Салман, открыв сток большого бассейна, водил по броду лопатой, поливая сад и бахчу. Мотор работал с большой скоротью, заменяя прохладной и свежей водой высекающую из бассейна воду. Сидя рядышком на помосте бассейна, пионеры смотрели на журчащую воду и прохлаждались.

Солнце уже поднялось ярко сияя на небосклоне. Птицы все еще продолжали время от времени напевать утреннюю песню. В это время Азер случайно увидел, как самка-скворец и ее птенцы один за другим с веселым гвалтом перелетают с ветки на ветку, словно гоняясь друг за другом. Они то стайкой садились на землю, гоняясь и клевая друг друга, то снова вспархивали и садились на дерево. Воробьи тоже, не желая отставать от них, принимали участие в этом веселье. Азер смотрел на них с большим удовольствием и интересом, не отрывая глаз.

Один из пионеров второго звена, Гулам, бросив в них камень, перебил крыло одному из скворцов. Раненый скворец упал на землю. Гулам быстро побежал и подобрал его. Увидев это, Азер побежал к нему:

— Почему ты ранил моего скворца? — рассердился он, отняв у него птицу.

Гулам, схватил его за ворот, требовал скворца обратно. Азер не давал. Перепалка между ними затянулась.

— Почему эти скворцы должны быть твои, они принадлежат нашему лагерю, — говорил Гулам.

Несколько пионеров защищали Гулама. Указывая на деревянный скворечник на верхушке карагача, Азер сказал:

— В прошлом году я сам смастерил этот скворечник и повесил там. Эти скворцы весной приютились в нем и вывели птенцов, — глядя на раненую птицу в руке, глаза Азера наполнились слезами.

На шум явились начальник лагеря и пионервожатые. Узнав, в чем дело, они обвинили Гулама, осудив его поведение. Любовь Азера к птицам, и в особенности, к скворцам, его забота о них удивляла в лагере всех, в том числе и самого товарища Тофика. Теперь подвернулся удобный случай для раскрытия этого секрета. С этой целью товарищ Тофик спросил у Азера:

— Азер, говорят, что ты смастерил подвешенный на дереве скворечник, так ли это?

— Да, я смастерил.

— Молодец, Азер, видно, что ты сильно любишь птиц. А как же ты смог взобраться на макушку карагача?

— Это еще что, я могу взобраться еще выше, — ответил с улыбкой Азер. — После этого я каждый год буду мастерить

и вешать на дерево по скворечнику... пусть скворцы выют себе в них гнезда...

— Ты смастеришь, и на следующий год там выведут птенцов воробьи, — подал голос с места кто-то из пионеров.

— Нет, там выведут птенцов скворцы! — возразил Азер.

— Птицы есть птицы, не знаю, что ты нашел в этих скворцах? — засмеялся Керим.

Вопрос Керима всем пришелся по душе, потому что Азер всегда рассказывал о скворцах с большой любовью и азартом. Всем было ясно, что такая любовь Азера к скворцам возникла не на пустом месте. Правда, каждый раз, когда разговор заходил о птицах, Азер вспоминал слова своего учителя, дяди Салмана, рассказывая о пользе птиц, в особенности скворцов, в хозяйстве, об уничтожении ими вредных насекомых и бабочек. Но главная загвоздка была не в этом. Вот почему, товарищ Тофик сказал в подтверждение слов Керима:

— Керим правду, говорит, почему-то скворцов ты любишь особой любовью, может, ты откроешь нам секрет?

Последовавшие друг за другом вопросы заставили Азера чуть призадуматься, словно он собирался поведать о чрезвычайно важном событии. После этого он начал рассказывать:

— Товарищ Тофик, скворцы — птицы очень занятные. Если бы вы увидели моего скворца, то поверили бы моим словам.

Азер, словно что-то припоминая, запнулся на миг. Товарищ Тофик и пионеры внимательно слушали его. Азер продолжал:

— В один из снежных и ветренных дней декабря прошлого года я проходил по садику Сабира, вдруг с верхушки дерева прямо передо мной упал скворец. Взяв его в руки, я увидел, что бедняжка замерз от холода. Я принес его домой, держа за пазухой. Несколько дней закутывал его в теплую шаль. Ноги и крылья птицы были обморожены. У нас в доме, хранилась старая клетка. Посадив скворца в клетку, я повесил ее на окне. Вначале он боялся меня, а потом так привык, что едва я возвращался из школы и входил в двери, он начинал радостно подпрыгивать в клетке и щебетать. Я называл его ласковыми именами, с любовью кормил и поил. Однажды я умывался в стеклянной галерее. Вдруг неожиданно скворец закричал таким страшным голосом, что я, перепугавшись, скорее бросился в комнату. Увидев меня, птица успокоилась. Она смотрела то на меня, то в окно. Я увидел, что соседняя кошка, стоя за окном, зарится на птицу. Я прогнал кошку.

После этого скворец оставался у меня еще три-четыре месяца. Он полностью выздоровел. И даже летал иногда по комнате. Если бы вы знали, какие это занятные птицы! Каждый день я ставил в клетку воду для питья. Напившись вдоволь, он опускал в воду крылья и купался. Подошел март. На соседних деревьях птицы весело чирикали, перескакивая с ветки на ветку. Мой скворец выходил из клетки и стучал клювом по оконному стеклу. Он тоже хотел весело и вольно летать среди зеленых ветвей деревьев. Прочитав его мысли, я взял птицу в руки. Открыв окно, подержал ее на раскрытой ладони. Она вдруг полетела и села на ближайшее дерево. Я бросил ей вдогонку: Лети, моя птица, лети, живи вольно, как мы!

Товарищ Тофик, внимательно слушавший рассказ Азера, с улыбкой сказал:

— Ага, теперь нам ясно, почему ты так сильно любишь этих скворцов. Это полезная любовь, надо любить их и стремиться к тому, чтобы как можно больше размножались птиц — друзей хозяйства.

СОДЕРЖАНИЕ

очевье. (Перевод Ю. Гранина)	3
письмо не дошло. (Перевод Ю. Гранина)	21
удотворность святилища. (Перевод Э. Азизовой)	25
илые воспоминания. (Перевод Э. Азизовой)	31
ред Демонem. (Перевод Э. Азизовой)	35
е увянет, не померкнет. (Перевод Э. Азизовой)	38
оему столу. (Перевод Э. Азизовой)	41
набаджи. (Перевод Ю. Гранина)	42
астер Бахтияр. (Перевод Э. Азизовой)	47
нев Джумы. (Перевод Э. Азизовой)	56
Маленький герой. (Перевод Э. Азизовой)	58
ервяк. (Перевод Ю. Гранина)	62
Долг. (Перевод С. Беглярбековой)	66
два товарища. (Перевод Э. Азизовой)	77
есник. (Перевод Э. Азизовой)	79
Кить или не жить? (Перевод Ю. Гранина)	86
вастливый охотник. (Перевод Э. Азизовой)	89
итроумный Альберт. (Перевод Э. Азизовой)	90
ена слова. (Перевод Э. Азизовой)	101
анцующие черепахи. (Перевод Э. Азизовой)	102
Дурсун. (Перевод Ю. Гранина)	116
Как хочешь, мне-то что! (Перевод С. Беглярбековой)	135
ервный субъект. (Перевод С. Беглярбековой)	146
в пионерском лагере. (Перевод Э. Азизовой)	154

Художественный редактор **Ф. Эфенди.**

Технический редактор **Л. Караева.**

Корректор **Г. Мамедова.**

Сдано в набор 10.08.93. Подписано в печать 15.10.94.
Формат бум. 60x90¹/₁₆. Бум. тип. № 2. Печать высокая. Уч.
изд. л. 9,91. Усл. печ. л. 10,5. Заказ № 560, тираж 5000

Цена договорная.

Министерство Информации и Печати

Азербайджанской Республики

Издательство «Гянджлик». Баку, ул. Гуси Гаджиева, 4.

Типография города Сумгаита

3000

Для младшего и среднего школьного возраста

Талыбзаде Абдулла Шаиг

ЬЕКАЈЭЛЭР

(Рус дилинде)

Бакы. Кэнчлик. 1990

1 руб. 60 коп.

